Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://marshaksamuil.ru/ Приятного чтения!

Статьи, выступления, заметки, воспоминания. Самуил Яковлевич Маршак

ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

"Детский театр" мыслился до сих пор как театр, в котором участвуют дети. Профессиональных детских театров (труппа Чистякова {1} и др.) у нас было немного. Зато любительские детские спектакли устраивались часто - в гимназиях, институтах, и в прежние времена, а сейчас еще чаще, чуть ли не в каждой школе, детском доме и очаге.

О создании особого детского репертуара думали и думают до сих пор очень мало. В случае надобности берется с запыленной полки какая-нибудь пьеска про зайчиков, фей, гномов или из якобы "детской жизни", в слащавой и фальшивой трактовке. Постановка пьесы носит обыкновенно все черты любительщины, плохого подражания театру взрослых.

Но в театре взрослых идет постоянная ломка, постоянные искания. Детский же театр берет грим, бутафорию, занавес, бороды, костюмы - как непреложный закон. Если детские спектакли и напоминают "настоящий театр", то, во всяком случае, - очень плохой театр, лишенный творчества.

Заученные слова и наклеенные бороды не есть детское искусство. Это скучно и ненужно, хотя, может быть, и доставляет удовольствие участвующим в спектаклях детям, как доставляет многим детям удовольствие чтение произведений Чарской {2}.

Если в рисовании или в рукодельной работе нам важнее всего свободное выявление индивидуальности ребенка, Этого маленького дикаря, в дикости и самобытности которого таятся неисчерпаемые возможности, то в детских представлениях должна также выявиться самобытная индивидуальность ребенка.

В детской жизни есть искусство, весьма близкое к сценическому: это свободная игра. С нее и надо начинать. Ведь уже трехлетние дети не только "представляют", но и сочиняют целые пьесы, играя в лошадки, в поезд, трамвай, пожарных и т. д. Такие импровизированные спектакли в тысячу раз интересней и талантливей специально устроенных спектаклей в гимназиях или детских домах. Посмотрите, - горят щеки и блестят глаза у ребят, преследующих изворотливого "разбойника", или ведущих войну, или бегущих тушить воображаемый пожар, - это ли не вдохновение, это ли не искусство, хотя тут нет ни костюмов, ни бород, ни бутафории. _Детям доступно высшее искусство - импровизация_. Не заменяйте ее там, где не надо, нарочитостью и скучной подготовкой.

Автору этих строк случилось наблюдать свободную детскую игру, представлявшую собою уже не зачатки драматического искусства, а вполне развитое сценическое действие,

В Англии, в свободной школе Ф. Ойлера (в Тинтерне, Уэльс) руководители часто читали детям старые легенды, сказания и современные повести о короле Артуре и рыцарях Круглого стола {3}. Дети, увлеченные рыцарским эпосом, образовали свой собственный "Круглый стол" и распределили между собой имена важнейших рыцарей. Распределение ролей было как нельзя более удачно. Роль сэра Ланселота, великодушного, безупречного и скромного рыцаря, была дана мальчику, превосходившему всех других товарищей прямотой, честностью и выдержкой характера. Другому мальчику, пылкому и отважному, было присвоено имя рыцаря Тристана и т. д. Как в мистериях, происходящих в Обераммергау {4}, роли эти были постоянными и могли передаваться другим мальчикам только в случае недостойного поведения носителя славного имени. Я наблюдал эту игру в течение целого лета. Она неизменно происходила на лесной поляне. Вначале игра была совершенно произвольной и несогласованной. По мере ее развития вырабатывались постоянные формы, устанавливались характеры, вводились костюмы (панцири, шлемы и т. п.), случайные слова заменялись постоянными репликами, определялся общий режиссерский план - игра естественно и незаметно переходила в театральное представление.

Другой пример игры-пьесы я наблюдал в детской колонии на берегу Онежского озера в Олонецкой губернии. Среди воспитанников колонии был юноша пятнадцати лет, испытавший, несмотря на свой юный возраст, много превратностей судьбы. Чуть ли

не с двенадцати лет он работал на дальнем севере при постройке дороги, заболел цингой и, подобранный кем-то на улице, попал в колонию - не то в качестве воспитанника, не то в роли технического помощника.

Рассказами о своей жизни, о работе на железной дороге, на заводе, у подрядчика он до того увлек детей, что они решили изобразить "Жизнь Никифора" (так называлась импровизированная пьеса) в лицах. На небольшой площадке во дворе колонии были условно обозначены деревня, где родился Никифор, рядом с ней железная дорога, тут же завод и т. д.

Никифор играл роль своего отца, а роль Никифора играл другой мальчик. Деревенские сцены были изображены с большим реализмом: полати, на которых спали отец с матерью (роль матери играл мальчик), полевые работы, брань между родителями Никифора, избиение сына, его бегство и т. д. Так же реалистично были изображены и железная дорога и фабрика.

Таков подлинный детский театр. Его можно развивать, но, конечно, не путем вмешательства взрослых в игру, а посредством общего культурного развития детей, которое будет естественно обогащать содержание их игры. Если дети увлекаются "Пинкертоном" {5}, они, естественно, будут играть в сыщиков.

Если вы их увлечете более благородными и значительными сюжетами, содержание игры будет иное. Если вы разовьете их музыкальные способности, разовьете их художественный вкус, дадите им представление о пластике и ритме, игра обогатится пением, грацией движений - всем тем, чего, увы, недостает и рутинному театру взрослых.

В деле художественного воспитания большое значение может иметь не детский театр, а "театр для детей", то есть такой театр, в котором участниками являются взрослые, а зрителями дети.

Я решаюсь высказать эту мысль (которая многим педагогам покажется рискованной, т. к. она отводит детям пассивную роль) только после того, как я высказал свой взгляд на развитие подлинного детского театра, возникающего из свободной игры. Но и этот свободный детский театр - не есть искусство, могущее служить образцом художественного воспитания, как не может служить образцом музыкальною искусства детская игра на рояле. Для целей художественного воспитания нужен серьезный, а не игрушечный театр. Таким театром может быть "театр для детей", если он удовлетворяет следующим строгим требованиям.

Прежде всего должны быть тщательно подобраны актеры. Не надо забывать, что все фальшивые интонации, все нелепые и развязные движения, которые так свойственны значительной части актеров-профессионалов, могут быть легко усвоены детьми. У актера театра для детей должна быть специальная подготовка в области пластики, музыки, понимания грима и костюма.

Актер должен быть достаточно живым и гибким для того, чтобы чувствовать связь с непосредственной в смысле ощущений и восприятий аудиторией.

Конечно, таких актеров подобрать нелегко. Еще труднее подобрать репертуар. Прежде всего надо отказаться от большей части существующего ныне детского репертуара. Не надо забывать, что лучшие сказки, как, например, Андерсена {6}, Уайльда {7}, народные сказки, не создавались специально для детей, как не для них были написаны "Дон-Кихот" {8}, "Робинзон Крузо" {9}, "Гулливер" {10}, "Хижина дяди Тома" {11}, - все те великие произведения, которые будили и воспитывали мысль ребенка на протяжении многих поколений. Ребенку нужен не суррогат искусства, а настоящее искусство, - конечно, доступное его пониманию. Помимо того, ребенку более, чем взрослому, нужны в искусстве значительные, многообъемлющие образы, приближающиеся к символам. Взрослый, более или менее знакомый с жизнью в целом, может довольствоваться случайными образами, отдельными деталями, отдельными штрихами. Ребенок в каждой сказке, в каждом художественном произведении хочет увидеть всю жизнь, он не развлекается, а учится. Поэтому театр для детей должен давать пьесы, заключающие в себе большие идеи, - конечно, не в скучной, не в тенденциозной форме, а в живых образах.

Готовых пьес мало. Лучше всего начать с инсценировок сказок, рассказов, повестей. Прекрасным материалом могут служить русские народные сказки, среди которых многие содержат прекрасный для сценической обработки материал.

Борьба противоположных начал, столь обычная в сказках, является в то же время основой, на которой строится всякая драма. Глубоким драматизмом полны такие русские сказки, как "Финист - Ясный Сокол", "Василиса Прекрасная" и др.

Характер постановок в театре для детей должен определяться одним принципом: поменьше связывать фантазию зрителя реалистическими подробностями. Ребенок больше любит палку, изображающую лошадь, чем искусно сделанную игрушечную лошадь; смутное подобие паровоза, состоящее из куска дерева и гвоздя в виде трубы, он часто предпочитает модели паровоза. Он ищет работы для своей фантазии и отказывается от тщательно разжеванной умственной пищи. Поэтому и в постановках надо избегать реалистических декораций. Покойный художник С. В. Воинов {12} сделал для нас ряд макетов условных декораций-ширм, применимых к различным постановкам.

Каждая из декораций сама по себе не имела определенного значения. Это была архитектурная фантазия: стены, выступы, зубцы, нечто напоминающее башни, купола и т. д. При различных перестановках отдельных ширм создавалось впечатление то крепости, то монастыря, то улицы старинного города и т. д. Это был очень интересный опыт, попытка освобождения художника от слишком определенного, иллюстративного, прикладного характера декоративного искусства.

Но и в декорациях, написанных для определенной пьесы и по специальному заданию, также может проявиться свободная фантазия художника. В одной из виденных мною постановок лето было изображено кустами гигантской малины (каждая ягода величиною с арбуз) и подвешенными на фоне темных сукон большими пестрыми бабочками из картона. Кажется, больше ничего и не было, но ощущение лета, которое требовалось по пьесе, было дано.

"Театр для детей" является новым делом. Поэтому определить его сущность сразу, в нескольких словах, невозможно. В ближайших выпусках журнала мы еще вернемся к нему. Пока же скажем несколько слов о существующем у нас, в области, театре для детей.

Существует он полтора года. За это время было поставлено около двадцати новых пьес. Наиболее крупные из них: "Петрушка" (народная кукольная комедия в обработке), "Финист - Ясный Сокол", "Аленький цветочек" (по Аксакову) {13}, "Летающий сундук" Андерсена; намечены к постановке "Молодой король" Уайльда, "Золотой петушок" (по Пушкину) и др. К десяти пьесам написана специальная музыка. Спектакли ставятся четыре раза в неделю: один для дошкольного возраста, два для младшего и среднего школьного возраста и один для старшего.

Делаются попытки наблюдения впечатлений детей. "Театр для детей" является частью краснодарского "Детского городка", объединяющего различные стороны внешкольной работы среди детей.

Для того чтобы работа театра вышла за пределы "Детского городка" и могла послужить если не примером, то хотя бы материалом для тех, кто интересуется подобными начинаниями, областной Отдел народного образования предпринимает в настоящее время издание "Сборника пьес театра для детей" {14}.

ИЗДАЛИ И ВБЛИЗИ

Впервые о Горьком я узнал в 1901 году от гимназистки восьмого класса Лиды Лебедевой. Ей было семнадцать лет, а мне двенадцать. Я очень уважал Лиду Лебедеву и потому отнесся к новому имени с полным доверием.

У Лиды Лебедевой был в руках томик в зеленоватой обложке. Книжка была непохожа на те, что мы брали в гимназии. Те были в переплетах, заклеенные и трепанные. От них пахло библиотекой, а от этой книги - свежей типографской краской. И печать в ней была свежее и чернее, чем в библиотечных книгах.

В Воронежскую губернию, в наше захолустье, проникла _новая литература_.

В эту пору жизни мы были уверены, что авторы книг - все без исключения покойники. Вот только один Лев Толстой остался. О писателях говорили с единодушным и привычным почтением. Юбилей Пушкина отслужили у нас в гимназии как молебен. Биографии казались преданиями.

Но о Горьком говорили не так, как о других писателях. Его можно было и совсем "не признавать". Высокий, красивый студент в серой шинели, приезжавший к нам на лошадях из Бобровского уезда, заявлял просто, что Горький - "босовня".

В окошке табачного и писчебумажного магазина появились первые открытки с портретом Горького. Косоворотка, длинные прямые волосы; лицо скуластое, хмурое и мечтательное. Неужели это и есть Горький? Похож на послушника или на молодого странника. Должно быть, он небольшого роста, стройный, застенчивый.

А через два года я встретил живого Горького. Это было уже не в Воронежской губернии, а под Петербургом, в Парголове.

Я гостил летом на даче у Стасовых. В одно из воскресений был большой съезд гостей. По этому случаю я нарядился в свой гимназический мундир с широким белым галуном и большими светлыми пуговицами. Был я моложе всех собравшихся лет на 40, 50, 60 и потому чувствовал себя немножко неловко.

Наш хозяин, Владимир Васильевич Стасов, старик большого роста, в красной рубахе и в зеленых сафьяновых сапогах, встречал на крыльце гостей. Гости были все знаменитые. Благодушный Репин, говоривший замогильно-глухим голосом. Глазунов, молодой, но уже грузный (в этот день Глазунов рассказывал, как однажды ночью на улице пьяный мастеровой принял его за конку). Ждали Шаляпина, старого знакомого Стасовых, с Горьким.

Чухонская таратайка на высоких колесах подвезла к двухэтажному деревянному дому их обоих.

Я был очень встревожен, и в голове у меня был туман.

Помню, вначале у меня в сознании оказалось два Максима Горьких. Один тот отвлеченный, смутный, занимающий большое пространство и пахнущий типографской краской. А другой - вот этот человек, имеющий право называть себя Максимом Горьким.

Было странно подумать, что весь Горький у нас и что с приездом его к нам никакого Горького за стенами этого дома не осталось. Будто к нам в дом привезли с площади известный памятник и площадь опустела.

Горький оказался человеком огромного роста, слегка сутулым и совсем не таким, как на открытке. Вместо блузы, на нем была короткая куртка, наглухо застегнутая. Волосы были коротко острижены. Ничего монастырского или страннического в настоящем Горьком не было. Он был похож, как мне тогда показалось, на солдата. Глаза мне понравились - серо-синие, с длинными ресницами. Ресницы придавали взгляду необыкновенную пристальность.

Горький стоял в дверях и говорил неожиданным басом.

- Я провинциал, - говорил он Стасову застенчиво и угрюмо.

"О" в этом слове "провинциал" звучало так, будто на пем ударение.

Это еще был нижегородский Горький.

Весь вечер я держался вдали от Горького. Да и о чем мне было говорить с ним? Если бы он оказался таким симпатичным, как на открытке, я бы, пожалуй, подошел к нему и заговорил. А то вдруг - этакий рост, этакий бас, да еще волком глядит. Нет, тут не заговоришь.

Но я следил за ним из угла, пока Глазунов играл на рояле, пока пел Шаляпин. Горький разговаривал мало и часто хмурился. Когда он улыбался, лицо его делалось немножко хитрым и задорным, как у нашего слободского парня. Будто он затеял мальчишескую каверзу.

Только к концу вечера, после того как я продекламировал свои детские стихи, я очутился рядом с Горьким в углу, Мои друзья рассказывали Горькому, что я болен и

мне необходимо уехать на юг.

Горький нахмурился, подумал, а потом сказал уверенно и просто, как человек, который все может сделать:

- Хотите жить в Ялте? Ладно, я это устрою.

Через неделю я получил телеграмму из Ялты:

"Вы приняты ялтинскую гимназию приезжайте спросите катерину павловну Пешкову мою жену пешков".

Другая телеграмма - на имя моего отца:

"Ваш сын принят четвертый класс ялтинской гимназии директор готлиб".

С тех пор прошло двадцать пять лет, но я помню обе телеграммы от первого до последнего слова.

Пешков. Мне казалось, что эта скромная фамилия существует для того, чтобы служить завесой, скрывающей сияние знаменитого имени "Максим Горький". Ведь неловко же всегда именоваться громким титулом. Директор Готлиб - какой, должно быть, сердечный человек этот директор, посылающий телеграмму только для того, чтобы обрадовать неизвестного ему мальчика!

Обе телеграммы с моря. Про море я читал у Роберта Льюиса Стивенсона {1} и почему-то думал, что к морю я попаду, только когда вырасту.

И вдруг - какой неожиданный поворот событий. Я один - без провожатых еду на берег моря и посылаю с пути гордые и восторженные письма своим пятерым братьям и сестрам.

Вот как далеко залетели мы, воронежцы. К Черному морю катим, к Максиму Горькому, к директору Готлибу.

В Ялте меня ласково встретила Екатерина Павловна Пешкова, о которой говорилось в телеграмме. С ней было двое ребят, шестилетний Максим и двухлетняя Катюша. Это была небольшая, но дружная и веселая семья. Жили они на даче Ярцева, в белом доме на горе Дарсан. Народу был у них всегда полон дом. То и дело грели самовар.

Здесь я прожил года полтора. Близился 1905 год. На даче Ярцева я узнал, что значит "массовка", и впервые потрогал холодный и плоский браунинг, оружие тогдашних революционеров. Постоянно появлялись у нас незнакомые люди, вроде студентов, только более серьезные и занятые, - агитаторы и организаторы. Они были у нас как у себя дома: подолгу спорили и курили за неурочным чаем. Но, бывало, не успеешь как следует познакомиться с приятным человеком, как он уже исчезает, а вместо него появляется другой. На свиданье к ним приходили снизу из города рабочие - отчаянная молодежь (помню трех Петров, всегда готовых в бой).

Все эти люди были так не похожи на обычных ялтинцев. Ялтинцы - это грустные и одинокие чахоточные, лежавшие на верандах, и та нарядная публика, которая ела мороженое в кондитерских и скакала на татарских лошадях по набережной.

Вокруг дачи постоянно шныряли шпики. Часто у нас в доме по ночам лихорадочно пересматривали и уничтожали письма в ожидании обыска.

Однажды рано утром в комнату вбежал маленький Максим и отрывисто, как его отец, сказал:

- Там какой-то дяденька... кажись, генерал пришел.

- Не генерал, а полицейский пристав, - прозвучал из передней вежливый голос.

Но, несмотря на все бедствия и угрозы, на даче Ярцева люди жили легко и бодро.

Всем было просторно, всем хорошо.

И свои, и чужие чувствовали, что всем живется так славно потому, что в этом доме хозяйка - Екатерина Павловна Пешкова, такая молодая и приветливая, такая строгая и молчаливая.

Алексей Максимович приехал в Ялту после своего сидения в Петропавловской крепости. Он пожелтел, осунулся и отпустил небольшую бороду - жесткую и рыжеватую.

Вокруг него роем зажужжали люди всех званий, занятий, возрастов.

Помню его высокого, в широкополой черной шляпе, с палкой в руке. Он идет по пыльной белой дороге в полдень, когда нет тени. Всюду за ним следуют люди. Любопытные. Они показывают пальцами и говорят:

- Это Максим Горький. И про меня:

- Это сын Максима Горького.

Таких сыновей, как я, у Горького было довольно много.

Однажды он пришел ко мне и сказал:

- Вот что. У меня есть для вас два ученика. Хорошие ребята. Такие великолепные круглые затылочки. Пришли ко мне учителя просить. Я их послал к вам.

На другой день явились маленькие стриженые ребятишки. Я прежде всего посмотрел на их гладкие, круглые затылки, о которых говорил Горький.

- Нас к вам Максим Хоркий прислал, - сказали ребята, - он велел, чтобы вы нас учили.

В одном из них Горький не ошибся: он действительно хотел учиться.

А другой оказался дрянным мальчишкой. На уроках он издевался надо мной, строил рожи, показывал язык, нарочно ставил кляксы на своих и на моих тетрадях.

Из любви к Горькому я долго терпел обиды и поношения, но наконец не выдержал и прогнал своего мучителя.

После этого он несколько дней бегал за мной по улице и кричал мне вслед:

- Максим Хоркий - арештант!

Горького тогда уже в Ялте не было. Скоро уехала и его семья. Исчезли и таинственные революционеры. Остались в Ялте одни чахоточные.

А спустя некоторое время директор Готлиб - тот самый, что послал телеграмму, - вызвал меня к себе и скорбно сказал:

- Знаете, голубчик, генерал Думбадзе намерен вас выслать из Ялты. Лучше бы вам самому уехать, чтобы вас не арестовали. Только уезжайте не пароходом, а омнибусом. Это безопаснее.

На другой же день рано утром я проехал по пустынной Ялте в тесном омнибусе. Я сидел у окошка, низко нагнув голову, чтобы меня не увидели с улицы. Так я покинул Ялту, в которую когда-то въехал триумфатором.

За что рассердился на меня генерал? Вероятно, за Горького.

Так закончилась сочиненная Горьким необыкновенная история одного воронежского мальчика.

О БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ {*}

{* В основу этой статьи положен доклад, прочитанный на 1 Съезде советских писателей. (Прим. автора.)}

1. Книга, которая воспитывает будущее

Вопрос о детской литературе поставлен в ряду первых и важнейших вопросов на Первом Всесоюзном съезде писателей. И ЭТО; конечно, недаром. Книги, которые воспитывают наше будущее, заслуживают первоочередного внимания.

У наших поэтов и прозаиков есть все, что нужно для создания замечательной сказки, великолепного фантастического романа, героической эпопеи, какой еще не бывало. Каждый день исправно поставляет нам героические сюжеты. Сюжеты можно найти и над землей, и под землей, и в школе, и в поле, и в настоящем, и в прошлом, и в будущем, потому что будущее нам открывается с каждым днем, а на прошлое мы смотрим новыми глазами. Как ни высоки героические дела сегодняшнего дня, - завтра их обгоняют другие, еще выше. Сегодня - это первый прыжок парашютиста сквозь облака, завтра - беспримерный по стойкости поединок подсудимых с фашистскими судьями.

Юный читатель любит молодых героев. Вспомните, как увлекались мы когда-то подвигами юного Роланда {1} и приключениями пятнадцатилетнего капитана из повести Жюля Верна {2}. А разве мало у нас молодых героев, чьи биографии кажутся поистине сказочными? Мало ли у нас водителей кораблей, самолетов, мало ли замечательных людей, прошедших подлинно героический путь от беспризорщины военных лет до командных постов в науке, технике, искусстве?

В нашей стране может возникнуть превосходная детская литература еще и потому, что у нас превосходный читатель. Найдите другого такого читателя, который был бы способен отшагать десять километров туда и десять обратно, чтобы принести из районной библиотеки "стоящую", как он говорит, "книжечку".

У нас растет сильное и одаренное поколение. И писать детские книжки великая честь для наших литераторов.

2. "Корень учения горек..."

Такой съезд, как наш, был бы немыслим в дореволюционной России.

А серьезный разговор о детской литературе на съезде писателей - еще более беспримерное явление.

Детскую литературу в годы, непосредственно предшествовавшие революции, принято было считать делом компиляторов, маломощных переводчиков и пересказчиков.

В молодости я знал дюжего человека с Волги, надорвавшего в Питере свое здоровье беспробудным пьянством и ядовитым самолюбием. Этот человек носил рыжую шляпу, рыжие сапоги, редко брился и сохранял на лице горькую мизантропическую улыбку неудачника. Про него говорили, что он пишет детские книжки, но сам он этих книжек никому из нас не показывал. Помню, только однажды, в поисках завалявшейся трешки, он вытащил нечаянно из кармана, несколько измятых книжек в цветных обложках с картинками. Это был ремесленник, проклинавший свое бездоходное и бесславное ремесло.

Помню и другого пьяницу, талантливого и самобытного математика, который все ночи напролет пил крепкий чай, задыхался в табачном чаду и писал для детей книги, которые назывались "В царстве смекалки".

А еще были дамы. Дамы не пьянствовали, а очень серьезно, аккуратно и систематично писали книжку за книжкой из институтской и псевдодеревенской жизни или перекраивали на русский лад заграничные повести идиллически-семейного характера. Впрочем, иногда они брались и за научно-популярные темы, и любознательная французская девочка Сюзанна превращалась у них в русскую Любочку, существующую только для того, чтобы задавать бесчисленные вопросы {3}.

Настоящие литераторы редко занимались писанием книг для детей или занимались между делом.

Правда, Лев Толстой подбирал и сам сочинял детские сказки и рассказы, до сих пор

служащие образцами мастерства, простоты и содержательности {4}. Но Толстой был не только великий писатель, но и замечательный педагог.

От времени до времени и другие литераторы сочиняли рассказы для детей, но то, что писало большинство беллетристов, было, по выражению Чехова, не детской, а "собачьей" литературой (дескать, только о собаках и писали).

Сказки Толстого, сказки Горького {5} и Мамина-Сибиряка {6}, рассказы Куприна {7}, стихи Блока {8} да и все то лучшее, что шло в детскую литературу из русской и мировой классики и фольклора, - заглушалось сорной травой детского чтива. Если бы в те времена мог состояться Всероссийский съезд писателей и если бы - что уже совершенно невероятно! - на нем был поставлен вопрос о детской литературе, - доклад об этой литературе должен был бы читать счастливый автор "Княжны Джавахи" и "Записок институтки" Лидия Чарская или же те безымянные переводчики и пересказчики, которые печатали под грубо размалеванными картинками такие стихи:

Мальчик маленький, калека,

Искаженье человека...

или:

Любит японочка рыбки поесть,

Любит и удит она.

Стоит ей только у речки присесть,

Вазочка мигом полна.

Стихи Блока, печатавшиеся в детском журнале "Тропинка" {9}, стихи Аллегро-Соловьевой {10}, Саши Черного {11} и Марии Моравской тонули в массе пестрой макулатуры, неустанно фабриковавшейся предприимчивыми издателями.

Радикально настроенные просветители и педагоги тоже издавали книги, но они не могли конкурировать с коммерсантами издательского дела. Коммерсанты знали, на какого червячка клюет читатель-ребенок. Самый маленький читатель (или, вернее, его мамаша) клюет на розовые картинки, изображающие ангелочков-детей и кудрявых собачек. Девочка постарше клюет на Чарскую, а ее брат-гимназист клюет на Пинкертона.

Но не в одной издательской демагогии тут было дело. Стихи для детей, написанные поэтами, часто не могли выдержать конкуренции с ходкими стишками.

Порты писали в детских журналах:

Весело цветики в поле пестреют.

Их по утрам освежает роса.

Днем их лучи благодатные греют,

Ласково смотрят на них небеса...

А ребятам нужно было действие, нужен был песенный и плясовой ритм, нужен был юмор.

Все это они находили в бойком переводном "Степке-растрепке" {12}, в смешных, хоть подчас и жестоких книжках Вильгельма Буша о Максе и Морице, о Фрице и Франце {13}, в кустарных переводах замечательных английских народных песенок ("Гусиные песенки") {14}.

Пожалуй, первым или, во всяком случае, одним из первых предреволюционных писателей, сочетавших в своих стихах для маленьких эти обе борющиеся линии - литературную и лубочную, - был Корней Чуковский {15}. Стихи его, связанные с литературными традициями и в то же время проникнутые задором школьной "дразнилки", считалки или скороговорки, появились вслед за яростными критическими атаками, которые он вел на слащавую и ядовитую романтику Чарской и

ей подобных.

"Убить" Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, было не так-то легко. Ведь она и до сих пор продолжает, как это показала в своей статье писательница Е. Я. Данько, жить в детской среде, хотя и на подпольном положении {16}.

Но революция нанесла ей сокрушительный удар. Одновременно е институтскими повестями исчезли с лица нашей земли и святочные рассказы, и слащавые стихи, приуроченные к праздникам. Правда, предпринимались неоднократные попытки сохранить в советской литературе ангелочков под видом образцовых девочек и мальчиков из детского сада. Не раз пытались у нас декорировать мещански уютный домашний уголок доброго старого времени под стиль "красного уголка".

Но лучшая часть нашей детской литературы, возникшей после революции, рассчитана на ребят, растущих не в теплице, а на вольном воздухе.

Эти ребята живут, а не только готовятся жить. Поэтому их нельзя кормить сухой дидактикой, нравоучительной литературой, которой питались в детстве их бабушки и дедушки, твердившие в виде утешения старинную пословицу схоластической школы: "Корень учения горек, а плод ею сладок".

Для дедушек и бабушек во времена их детства мировая история начиналась с Адама, а историческая беллетристика охватывала период от "Аскольдовой могилы" до "белого генерала" {17} - и больше напоминала пышно-декоративные оперы и феерии, чем романы, повести и рассказы.

Мы должны, конечно, дать нашим ребятам прошлое, даже далекое прошлое, начиная с пещерного человека, но вместе с тем мы хотим показать им жизнь и с другого конца - с нынешнего, а то и с завтрашнего дня.

Для того чтобы показать им жизнь и в настоящем и в прошлом, а не только бездушную схему жизни, мы привлекаем к работе над детской книгой тех, кто сохраняет память детства и одарен поэтическим воображением.

Не только повести о людях должны делаться мастерами художественного слова, но и книги о зверях, о странах, о народах, даже книги по истории техники.

Это не значит, что все авторы детских книг, и художественных и научных, должны быть профессиональными поэтами и беллетристами. Но для того, чтобы довести книгу до воображения ребенка, а не только до его сознания, человек, пишущий книгу, должен владеть конкретным образным словом. Вспомните путешественника В. К. Арсеньева, никогда не принадлежавшего к цеху писателей, но оставившего и детям, и взрослым книгу, которая является образцом художественно-документальной прозы ("В дебрях Уссурийского края", "Дерсу Узала") {18}.

Мы уверены, что среди наших ученых, изобретателей, инженеров, красноармейцев, моряков, машинистов, охотников, летчиков найдется достаточно людей, одаренных наблюдательностью, памятью и воображением. Эти люди сумеют передать детям огромный опыт, накопленный старшими поколениями, - опыт, часто неведомый профессиональным литераторам.

Чем старше ребенок, тем меньше нужна ему специфически детская книжка. Ведь почти вся наша литература с ее широкими воспитательными задачами может быть доступна старшим школьникам. Они зачитываются "Детством" Горького, читают Фадеева, Фурманова, Николая Островского, Шолохова, Толстого, Сейфуллину, Новикова-Прибоя, читают наших поэтов {19}.

Но рядом с "Детством" Горького и "Дебрями Уссурийского края" Арсеньева им нужны "Том Сойер" Марка Твена {20}, Жюль Верн, "Р. В. С." и "Школа" Гайдара, "Пакет" и "Часы" Пантелеева {21}, "Морские истории" Бориса Житкова {22}, повести Л. Кассиля {23}, сказочно-реалистическая детская пьеса Евгения Шварца {24} и Шестакова {25}. Любопытную просьбу высказывают ребята в письмах к Горькому: они просят написать продолжение к повести Смирнова "Джек Восьмеркин" {26.}

Ребятам нужна художественно-научная, географическая, историческая, биологическая, техническая книжка, дающая не разрозненные сведения, а художественный комплекс фактов.

Такая художественно-научная литература для детей у нас уже создается. Ее читают не только у нас, но и за рубежом, переводят и в Америке, и во Франции, и в Японии, и в Индии, и даже в маленькой Исландии.

Книжкам Ильина, Паустовского {27} и других выпала на долю почетная задача рассказать нашей и зарубежной молодежи о пятилетке, о социалистическом строительстве. Написанные для детей, эти книги оказались увлекательным чтением и для взрослых.

В этом одна из типичных черт нашей литературы для школьников. Ее читают и дети и взрослые.

3. "Покороче, пояснее, попонятнее, посложнее"

В нашей стране к детям относятся хорошо.

Дети для нас - не предмет утомительных забот и невинных семейных радостей. Это - люди, которым предстоит много сделать и которых для этого надо хорошо подготовить.

Что можем сделать для подготовки нового человека мы - не педагоги, не инструктора физкультуры, а литераторы - прозаики и поэты? Казалось бы, ответ простой: дать побольше хороших книг. Ведь ребята - это самые усердные, самые постоянные читатели. Они читают не на сон грядущий, не в амбулатории в ожидании зубного врача, не в выходные дни, а ежедневно - так же, как обедают и ходят в школу.

Вы можете смело спросить любого школьника, что он сейчас читает. Он ответит вам: "Дочитываю Фурманова и перечитываю Жюля Верна". А попробуйте задать такой же вопрос соседу по квартире и даже своему собрату писателю. Не знаю, как сосед, а собрат писатель по большей части перечитывает самого себя, а читает лишь своих ближайших друзей или соперников.

Советский школьник, и городской и деревенский, это не просто читатель, это - страстный охотник за книгами.

В последнее время мне пришлось заняться изучением множества детских писем, полученных М. Горьким со всех концов нашего Союза. Часть этого материала была опубликована в "Правде" и в альманахе "Год Семнадцатый" {Речь идет о статье "Дети отвечают Горькому". (Прим. автора).}.

Здесь же мне хотелось бы только установить сущность этих требований тот любопытный наказ, который дают писателям советские ребята.

Отвечая М. Горькому на его вопрос, какая книга им нужна, ребята со свойственной им буквальностью ждут, что через два-три месяца, самое позднее - через полгода, к ним придет по почте интересная толстая книга в толстом переплете, в двух частях, со многими рисунками.

"Я очень люблю читать, но хожу-хожу, прошу-прошу везде, и только очень редко удается мне достать интересную книжку. Почему в библиотеке все дают тоненькие, рваные, грязные книжки, плохо напечатанные, с безобразными рисунками? Я люблю толстые, красивые книжки. Когда возьмешь такую, так спокойно и приятно становится, что надолго читать хватит и не надо опять просить. И знаешь, что интересно будет, а не наспех писатель писал. Еще мне очень хотелось бы, чтобы каждый ученый нашей страны описал бы попроще то, над чем он работает, чтобы нам понятно было. Это нам очень интересно и нужно..."

Лозунг "Дайте толстую книгу" проходит красной нитью через множество писем. Но дело тут не в одной толщине.

Вы подумайте, какой пыткой может быть для читателя толстая, но скучная книга! А маленькие - те даже пишут: "Мы любим тонкие книжки с большими буквами, потому что толстую читаешь-читаешь и соскучишься".

Говоря о толстой, или о длинной, или о подробной книге, старшие ребята хотят, видимо, одного: чтобы в книге была законченная эпопея, целая человеческая жизнь,

со всеми событиями, поражениями и победами.

Шесть пионеров из Ярославля пишут:

"Мы читаем много. Когда меняем в библиотеке книги, то спрашиваем и выбираем все потолще, так как тоненькую нам не хочется читать, потому что иногда жаль бывает расставаться с героем, которого мы уже успели полюбить. Мы сердимся на писателя и думаем: что заставило его так скоро расстаться с показанным им героем?

Наш наказ писателям:

1) Пишите большие книги, чтобы выведенные вами герои жили долго-долго,

2) Пишите о том, как дружба и хорошие примеры меняют человека.

3) Напишите о жизни революционеров и изобретателей побольше книг".

А вот наказ гораздо короче - от деревенского мальчика со станции Дебессы:

"Алексей Максимович, статейку вашу я прочитал и думаю, какие книги интересные. И придумал: 1) про всяких зверей, 2) про диких всяких птиц, 3) и про всякие деревья. И все по одной книге".

Отсюда совершенно ясно, что ребята заботятся не только о "длине" и "толщине" книги, но и об ее законченности и полноте. Читатель со станции Дебессы не хочет, чтобы звери были перемешаны с птицами и деревьями. Он боится, что книжка от этого толще не станет, а зато на долю птиц или на долю деревьев, чего доброго, придется меньше страниц, меньше рассказов, меньше сведений.

Наш читатель хочет обеспечить себя книгой, по крайней мере, "на неделю". Он читает непрерывно и поэтому любит большие книги и серии книг. Но его увлекает не самый процесс чтения, он ничуть не похож на гоголевского Петрушку, который не интересовался содержанием книги, а только радовался, что "вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает, что и значит".

Дети читают внимательно, - пожалуй, внимательнее нас взрослых. К содержанию книг они предъявляют свои особые требования и умеют черпать из книг новый для себя опыт.

Послушайте, что дала им одна только книга - известная книга В. К. Арсеньева "Дерсу Узала".

"Мы познакомились, - пишут пионеры, - с жизнью Уссурийского края, узнали повадки многих животных, птиц, внешний вид их, окраску, узнали много новых слов. Многие места в книге заставляли нас волноваться и тревожиться за жизнь путешественников".

Вот чего ждут дети от книги - и новых сведений, и новых переживаний, и новых слов.

К этому читателю нельзя идти с одними внешними эффектами и выкрутасами, с литературным жеманством или с бездушными готовыми схемами.

Нельзя - по двум причинам. Тот читательский авангард, который умеет так хорошо и отчетливо формулировать свои мысли и чувства, просто не поверит автору и, может быть, навсегда сохранит недоверие к писателям и литературе. Те же, кто слабее, пассивнее и доверчивее, сами научатся подменять настоящий опыт литературной или газетной фразеологией.

Перебирая письма ребят, можно выделить целую группу голосов, неразличимо похожих один на другой. Словесный трафарет заслонил в этих письмах содержание.

Но, по счастью, большинство писем свободно от общих фраз. В этом особая удача переписки. То ли потому, что ребята пишут Горькому, о детстве которого хорошо знают из его же книги, то ли потому, что это пишет настоящий читательский авангард, или, как у нас говорят, "библиотечный актив", но ребята на этот раз раскошелились, заговорили со щедрой откровенностью о книгах, которые только что прочли и пережили.

"Мы очень волновались, когда читали о Трофимове ("Пакет" Пантелеева) в том месте, где он в интересах революции применял всю силу своей находчивости - борьба за ценные документы. Его стойкость нас поразила. Мы просим Пантелеева написать книгу потолще о герое. Он пишет очень захватывающе. Главное, что его герои в тяжелые минуты не унывают, бывают веселые, как, например, Трофимов: перед расстрелом он еще шутил и говорил о своих больных мозолях" (Ярославль, пионеры).

Наши ребята любят героику, особенно героику революции, и понимают ее по существу, а не ходульно. Бытовая юмористическая черта не принижает в их глазах героя, а делает его трогательнее и ближе.

Дети умеют смеяться и прекрасно знают, какая сила и какая помощь смех.

Вот письмо одного из школьников Горькому:

"Прошу больше выпускать юмористических и смешных рассказов, так как в детстве и даже в юности ребенку наносится много обид и маленьких невзгод. В таких случаях я всегда хватал Чехова, забирался в шалаш, читал и под конец чтения разражался хохотом, словно в шалаш мне напустили газу, вызывающего смех. А в настоящее время, когда мне пятнадцатый год, мне нужны книги, показывающие, как из подростка может выйти жизнерадостный, здоровый, смелый человек, путь этого человека, который перестраивает город, деревню, свою жизнь".

Как великолепно сочетается в этом письме серьезность, свойственная нашим ребятам, с простотой, наивностью и детскостью! Кажется, что между строчек письма можно прочесть биографию горьковского корреспондента.

По стилю и по житейскому опыту, который ощущается в каждом слове, можно с уверенностью заключить, что это пишет не избалованный ребенок, воспитанный в уютной детской, а человек, немало испытавший за свою короткую жизнь, и, пожалуй, из той новой демократической среды, в которую совсем недавно проникла литература.

Значительная часть писем к Горькому пришла именно от этого нового читателя, который впервые заговорил о своих вкусах, интересах, отношениях.

Часто он начинает письмо, по старому деревенскому обычаю, с поклонов, он обращается к Горькому то на "ты", то на "вы", но зато у него есть настоящее любопытство, настоящие желания, которые он умеет выражать полно и сильно.

Он просит написать ему такие книги: "О борьбе и страданиях заграничных пионеров", "Тайну полярных стран и полюсов", "Про сухую и безводную пустыню Кара-Кум", "О последних индейцах в Америке", "О беспризорниках и их горькой жизни".

Каждое из этих требований дает не только тему в узком смысле слова, но и какой-то музыкальный ключ, который должен помочь писателю найти правильный тон для детской книги, если только писатель умеет слышать.

А сколько сведений требуют от нас эти ненасытные читатели из городов, поселков, местечек, колхозов и новостроек! Вот небольшой список вопросов и тем, перечисленных в одном только письме:

"Как раньше жили крестьяне и как дворяне?

Жизнь беспризорников.

Биография революционеров.

Гражданская война.

Приключения из жизни животных на Севере.

Путешествия в эпоху великих открытий и теперь.

Начало революционного движения в России.

Астрономия.

Археологические раскопки в Крыму, на Родосе и в Микенах.

Жизнь ребят в современной Америке.

Россия в эпоху Ивана Грозного.

Год великого перелома, коллективизация и классовая борьба в колхозах.

Изобретатели: Эдисон, Фультон, Ньютон, Стефенсон, Матросов, Казанцев.

Жизнь восточных народов: таджики, киргизы, узбеки.

Беломорстрой и превращение бывших преступников в героев соцстройки".

В этом письме нет технических тем. Зато другие письма с лихвой покрывают этот пробел. В них есть все, начиная с межпланетных сообщений и кончая кормушкой для кроликов.

Такую же россыпь естествоведческих, исторических и географических тем найдете вы в других письмах ребят. А уж о военных темах и говорить нечего. Трудно сосчитать, сколько раз повторяется в письмах просьба написать про будущую войну, как она начнется и чем она кончится, какова будет ее техника, чем могут помочь пионеры армии, если на нас нападут враги.

И на все их бесконечные вопросы мы должны ответить не суррогатами, не снисходительной популяризацией или сокращением книг для взрослых, - дети всегда чувствуют эту снисходительность и не доверяют "сокращенным изданиям".

Да и можно ли говорить о снисходительной популяризации, когда речь идет о читателе, который предъявляет к литературе высшие требования?

Мальчик из села Дуденова, ученик шестого класса, пишет, обращаясь к литераторам: "Товарищи, научитесь писать _покороче, пояснее, попонятнее, посложнее_".

Нелегко найти писателя, которому такая мерка пришлась бы впору. Еще труднее найти критика, который сумел бы так коротко, так ясно, так понятно и сложно сформулировать свои требования к литературе.

Но школьник из села Дуденова - вовсе не критик. Он ничего не оценивает и никого не поучает. Он просто читатель. Ему, как и другим его тринадцатилетним сверстникам, до крайности нужна новая, интересная книжка. Вот о чем он и хлопочет. Но при этом он нисколько не забывает о своем возрасте. Он достаточно скромен и очень трезво взвешивает свои силы, учитывая, что будет для него доступно и что недоступно, с чем он справится и чего не одолеет.

"Мы хотим книг о гражданской войне на _детском языке_", - пишут ребята.

"Книжек про звезды _на нашем детском языке нет_", - пишут другие.

Детский язык - это не упрощение и не сюсюкание.

Не всякая понятная книжка любима детьми. Очевидно, дело не в доступности, а в каком-то подлинном соответствии книги с мироощущением ребенка.

Если в книге есть четкая и законченная фабула, если автор не равнодушный регистратор событий, а сторонник одних героев повести и враг других, если в книге есть ритмическое движение, а не сухая рассудочная последовательность, если моральный вывод из книги - не бесплатное приложение, а естественное следствие всего хода событий, да еще если ко всему этому книгу можно разыграть в своем воображении, как пьесу, или превратить в бесконечную эпопею, придумывая для нее все новые и новые продолжения, - это и значит, что книга написана на настоящем _детском языке_.

Поиски этого языка - трудный путь для писателя. Ни собирание отдельных детских словечек и выражений, ни кропотливая запись особенностей поведения ребят, ни

коллекционирование анекдотов из жизни очага и школы еще не могут научить писателя говорить "детским языком". Во всяком случае, это будет не тот язык, который имеют в виду ребята, когда просят: дайте нам книгу про гражданскую войну или про звезды на детском языке.

Мы не должны подлаживаться к детям. Да они и сами терпеть не могут, когда мы к ним подлаживаемся, корчим гримасы и щелкаем перед ними пальцами, как доктор, который собирается смазать им горло йодом.

Задача наша не в том, чтобы потрафить всем разнообразным интересам и вкусам читателя. Мы должны знать эти интересы и вкусы, но знать для того, чтобы направлять и развивать их.

Мы обязаны внимательно изучать каждое из детских писем, каждый отзыв ребенка на книгу, но мы не собираемся строить всю программу детского чтения только на основании читательских требований. Задачи детской литературы гораздо шире и глубже всего того, что могут предложить сами дети.

Но счастливая особенность наших отношений с детьми в том, что основные идеи, руководящие у нас всей жизнью, находят и среди ребят быстрый и верный отклик.

Ведь даже в самых глухих углах Союза дети ожесточенно воюют за эти идеи, часто доверяя больше словам, впервые услышанным в школе и в отряде, чем старым прописным истинам, унаследованным их отцами и дедами от далекого прошлого.

Нелегко воевать с прошлым, если тебе всего десять - двенадцать лет.

От своей литературы дети ждут помощи, одобрения, научных и житейских фактов, утверждающих в них новое, еще только складывающееся мировоззрение.

4. О старой и новой сказке

Когда разговор заходит о детской литературе и о детском языке, профессиональные литераторы обычно складывают оружие.

Это уже, говорят они, не наше дело. Кто его знает, что именно нужно и чего не нужно детишкам, как и о чем с ними разговаривать. Тут надо предоставить слово педагогу - ему, мол, и книги в руки.

Спору нет, у детской литературы есть педагогические задачи. Но ведь всякое серьезное и ответственное искусство решает в той или другой мере воспитательные задачи, если их понимать не в прикладном, а в самом широком смысле.

Умный, талантливый педагог может направить интересы читателя-ребенка. Иногда даже может ввести в круг детского чтения какую-то новую, смелую книгу, которая до него вовсе и не предназначалась для детей. Но непосредственно участвовать в создании детской литературы он способен только в том случае, если он и педагог и писатель. А это бывает редко.

Правда, к услугам детской литературы всегда целая армия людей, готовых излагать своими словами любые факты и сведения, готовых писать картинки из жизни животных по Брему {28,} очерки о путешествиях по Скотту {29}, Нансену {30} и Пржевальскому {31}.

Но эта холодная стряпня не дает ребенку ни мысли, ни чувства. Ведь ребята хотят таких героев, "с которыми жаль расставаться". Им нужен юмор, от которого улыбаются не уголком рта, а громко хохочут. Они требуют и познавательной книжки, которую можно переживать, как роман.

Этого не достигнешь никакими приправами, никакими Занимательными приемами. Детская литература должна быть делом искусства.

Многие из нас еще не понимают этой простой истины. Удивляться тут нечему. Когда люди говорят о детской литературе, они обычно вспоминают книжки, которые сами держали в руках когда-то в детстве.

Но ведь вольфовские подарочные томики {32} и сытинские рыночные книжонки {33} литературой не назывались. Так, - детское чтение!

Они и не заслуживали названия литературы. Это были главным образом отходы беллетристики для взрослых, слабый раствор научных сведений, выжимки из классической литературы, обесцвеченные остатки фольклора.

У меня нет возможности подробно останавливаться здесь на предреволюционной детской литературе, но об отдельных ее участках поговорить все-таки необходимо.

Возьмем хотя бы сказку.

У многих людей, которые помнят еще предреволюционные издания сказок в цветных глянцевитых обложках или в тисненных золотом переплетах, существует представление, будто бы сказку убила революция.

Я думаю, что это ложное представление.

Правда, наши педологи-методисты детского чтения и "левацки" настроенные литературные критики изгнали на короткое время из библиотеки старого Андерсена и отвадили наших детских писателей от сказочных образов.

Но дело не в этом. Сказке уже давно подрезали крылья и за рубежом, и у нас до революции.

Где сейчас в Западной Европе Асбьернсен {34}, Гофман {35}, Гауф {36}, Андерсен, Лабуле {37}, Топелиус {38}? Где их наследники - новые сказочники той же смелости и того же таланта?

Вы не найдете ни одного имени, достойного хотя бы в малой степени числиться в этой плеяде.

А кто у нас перед революцией - в последние дни старой России писал сказки для детей? Сказок печаталось много. Сказка и детская книжка были почти равнозначащими понятиями.

В святочных номерах даже взрослых газет и еженедельных журналов очень часто печатались сказки.

Но что это были за сказки? Из всего сказочного богатства в них уцелел только прокатный ассортимент ангелов, фей, русалок, эльфов, гномов, троллей, леших, принцесс и говорящих лягушек.

А кто из вас, если говорить по совести, знает хотя бы основное различие между эльфом, гномом и кобольдом?

Вы смешиваете их потому, что они мало чем отличались друг от друга в нашей предреволюционной сказке. У эльфов, ангелов, русалок были одинаковые золотые волосы и бирюзовые глаза. У леших, гномов и троллей - одинаковые ватные бороды.

А ведь в старой народной сказке у каждого гнома, кобольда и эльфа была своя родина, свой характер и даже своя профессия. Одни жили в горах Силезии и занимались рудокопным делом, другие ковали щиты и мечи в подземных пещерах Шварцвальда, третьи пасли стада на лесных полянах Англии и Франции. Недаром химический элемент кобальт получил свое название от маленького легендарного рудокопа-кобольда в острой шапочке.

Но в предреволюционной детской сказке от всей характеристики гнома и кобольда только и уцелела острая шапочка.

Сказочные существа сделались безработными, безродными, бездушными и безличными, превратились в блестящие и дешевые вороха елочных украшений. В их пеструю и беспринципную компанию попали заодно и ангелы, которых лавочники и лавочницы наделяли своими чертами - самодовольством и румянцем.

От близкого соседства все персоналки сказок перепутались. Хитрые и злые русалки стали похожи на кротких ангелов, у ангелов выросли стрекозиные крылья, как у эльфов, тролли и гномы начали разносить по домам подарки для добрых детей, как это обычно делал рождественский дед.

Теряя подлинность, сказка вместе с тем теряла и свои бытовые черты, свой ритм и фабулу. В самом приступе к сказке, в первых ее строках не чувствовалось уже того юмора и вкуса, с которыми приступал когда-то к своему повествованию Ганс Христиан Андерсен ("В Китае, как известно, все жители китайцы и сам император китаец"). Исчезла великолепная слаженность эпизодов, которую вы найдете в народной сказке или андерсеновском "Соловье". Да и действия стало маловато.

Я не говорю уже о доморощенных дамских изделиях вроде "Сказок голубой феи" Лидии Чарской.

Такие безличные и бесцветные - несмотря на всю пестроту заемных декораций - сказки не проникали глубоко в память и сердце маленького читателя и только портили его вкус.

Хорошо еще, если в противовес им на детской книжной полке оказывались сказки Пушкина, "Ашик-Кериб" Лермонтова, "Конек-Горбунок" Ершова, "Аленький цветочек"; Аксакова, сказки Льва Толстого, В. М. Гаршина {39}, М. Горького, "Корейские сказки" Н. Г. Гарина-Михайловского {40}, "Аленушкины сказки" Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Эти сказки - вместе с "Тысячей и одной ночью" {41}, Андерсеном, Гауфом, Перро {42}, братьями Гримм {43} - обогащали воображение ребенка, открывали ему сказочный мир, в основе которого лежит мир живой и реальный с подлинными и разнообразными характерами героев {В статье "Сказка крылатая и бескрылая" (см. кн. "Воспитание словом", 1964), написанной на основе 4 главы доклада, упоминаются также русские народные сказки, "Алиса в стране чудес" Кэрролла и "Путешествие Нильса на гусях" Лагерлеф.}.

В лучших литературных и народных притчах и сказках была своя тенденция - борьба за справедливость, сочувствие обездоленным, - но эта тенденция никогда не переходила в назойливую назидательность.

Зато многочисленные сказочницы - поставщицы предприимчивых издательств и большинства детских журналов - пропитывали свои сказки от первого до последнего слова густым сиропом морали. Каждое действующее лицо в сказке было у них глашатаем добродетели.

В начале века у нас перевели премированную на одном из конкурсов немецкую сказку Эллы фон Краузе "Королева - жалость". Она не была лишена известных литературных достоинств. И, однако, даже в такой достаточно квалифицированной сказке водяной и русалки, безбожно забыв свое языческое происхождение, высовываются из воды и, обращаясь к принцессе, убедительно произносят, будто с церковной кафедры: "Люби и страдай, люби и страдай!.."

Это водяной-то и русалки!

Сейчас на Западе авторы детских сказок все больше и больше отказываются от такой примитивной добродетели и постепенно заражаются скептицизмом литературных снобов.

Мне попалась как-то современная английская сказка о "Принцессе, на которой никто не хотел жениться". В этой сказке все навыворот. Принцессу зовут "Prettyflower" - "Прелестный цветок", - а она так безобразна, что люди при встрече поворачиваются к ней спиной и берут в рот кусочек сахару. Страшный дракон в сказке питается... туалетным мылом.

С лордов, кронпринцев и "полукронпринцев" {Слова "кронпринц" и "полукронпринц" автор сказки производит от названий монет - "крона" и "полукрона". (Прим. автора.)}, которые выражают желание сразиться с мыльным чудовищем, король требует залога в тысячу гиней, как требуют с подрядчиков на торгах.

Полное издевательство над сказочными персонажами! Чистейшая пародия на сказку!

Дети, которые будут воспитаны на таких сказках, вряд ли разовьют творческое воображение, способность "талантливо мечтать", о которой говорит Горький.

Но зато они вырастут вполне светскими людьми, обладающими богатым запасом каламбуров и анекдотов и готовыми прикрыть любой компромисс элегантным

скептицизмом.

Сейчас среди взрослых на Западе в большом ходу анекдоты с вывернутой наизнанку моралью. Основная схема их такова:

"У меня ужасная неприятность: я остался к завтраку без поджаренного хлеба". - "Как же это случилось?" - "Очень просто. Моя бабушка, поджаривая хлеб, упала в камин и сгорела до ботинок".

Такова же приблизительно мораль множества современных сказок и детских стихов.

Есть в нынешней французской литературе для детей сборник сказок, который называется "Зеленая Шапочка". Это откровенная пародия на "Красную Шапочку", "Спящую красавицу" и другие сказки Перро.

В старинной "Спящей красавице" принц будит от долгого сна свою невесту и женится на ней.

В новой сказке принц тоже будит спящую красавицу и тоже женится на ней. Но красавица, проспавшая сто лет, так старомодно одевается и так странно ведет себя в обществе, что принц вынужден обратиться к фее с просьбой снова усыпить спящую красавицу...

Это тоже сказка навыворот, тоже перелицованная сказка.

Для чего писателям перелицовывать сказки? На этот вопрос ответить трудно.

Правда, элементы пародии есть и в лучших сказках старых мастеров. Вы найдете их у Андерсена.

Даже "Дон-Кихот" Сервантеса можно считать пародией, или, вернее, сатирой на рыцарские романы. Но при всей своей ироничности Сервантес создал поэтический образ последнего странствующего рыцаря, переживший на много веков ходульные образы предшествовавших ему рыцарских романов. А "Зеленая Шапочка" вряд ли переживет "Красную Шапочку".

Такие пародии возникают из какой-то внутрилитературной полемики, щеголяющей остротой и оригинальностью и рассчитанной на изысканного, а не на простого, непосредственного в своих чувствах читателя.

Но поиски оригинальности - всегда безнадежное дело. Человек, стремящийся освободиться от банальности, похож на муху, которая пытается оторваться от смазанного клеем листа - "тэнгльфута". Освободишь от клея банальности одну ногу - увязнет другая!

Настоящая оригинальность может быть только там, где есть новые мысли и свежие чувства. А поисками оригинальных приемов, своеобразных сюжетных поворотов делу не поможешь.

Прежде всего пародийность современных сказок объясняется глубоким и безнадежным скептицизмом их авторов. Скептический взгляд, на жизнь считается у литературных снобов главным условием хорошего тона и вкуса.

Недавно вышла талантливая книга известного французского писателя Андре Моруа "Страна тридцати шести тысяч желаний".

Моруа рассказывает очень причудливо и остроумно историю одной девочки, которую дома всегда бранили за то, что у нее "тридцать шесть тысяч желаний". Однажды во сне девочка попала в сказочную страну. Эта страна так и называется - "Страна тридцати шести тысяч желаний". Все желания детей в сказочной стране мгновенно исполняются. Беда только в том, что желание одного ребенка убивает желание другого. Скажем, вы пожелаете, чтобы появился шоколадный торт, а ваш сосед пожелает, чтобы этот торт провалился сквозь землю. Вы захотите поиграть в мяч, а ваш сосед захочет, чтобы этот мяч лопнул.

Казалось бы, вывод отсюда простой. В эту анархию тридцати шести тысяч желаний следовало бы внести какой-то порядок. Или еще проще: надо научиться желать чего-нибудь хорошего не только для себя, но и для других. Однако Моруа делает

другой вывод: разочаровавшись в сказочной стране, девочка возвращается к себе в детскую, смиренно подчиняется скучному домашнему режиму, против которого она так бунтовала, а через год ее уже не принимают в "Страну тридцати шести тысяч желаний". Да ей там и делать больше нечего!

В "Стране тридцати шести тысяч желаний" суждено побывать нам всем, пока мы не выросли и не поумнели, - какая это, в сущности, грустная и скептическая мораль! Как противоречит она морали настоящей сказки, которая учит человека желать и добиваться осуществления своих желаний!

Справедливость требует, чтобы, оглядываясь на недавнее прошлое, мы отметили кое-какие сказки, которые еще имеют право называться сказками. В них бутафория не вытеснила сказочных образов. Таковы, например, сказки Киплинга {44}, в которых слышится живой и особенный голос рассказчика, умеющего завоевать внимание и доверие маленького читателя {В статье "Сказка крылатая и бескрылая" упоминаются также "причудливые сказки в стихах и в прозе английского поэта Александра Мильна".}.

Но разве и эти шутливые истории не напоминают по своей сути пародии на детскую сказку с моралью? Ведь именно в этой пародийности - их неожиданность и острота.

Отчего у носорога шкура в складках? Да оттого, что под шкуру попали хлебные крошки. Почему у слоненка длинный нос? Потому, что слоненок был любопытен и совал нос куда не следует.

Это хорошие и талантливые сказки. Да и могут ли они быть плохими, если их рассказывает человек, умеющий изобретать причудливые игры, говорить с читателем то громко, то вкрадчиво-тихо, то насмешливо, то ласково.

И все же такие сказки могли появиться только в литературе, пресыщенной сказочными образами и не знающей, что с ними делать дальше.

А киплинговские "Джунгли" - это конечно, не сказка. Это повесть, от которой пошли все современные англо-американские рассказы об охотниках и животных, полунатуралистические и полуромантические. Главный стержень "повести", как и почти всей западной зоологической беллетристики, - это закон зверя-охотника, "закон джунглей".

Упрощенная в своей законченности философия хищника суживает, а не расширяет мир. Сказке здесь делать нечего. Одряхление сказки, идейное и формальное, знаменательно для литературы, которая теряет перспективу и веру в будущее.

У сказки есть замечательная возможность охватывать сразу бесконечные пространства, перелетать из края в край, сталкивать различные времена, сочетать самые крупные вещи с вещами самыми маленькими, преодолевать непреодолимые препятствия.

Если сказка этими возможностями не пользуется, значит, плохо ее дело. Оторвавшись от почвы, от реальности, она теряет все: и свою веселую энергию, и мудрость, и чувство справедливости, и дар воображения и предвидения.

Ну, а как у нас?

Если делать простой и здравый вывод из всего того, что здесь сказано, то наши дети уже должны читать толстые книги новых сказок, разнообразных, веселых и героических.

Ведь для того, чтобы говорить о героях, нам не надо вспоминать Ричарда Львиное Сердце {45} или выдумывать какого-нибудь доблестного рыцаря в серебряных латах, с белыми перьями на шлеме. Героическое от нас совсем близко, мы отделены от него всего только каким-нибудь десятком лет, а иногда даже одним днем.

Расспросите любого нашего современника - молодого ученого, порта, командира, - кем он был и что он делал на своем веку. И окажется, что он пас гусей, а потом пас коров, а потом бунтовал, а потом воевал, и еще много было у него всяческих приключений - больше, чем у того удачливого солдата, который нашел подземный клад в андерсеновской сказке "Огниво".

Рассказать про такого нашего современника - это еще не значит написать сказку. Это значит - написать биографию. Но когда кругом тысячи таких биографий, то как не родиться настоящей сказке.

Нужно только не _регистрировать_, а _сочинять и воображать_. Нужно не обкрадывать свое время, а помогать ему работать.

Героическая биография - еще не сказка. Очерк о новом блюминге и комбайне - это тоже не сказка.

"Техника на грани фантастики" - сама по себе только материал для научно-технической книжки или для какого-нибудь детского "вундербуха", книги чудес, которую под разными названиями выпускают предприимчивые заграничные издатели. Ребенка удивляют до тех пор, пока он не перестает удивляться.

Сказка о ковре-самолете не тем хороша, что человек в ней летает по воздуху. Это был бы тоже своего рода "вундербух", и больше ничего. Но человек, летящий на ковре-самолете, летит не зря. Без ковра-самолета он не поспел бы вовремя за тридевять морей, за тридесять земель, а это ему нужно до смерти.

Ковер позволяет обогнать время.

Мы не собираемся возрождать в Советской стране старую сказку. Нам не к чему воскрешать гномов и эльфов, даже тех гномов и эльфов, которые еще были рудокопами и пастухами.

Мы знаем, что напрасно и наивно было бы ожидать возрождения тех художественных форм, которые были когда-то целиком основаны на мифологическом отношении к природе. И если бы поэты попытались теперь механически воссоздать народный эпос, у них получилась бы, по выражению Маркса, "Генриада" взамен "Илиады" {46}.

Недаром так бесплодны были усилия предреволюционных писателей-эстетов, пытавшихся дать новую жизнь старой сказке, реставрируя ее словесные причуды, ее затейливый орнамент.

Это было похоже на те попытки дать волосам "новую жизнь на голове другой", о которых говорит Шекспир.

Стилизованные сказки исчезают вместе с модой, их породившей.

Нам дороги накопленные веками богатства народной поэзии, но мы верим, что наши сказочники будут пользоваться этим наследством умело и смело, черпая из фольклора то, что в нем живо и в самой сущности своей современно, как это делали, создавая сказки, Пушкин, Лев Толстой, Андерсен.

Мы будем внимательно изучать народный эпос, старую сказку, легенду, былину. Но у нас уже настало время для создания новой сказки.

И дело здесь не только в том, что у нас люди вступили в состязание со временем, что они прокладывают пути в тех местах, где еще не ступала нога человеческая, нет, главное в том, что они чувствуют свою правоту. Эта правота позволяет делать большие моральные выводы, без которых возможна только стилизация или шутливая пародия на сказку.

Ну и что же? Возникла ли у нас детская сказка, то есть поэтически-фантастическое повествование, утверждающее новые идеи и факты, а не та прежняя сказка - пародийная или откровенно-дидактическая?

Надо прямо сказать: у нас еще нет такой сказки. Во всяком случае, то немногое, что в этом роде написано, еще не может заменить по своей простоте, законченности и занимательности старинную "Красную Шапочку" или "Аленький цветочек"?

В чем же тут дело? Может быть, в тенденциозности наших детских сказок, в их морали? Но ведь и в "Красной Шапочке" есть мораль, да еще какая назидательная! Ежели тебя послали по делу, так не останавливайся по дороге я не разговаривай с незнакомыми, а то еще, чего доброго, незнакомец окажется волком. Да ведь это такое наставление, которое ни одному ребенку не может быть по вкусу! А между тем "Красную Шапочку" дети готовы слушать двадцать раз подряд. Это потому, что

каждое положение в этой сказке так ясно, по своей обстановке, последовательности и логике мотивов, что любой ребенок может поставить себя на место героини сказки, может играть в Красную Шапочку. Даже в андерсеновских сказках, с более сложной моралью, эта мораль подается в таких конкретных, умно и бережно подобранных деталях, что ребята радуются каждому повороту, видят и переживают каждую мелочь. А вывод? Вывод они невольно делают сами - и не в конце сказки, а на всем ее протяжении.

Беда наших новых сказок не в их морали, а в аллегоризме- Детали играют в них второстепенную, декоративную роль. А самое действие лишено какой бы то ни было конкретности.

Почему "Мальчиш Плохиш" в сказке Гайдара "О военной тайне" предает "буржуинам" своих товарищей, помогающих Красной Армии? Очевидно), только потому, что его зовут Плохиш. Никакими характерными чертами - ни личными, ни социальными - он не наделен. А между тем, при всей условности, сказка нуждается в отчетливой мотивировке поступков, в разнообразии характеров и голосов. Не то вместо сказки получается какая-то аллегория в духе XVIII века, где герои охарактеризованы одними только именами: княгиня Ветрона, королевич Добронрав, царевна Отрада или Услада.

Только временами улавливаем мы в этой сказке живую, смелую, по-мальчишески веселую интонацию Гайдара, умеющего говорить с малышами так ласково и просто ("Ушел Мальчиш, лег спать, но не спится ему, ну никак не засыпается..."). Основной же стиль сказки однообразно-приподнятый, без модуляций. Почти в одном тоне и ритме разговаривают "Краснозвездный всадник", отец и брат "Мальчиша" и даже "Главный буржуин".

"Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! - восклицает предводитель всех "буржуинов". - Как это вы не можете разбить такого маловатого?"

Эта однообразная мажорность ослабляет эффект сказки, в замысле которой есть и поэтичность, и неподдельная искренность.

Совсем по-другому написаны повести Гайдара - "Р.В.С." и "Школа", произведения не менее романтические, но гораздо больше связанные с реальностью.

В "Школе" поступки героев вполне убедительны. Читатель верит, что Борис Гориков, сын расстрелянного солдата-большевика, должен в конце концов разобраться в разноголосых политических спорах Февральской революции и сделаться большевиком. И все же это происходит не так просто. Герой повести зарабатывает свои убеждения той ценой, какой они действительно достаются живому человеку. И красноармейцем он становится тоже не сразу: в первом же горячем деле он бросает бомбу, забыв о предохранителе, а вместо того чтобы ударить врага прикладом винтовки, по-ребячьи кусает его за палец.

В повести есть настоящие наблюдения, которые позволяют верить в правдивость автора и его книжки. Как прочно запоминается, например, сухая травинка, прилипшая к письму, которое привез с фронта солдат, весь пропитанный тяжелым запахом йодоформа.

Есть в ней и та теплота и верность тона, которые волнуют читателя сильнее всяких художественных образов ("Рядом с матерью стоял перепачканный в глине, промокший до нитки, самый дорогой для меня солдат - мой отец").

Красноармейский командир в этой повести, бывший сапожник, надел в Октябрьские дни праздничный костюм и только что сшитые им на заказ хромовые сапоги и с тех пор, как выражается он сам, "ударился навек в революцию".

Прочитав книгу, двенадцатилетний читатель чувствует, что автор, как и его герой, тоже ударился навек в революцию.

И за это читатель любит Гайдара.

Отчего же на сказку у Гайдара не хватило теплоты, наблюдательности, драматизма? Ведь и в сказке вы узнаете его почерк, его манеру говорить с маленьким читателем, как с товарищем и будущим соратником. И пишет он о той же гражданской войне, которую сам пережил. И даже герой у него в сказке почти такой же, как и в

повести, - мальчик, который попал на войну.

Очевидно, автор считал, что в сказке не может быть места подробностям сухим травинкам и хромовым сапогам, что в сказке нужно только самое крупное обобщение. Вот красные, а вот белые, вот доблестный герой, а вот гнусный изменник.

Ну что же, в каком-то смысле это правильно. Сказка действительно живет не разрозненными, бытовыми подробностями, а обобщением.

Но обобщение не должно быть общим местом.

И повести и сказке в равной мере нужен материал: быт, люди, вещи. Разница только в том, что для сказки надо из груды материала отбирать самое принципиальное, самое меткое и самое простое.

Не только бытовая, но даже и волшебная сказка требует реальных подробностей. Вспомните пестрые и шумные восточные базары "Тысячи и одной ночи". Вспомните церемонный императорский двор в андерсеновском "Соловье" и почти такой же церемонный птичий двор в "Гадком утенке". Вспомните, наконец, любую из былин о кулачных боях на новгородском мосту или о богатырской заставе под Киевом. Везде - быт, живые люди, характеры. Да еще какие характеры, - сложные, с юмором, с причудой!

Если есть такие характеры в сказке, в ней может быть и живое действие, и настоящая борьба без предрешенного исхода, а не аллегория и риторика под видом сказочной фабулы {В последнем издании статьи ("Воспитание словом", 1964) автором сделано следующее подстрочное примечание: "Статья эта писалась в то время, когда еще не было таких современных сказочников, как талантливая шведская писательница Астрид Линдгрен и замечательный итальянский поэт и прозаик Джанни Родари.}.

5. Повесть о детях и для детей

Когда-то, в самую раннюю пору революции, о детской повести можно было сказать почти то же, что мы говорим сейчас о сказке. Первая повесть была так же бедна содержанием и условна, как та сказка, которая появилась у нас только теперь, после снятия с нее педагогического запрета {47}.

Новая повесть о новом быте, адресованная новому читателю - ребенку, была не только нужна, - в ней чувствовалась уже настоятельная необходимость.

А между тем вырваться из круга традиций предреволюционной детской литературы было не так-то легко.

От недавнего прошлого наша детская библиотека получила наследство большое, но весьма сомнительное. Каталоги книг, изданных перед революцией для детей, - это объемистые томы аннотаций.

Чего тут только не было! Астрономия, зоология, руководство для собирателей бабочек, жизнь и быт разных народов, мифы Древней Греции...

А какой длинный перечень романов для юношества, повестей для старшего возраста, сказок и рассказов для младшего!

В этом перечне изредка мелькали имена Доде {48}, Диккенса, Гюго, Толстого, Тургенева, Короленко, попадались книжки Элизы Ожешко {49} и Марии Конопницкой {50}, но, пожалуй, больше всего было популярных повестей, принадлежавших неутомимому перу англо-американских детских писательниц и их менее преуспевавших сестер, писавших по-русски.

В западных повестях для детей было больше выдумки. Некоторая сентиментальность иной раз уживалась в них с юмором. А наши поставщики ходких повестей особым юмором не блистали.

Но родственное сходство переводной и отечественной специфически детской литературы было несомненно. Та и другая интересовались преимущественно сиротками и найденышами таинственного происхождения. Та и другая проповедовали скромность, милосердие и терпение. Впрочем, в конце концов всегда оказывалось, что эти добродетели представляют собой самый краткий и верный путь к благополучию и

карьере.

Весь мир - вернее, мирок - этой условной, идиллической литературы, отечественной и переводной, неподвижно и прочно покоился на своих устоях. Общественные перегородки были почти непроницаемы. Если какой-нибудь маленькой уличной певице удавалось проникнуть в графский замок и даже положить голову на костлявое плечо старого графа, то скоро выяснялось, что дитя улицы приходится владельцу замка родной внучкой. Конечно, эта внучка навсегда сохраняла в памяти годы, прожитые в бедности, и становилась лучшим другом для бедняков.

А кто такие были эти бедняки? Трудно сказать. В одной повести - это бедные крестьяне, живущие в "избушке", в другой - сапожник, которому не хватает денег на елку.

А в знаменитой книжке "Отчего и почему маленькой Сюзанны" девочка-аристократка, мадемуазель де Сануа, щедро отправляет все свои новогодние подарки дочкам одного бедного лавочника.

Это происходит после такого разговора:

"- Не все девочки получают новогодние подарки, - сказала горничная.

- Что ты говоришь? - спросила Сюзанна с неподдельным удивлением. Девочки целый год ведут себя хорошо и не получают подарков?

- Да, барышня.

- Отчего же?

- Оттого, что они бедные.

- А! - проговорила Сюзанна и после небольшого раздумья сказала, вздохнув: - Это правда".

Так легко и грациозно говорили о бедности французские повести для детей. Наши сотрудницы "Задушевного слова" {51} этак не умели.

Даже наиболее реакционные из них невольно заражались от нашей радикальной и народнической беллетристики склонностью к деревенским выражениям, - таким, как "мыкать горе", "ноженьки подкосились", "тошнехонько", "страдная пора", "лишние рты".

Даже Лидия Чарская, которая на всю жизнь сохранила институтские манеры, и та старалась говорить как можно простонароднее, когда речь заходила о бедности.

После изысканного обеда в богатом доме, куда он случайно попал, "Ваня с полным удовольствием уписывает за обе щеки краюху черного хлеба, густо посыпанную солью. Его родители приучили своего мальчика с самого раннего детства к таким простым завтракам, и они кажутся ему, Ване, лучше всяких разносолов..."

Но на той нее странице той же книги голодный мальчик говорит о голоде приблизительно так, как говорили о нем проголодавшиеся корнеты перед легким завтраком у Донона: {52}

"Только бы заморить червячка!" (Повесть Л. Чарской "Счастливчик".)

Мальчики и девочки могли разговаривать у Чарской, как им вздумается. На детскую книжку критика редко обращала внимание. Да и стоило ли всерьез говорить о ней, если она чаще всего донашивала обноски западной специально детской литературы, а та в свою очередь кроила и перекраивала лоскутья сюжетов Фильдинга {53}, Диккенса и Гюго?

В сущности, все отвергнутые внуки, сыновья и дочери, все таинственные найденыши и похищенные наследники из детских книжек были в каком-то отдаленном свойстве с героями из большой литературы - с "Человеком, который смеется" Гюго, с Флоренс Домби {54}, с Эсфирью из "Холодного дома" и с Давидом Копперфильдом Диккенса/

Но подумать только, во что превратила идиллически благополучная книга для детей

сложные судьбы героев большой литературы! Куда девались социальная сатира и причудливый быт романов Чарльза Диккенса? Где обличительный пафос и острота положений Виктора Гюго, превращающего циркового урода в одного из пэров Англии для того, чтобы он мог разглядеть пороки своего крута и навсегда отречься от него?

По счастью, дети не ограничивались литературой, изготовленной специально для них. Они читали русские народные сказки, "Царя Салтана", "Конька-Горбунка", а потом - когда становились постарше, - "Дубровского", "Тараса Бульбу", "Вечера на хуторе", повести Л. Толстого, рассказы Тургенева. В руки к ним попадали и настоящий Диккенс {55}, и настоящий Гюго {56}, и Фенимор Купер {57}, и Жюль Берн, и Марк Твен. Издавна стали их друзьями и любимцами Гулливер, Робинзон Крузо, Дон-Кихот.

Иной раз и в собственно детской библиотеке появлялись хорошие книги Андерсен, Перро, Братья Гримм, Топелиус, повесть Л. Кэрролла "Алиса в стране чудес" {58}. Для детей были написаны "Кавказский пленник" Толстого, "Каштанка" Чехова, "Зимовье на Студеной" Мамина-Сибиряка, "Вокруг света на "Коршуне" Станюковича {59}, "Белый пудель" и другие рассказы Куприна.

Только эти" в сущности говоря, считанные книги - с придачей еще двух-трех десятков названий - и уцелели в детской библиотеке после революции. Институтские повести Лидии Чарской и крестьянские рассказы Клавдии Лукашевич {60} умерли в один и тот же день, вместе со многими переводными и подражательными книгами для детей. В рамки традиционно-детской, сентиментальной повести нельзя было втиснуть новый жизненный материал, новые идеи, героев нашего времени. Да и на прошлое мы взглянули другими глазами.

Старая - дореволюционная литература для взрослых не пережила в первые дни революции такого потрясения, какое испытала литература для детей. Пушкина и Толстого, Тургенева и Гоголя, Некрасова и Щедрина, Короленко, Чехова и Горького не надо было упразднять. Революция взяла на себя почетную обязанность передать их самым широким массам читателей, сделать их всенародным достоянием. А вот детская библиотека - особенно предреволюционных лет была - почти полностью обречена на слом вместе со всей системой буржуазного воспитания.

В библиотеке для взрослых ведущей была прогрессивная литература. Значительная часть детской библиотеки была снабжена казенными ярлыками: "проверено", "одобрено", "рекомендовано".

Только сейчас, при глубоком и внимательном отборе, мы можем взять из детских книжек самых разных времен и разных типов то, что еще может послужить "нам на пользу. Большая же часть книг, перечисленных в старых толстых каталогах, погибла безвозвратно.

Не удивительно, что наши первые советские повести для детей, лишенные настоящей преемственности и не успевшие по-новому осмыслить мир, были по большей части собранием случайных фактов и эпизодов, хроникой событий, а иногда наивным лубком.

Как-то странно перечитывать теперь даже такую талантливую и связанную с реальностью книгу, как "Ташкент - город хлебный" Неверова {61}. Сколько в ней народнического "горя горького", сколько ругани, кряхтения, "чвоканья"! А какое изобилие натуралистических подробностей! Тут и засаленные лохмотья, и вши, и гниды, и дерьмо. На протяжении всей повести тащится из Бузулука в Ташкент облепленный умирающими мужиками поезд.

Где-то на станциях мелькают комиссары и чекисты, люди времени военного коммунизма. Но вся их роль заключается в том, чтобы снять Мишку Додонова с поезда или посадить его на поезд, а больше нечего им делать в этой повести, написанной, в сущности, в запоздалых традициях народнической литературы. Только теплушечный поезд в ней новость.

Впрочем, писатели первых лет революции, не только детские, но и те, которые писали книги для взрослых, часто изображали теплушки и голод.

Я не думаю, что в детских книжках нельзя рассказывать о голоде и о страшной голодной смерти. Пусть наши дети знают, какой ценой завоеван их сегодняшний

день.

Но детская повесть должна открывать широкие перспективы, должна быть способна к обобщениям больше, чем книга для взрослых.

А у нас выходило одно из двух: либо неверовское "горе горькое", либо романтически бесшабашная удаль очень популярных в свое время бляхинских "Красных дьяволят" {62}, которые взяли в плен аж самого батьку Махно! Где-то в промежутке между "Ташкентом - городом хлебным" и "Дьяволятами" оказались повести Сергея Григорьева "С мешком за смертью" и "Тайна Ани Гай" {63}.

В этих книгах тоже есть теплушки, и голод, и мешочники. Но постепенно темп повести все ускоряется, и вот уже вместо скучных теплушек перед нами мелькают таинственные автомобили заграничных авантюристов. На наших глазах совершается загадочное похищение героини повести. Ее спасает благородный шестнадцатилетний бандит. Повесть о революции незаметно превращается в традиционный детектив с примесью идиллического детского романа о мальчике и девочке, разлученных и ищущих друг друга.

Но Сергей Григорьев - писатель, а не случайный человек в литературе. У Сергея Григорьева есть книги, в основу которых положен более подлинный материал - такие, как "Мальчий бунт", "Берко-кантонист", "Красный бакен". Поэтому даже авантюрная его повесть не могла докатиться до прямой бульварщины.

А вот Остроумов в своем "Макаре Следопыте" {64} ухитрился перещеголять самого Пинкертона.

Пинкертон в свое время изготовлялся по заграничным образцам. Поэтому он был несколько суховат и по-своему лаконичен - ему отпускалось не больше десяти страничек на каждый подвиг. Никакой психологии, никакой лирики!

А в пухлых книжках Остроумова хватает места для всего: и для лирических сцен, в которых участвуют красный разведчик Макар и позабывшая свои классовые интересы дочь помещика Любочка, и для сцен бытовых с участием патентованных корчмарей-евреев, которые визжат и цепляются за полы барских кафтанов. Это уже напоминает не Пинкертона, а одно из приложений к старинному черносотенно-мещанскому журналу "Родина" {65}.

Старая рутина долго тяготела над детской литературой. Наши повести либо скатывались в унылый натурализм, и тогда у них не было ни задачи, ни размаха, ни чувства времени; либо взлетали в лжеромантические туманы, теряя всякую почву, всякое подобие материала и фактов.

А нужна была другая книга, сочетающая смелый реализм с еще более смелой романтикой, книга, которая бы не боялась неизбежных в наши дни суровых фактов, но умела бы поднимать их на такую оптимистическую высоту, откуда они не были бы страшны.

Такие книги у нас стали появляться. Конечно, мы еще не можем успокоить себя сознанием того, что наши читатели-дети подучили от художественной литературы все, что нужно для их роста, для воспитания их убеждений, интересов и вкусов. До этого еще очень далеко.

Но какие-то принципиальные позиции у нас уже нащупаны и постепенно завоевываются.

У нас есть смелые, поэтические и в то же время не оторванные от реальности повести Гайдара, о которых мы уже говорили. В дореволюционной детской литературе была бы немыслима такая книга, как "Республика Шкид" Г. Белых и Л. Пантелеева.

Написали ее еще юноши, только что сами вышедшие из школы, где воспитываются беспризорные. Казалось бы, они легко могли потонуть в куче мелких наблюдений, превратить свою повесть в бесформенный дневник. Но этого не случилось. "Республика Шкид" - одна из первых книг о перевоспитании человека в нашей стране. Не экзотический быт беспризорных, не "блатная музыка" - главное содержание повести (а ведь мы знаем, как соблазнительны для молодых писателей причудливый быт и причудливый язык).

Пожалуй, больше всего любят ребята эту книгу за то, что в ней есть пролог и эпилог, начало и конец.

История ее героев начинается на заросших травой питерских улицах, на барахолках, у вокзалов, где толпятся в ожидании мешочников мальчишки с тележками. А кончается история вступлением в жизнь ребят, воспитанных новой школой и советской жизнью, возмужавших и полных надежд.

Все эти герои встречаются друг с другом на последних страницах книги. Один из них появляется в длинной серой шинели и новеньком синем шлеме. Он командир РККА. Другого своего товарища авторы, которые и сами служат героями повести, находят за кулисами заводского театра. Он - режиссер. Третий вваливается, когда его совсем не ждут, в непромокаемом пальто и высоких охотничьих сапогах. Он - агроном и только что приехал из совхоза,

Я думаю, что далеко не все писатели из литературы для взрослых оценят такой простой и наивный конец повести.

"Ну что ж, - скажут они, - это очень традиционно".

Совершенно верно, это очень традиционный мотив, встречающийся в самых разнообразных литературных произведениях, посвященных школе, - в том числе и в стихах Пушкина о лицейской годовщине. Вспомните "19 октября 1825 года":

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,

Чужих небес любовник беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик знойный

И вечный лед полуночных морей?

Счастливый путь... С лицейского порога

Ты на корабль перешагнул шутя,

И с той поры в морях твоя дорога,

О, волн и бурь любимое дитя...

. . . . . .

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,

Хвала тебе - фортуны блеск холодный

Не изменил души твоей свободной:

Все тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;

Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:

Но невзначай проселочной дорогой

Мы встретились и братски обнялись.

Царскосельский лицей - это, конечно, не "ШКИД", не школа имени Достоевского на Петергофском проспекте.

Молодой блестящий дипломат князь Горчаков - это не Цыган, агроном из совхоза. И, наконец, лирическое послание Пушкина к друзьям - это совсем не то, что детская повесть, написанная двумя начинающими писателями ровно через сто лет после пушкинских стихов.

Но есть в этой суровой и шершавой советской повести что-то напоминающее ту гордость, с которой Пушкин говорит о своих друзьях, которые, "ступая в жизнь",

разошлись по разным путям.

Уж не потому ли это, что юноши нашего времени, питомцы любого детдома, любой окраинной школы и фабзавуча, видят перед собой такие же открытые дороги, какие лежали когда-то только перед немногими баловнями судьбы?

Вступление ребят в жизнь, в борьбу, в работу - это главное содержание наших лучших детских повестей.

"Швамбрания" Кассиля - талантливая повесть, в которой рассказывается о том, как революция ворвалась в комнатный мирок интеллигентской семьи и вынесла оттуда на широкую дорогу советской жизни двух маленьких гимназистов - двух "швамбранов", жителей выдуманной страны; "Тансык" Алексея Кожевникова {66} - книга о казахском юноше-кочевнике, которого перевоспитал Турксиб, и, наконец, маленькая повесть Пантелеева "Часы", в которой рассказана история о том, как золотые часы, зарытые Петькой Валетом во дворе детского дома, неожиданно оказались под штабелями березовых дров и вынудили маленького бродягу остаться в детдоме до тех пор, пока он не стал настоящим человеком, гражданином Советского Союза, - во всех этих книгах говорится о юном человеке, который находит свое место в жизни.

И даже в повести, где герои лежат прикованные к койкам туберкулезного санатория, и там главная тема - участие ребят в той созидательной жизни, которая идет за стенами санатория. Я говорю о повести К. Чуковского "Солнечная".

Если бы книга на такую тему была написана кем-нибудь из дореволюционных детских писателей, в ней были бы грустные, лирические размышления, белые розы на могиле всеобщего любимца и счастливый отъезд его краснощекою маленького друга, который нехотя покидает добрых докторов и ангелоподобных сестер милосердия.

6. О кораблях и караванах

Революция поставила перед нами требование говорить с детьми без ложной сентиментальности, без фальшивых идиллий, говорить с ними о реальной жизни, суровой и радостной.

Эта реальная жизнь, в которой столько еще незнакомых людей и столько трудных, заманчивых дел, всегда привлекала и привлекает подростка, который заранее примеряет на себе судьбы самых разных героев, обязанности и задачи самых различных профессий.

Но о реальных судьбах и о настоящих профессиях наши старые детские книги говорили мало. И вот ребята чуть ли не с десяти лет набрасывались на авантюрную литературу, на пестрые номера какого-нибудь "Мира приключений" {67}.

Тут, по крайней мере, были капитаны, водолазы, летчики, изобретатели, таинственные адские машины, альпинисты, охотники и цирковые наездницы. А в детских книгах и не пахло морской солью, - там держался нагретый комнатный воздух и пахло манной кашей.

Наша советская литература для детей еще молода, еще мало у нас книг, открывающих детям ворота в серьезную и ответственную жизнь. Но уже стало ясно, что легковесной, полунаучной, полубульварной литературе, в которой нельзя отличить геолога-разведчика от частного сыщика, - не место в Советской стране. Недаром хиреют у нас всякие "Всемирные следопыты" {68} и другие журналы, пытающиеся возродить рыночную литературу сильных ощущений.

Напрасно пытаются они спасти свой контрабандный груз, поднимая над ним иной раз советский флаг. Такой контрабанды у нас не утаишь.

Конечно, нельзя сказать, что мы уже навеки освободились от той фальсификации жизни и борьбы, которая так хитро была пущена в оборот предприимчивыми издателями в буржуазных странах.

В какой-нибудь грубо тенденциозной, сухой и программной книжке для ребят, среди едва подкрашенной протокольной прозы, вдруг "послышится со дна пропасти грозный голос рассерженного зверя, орлы и коршуны глухо заклекочут", выражая свое неудовольствие по поводу того, что герой повести "очнулся и помешал их пиру, сытному и обильному".

А герой повести, который только что свалился вместе с конем с узкой горной тропинки в зияющую пропасть, садится и оглядывается...

Мы узнаем этот орлиный клекот и голос рассерженного зверя. Мы слышали их в бульварных лесах и ущельях мистера Кервуда {69}, самого опытного организатора прыжков и полетов в пропасть.

Пора нам по достоинству оценить все эти патентованные "сальто-мортале".

Когда детские писатели перестанут излагать принципиальное содержание своих повестей в виде сухих и пресных протоколов, тогда им не понадобится больше подсыпать в книгу для вкуса кервудовской соли и пинкертоновского перца.

Лучшим доказательством этого служат те немногочисленные детские книги, которые написаны на основании настоящего жизненного материала и проникнуты настоящей идеей.

Такие книги не нуждаются ни в какой посторонней приправе. Им не приходится подкреплять свой сюжет готовыми приключениями, взятыми напрокат из арсенала бульварной литературы. У них есть свои волнующие эпизоды, свои приключения, естественно вытекающие из самого существа дела.

Несмотря на реализм, в их стиле и положениях есть даже какая-то сказочность.

Открываем одну из таких книг и читаем:

"До сих пор все следы были известны наперечет. Зем~ зем оставляет треугольные следики. Джейран, пустынная антилопа, - разделенные печати копытец. Навозный жук имеет тройной след, так как посередине тащит хвостик. Но этот новый след не похож на все известные до сих пор. Две широкие полосы протянулись по песку. На каждой поперек отпечатаны палочки, как бы елкой. Можно подумать, что две невиданных размеров змеи ползли все время рядом* беседуя и держа между собою одну и ту же дистанцию.

Тогда еще никто из местных старожилов не знал, что лапы, оставившие след в елочку, сделаны из прочной и толстой резины марки "Красный треугольник". Автомобили "Рено-Сахара" провели крепкую зарубку через пески".

Достаточно прочесть эти несколько строк М. Лоскутова из книги "Тринадцатый караван" {70}, чтобы поверить, что написавший их человек действительно побывал в песках и своими глазами видел первые следы наших автомобилей в пустыне.

А вот еще несколько строк из другой книги:

"За многие годы скитаний не видел я берегов, столь мрачных и как бы угрожающих мореплавателям... До бухты Киндерли мы плыли, преодолевая моряну - южный ветер, несущий из пустыни пыль и запах серы, ибо в пустыне, как говорят, лежат серные горы. Ветер этот рождает стесненное дыхание и, надо полагать, весьма вреден для всего живого...

Вода в заливе была малопрозрачна, в ней плавали мертвые рыбы, занесенные из моря. На берегу мы нашли великое множество этих мертвых соленых рыб. По словам матросов, их пробовавших, они вполне годились в пищу".

Вы читаете эти строки и вспоминаете какого-нибудь Синдбада-морехода, осторожно причаливающего на своем корабле к неисследованному и, может быть, враждебному людям острову.

А между тем этот отрывок из вполне реалистической книги Константина Паустовского о Кара-Бугазе, мертвом заливе Каспийского моря.

У Паустовского, наряду с чувством ответственной проблемы, есть конкретность, теплота и юмор собственных наблюдений. А ведь ни теплоты, ни юмора никогда не было у тех компиляторов, которые писали когда-то книги о земле, природе и людях, не видя по-настоящему ни людей, ни природы, ни земли.

Но главная удача лучших книг о строительстве и об открытии новой страны в

пределах наших границ заключается в том, что они действительно проникнуты пониманием "диалектики природы".

Эти книги враждебны прежней, будто бы объективной и беспристрастной географии и этнографии. Вместо неподвижных представлений о природе, людях и обычаях, они стремятся показать читателям меняющуюся связь явлений, дать такое пристрастное и неравнодушное описание земли, после которого возникает желание бороться и перестраивать жизнь и природу.

Такова, например, новая книга М. Ильина {71}, которую, быть может, уже знают по нескольким главам, напечатанным в журналах.

Книга эта - о переделке природы, о постройке новых рек, о "приходо-расходной книге" Каспия, о завоевании пустыни и тундры, о том, как люди идут по следам геологических процессов в поисках богатств, скрытых в Земле.

Вот несколько отрывков из одной главы этой новой книги:

"...Есть живая фотография - кино. Живой географической карты еще нет. Но если бы такая живая карта существовала, мы увидели бы на карте странные вещи.

На наших глазах Америка тихо снялась бы со своего места и поплыла по направлению к Азии - через Великий океан. Она плыла бы не очень быстро, всего только три метра в год или около этого. Но если бы можно было ускорить ее движение на карте, мы увидели бы, что в конце концов Америка причалила бы к Азии, подмяв и поломав ее восточные берега. И тогда они вместе составили бы один великий азиатско-американский материк. Так будет когда-нибудь, если правильно учение геолога Вегенера о перемещении материков...

Мы заметили бы, что моря не остаются неизменными, что они меняют свои очертания, как вода на тарелке, если тарелку покачивать. Наступая на сушу, море затопляло бы целые страны, образуя все новые и новые заливы, острова, перешейки.

И вслед за тем обратным движением оно открывало бы опять огромные площади дна...

...Реки, сбегающие с гор, растащили бы при нас эти горы по песчинке и унесли бы в море...

...Еще быстрее передвигались бы на карте леса, степи, пустыни... Черные веточки рек шевелились бы и росли. Нам стало бы ясно, что у каждой реки своя жизнь, полная приключений... Реки на живой карте воевали бы между собой, отнимая друг у друга притоки, захватывая у соседок верховья и бассейны.

Так было когда-то с Маасом, у которого правые притоки отнял Рейн, левые отняла Сена. Об этом пишет французский геолог Огг...

...То, что раньше казалось случайным и загадочным, - поворот реки, разорванная горная цепь, извилина морского берега, - теперь стало бы понятным, как внезапно решенная задача.

При взгляде на живую карту нам стало бы ясно, почему восточные берега Америки повторяют западные берега Африки. Там, где у Америки выемка, у Африки выступ. Геолог Вегенер говорит, что Америка когда-то оторвалась от Старого Света, как огромная глыба, и пошла на Запад.

Мы узнали бы, что Великий океан - это не просто океан, а рубец, рана на теле планеты, образовавшаяся еще в те времена, когда Луна оторвалась от Земли, чтобы идти собственной дорогой (гипотеза Пикеринга)".

Все, что я здесь привел, - это только отрывки из вступления к рассказу о том, как переделывает у нас Землю социалистический труд.

"Я сказал, - говорится в этой книге дальше, - что живой карты еще нет. Но это неверно. Я сам видел живую карту. Это было в Академии наук осенью 1933 года.

В конференц-зале около кафедры докладчика (Глеба Максимилиановича Кржижановского) высилась чуть ли не до самого потолка карта СССР.

И вдруг карта ожила. Поворот выключателя - и на ней вспыхнули красные черточки плотин, голубые пространства орошенных полей, красные капилляры каналов, зеленые полосы лесов. Как вены на руке, перетянутые шнуром, вздулись выше плотин голубые веточки рек, разлились голубыми пятнами озера-водохранилища. Побежали зеленым пунктиром линии электропередач, связывая между собой города и области. Загорелись белые огни электростанций. Вот Самарская ГЭС, вот Ярославская, Пермская, а вот и целое сверкающее созвездие - плеяда валдайских электростанций.

Это то, чего еще нет. Еще нет этих озер, этих плотин, этих электростанций. Перед нами была карта нашей страны, какой она будет через три пятилетки..."

В сущности, новая книга Ильина - это продолжение его "Рассказа о великом плане". В обеих книгах автор ставит одну и ту же задачу - связать самые различные геологические, географические, технические проблемы с нашим строительством, связать в образах и ощущениях, как они связываются в жизни, - то есть дать о науке и строительстве художественную книгу.

В этом принципиальное отличие наших новых книг от старой юношеской литературы, которая давала науку отдельно от жизни, жизнь отдельно от науки и внушала читателю убеждение в том, что все на свете неизменно: реки, горы, границы, троны, парламенты, оседлый и кочевой образ жизни, характер народов и даже промыслы того или иного российского уезда. В одном уезде вечно будут "бить баклуши" - делать деревянные ложки, в другом - катать валенки.

Кстати, о профессиях. Старая, дореволюционная книжка о плотниках, о стрелочниках или о водолазах ухитрялась изображать каждую профессию так, будто она пожизненна, наследственна и обособленна. В книжках о железнодорожниках не было железной дороги и, уж во всяком случае, не было транспорта. В них изображались будка и семафор, а сюжетом рассказа было какое-нибудь бедствие или чудесное спасение. Без этого ничего интересного не получалось.

У нас рассказы о профессиях, рассказы о труде только начинают появляться.

Нельзя же считать рассказами те унылые худосочные "производственные" книги, которые кормили ребят гайками, опилками и стружками.

Трудно сказать, что хуже: старая "будочная" мелодрама или эти беллетристические реестры гаек?

Но разве не может быть такой книжки, которая рассказывала бы о железнодорожниках, не впадая в мелодраму чудесных спасений и не превращая всю железную дорогу в склад буферов и шпал?

Может - и даже есть.

В этом году Н. Григорьев {72} написал рассказ "Полтора разговора".

В рассказе этом столько материала, сколько вмещает самый добросовестный очерк. Тут и диспетчерская работа во всех се подробностях, и паровозы всех систем - от визгливой "Овечки", которая таскает вагоны на Сортировочную станцию и обратно, до басовитой "Щуки", тянущей за собой тяжелый хвост товарных вагонов - этак в полкилометра длиной.

А есть еще на железной дороге великолепный паровоз "Элька".

"Видали вы Эльку? Ее и по голосу сразу узнаешь. Не гудок - оркестр. Восемьдесят километров в час, сто километров дает паровоз.

В топке рев; голову высунешь в окно - не то что фуражку, волосы с головы сорвет. А ход ровный, плавный. Машинист нацедит себе стаканчик чаю, примостит его на котел, к арматурному патрубку, - даже не расплещется чаек. Вот это ход! Когда "Эльку" на график примешь, будто кто ножом полоснет по сетке...

"Элька" не всякие поезда водит.

Случалось вам ездить на "Красной стреле"? Вот это - Элька!

Но главный герой рассказа - не паровоз, а человек, машинист "Щуки" Каратаев.

Отправляют в Магнитогорск срочный груз - доменные воронки. Надо их насильно вогнать в расписание, втиснуть в график, а в графике и без того тесно. "Десять минут - и поезд. Десять минут - и поезд. Вот уже пора "Красную стрелу" отправлять, а ведь перед ней на пятьдесят километров путь должен быть чист".

Если не пройдет "Щука" перед "Красной стрелой", значит, дело отложено на завтра.

И вот взялся машинист Каратаев удрать на "Щуке" от "Эльки". Целых шестьдесят три километра должен он удирать. Удерет или не удерет?

Отсюда рассказ идет без замедления, без передышки до тех пор, пока не решится спор между доменными воронками и "Красной стрелой".

И спор этот - не азартная игра, не гонки, не скачки. Это одна из диспетчерских задач, которые приходится решать ежедневно.

В старину, когда Октябрьская дорога была еще Николаевской и на билетах печатались орлы, - в те времена каждая станция действовала за себя, без всякого диспетчера. Да ведь и движение, в сущности, небольшое было. Какова промышленность, таково и движение.

Диспетчерская служба появилась у нас с революции. "В хозяйстве - план, на заводах - план, значит, и грузы надо возить по плану".

Этот вывод делает автор книжки, и тот же самый вывод делает читатель, который только что вместе с диспетчером решил труднейшую железнодорожную задачу. Книжка дала читателю не голые лозунги, не декламацию и не те декоративные подробности, которыми часто бесцельно щеголяют авторы, лишенные замысла и материала.

Новое отношение к хозяйству, к труду, к социалистической ответственности разительно отличает книжку о диспетчере и машинисте от старых рассказов о стрелочниках и вагонных бандитах.

Еще труднее было проявить новое отношение к труду в книге о той экзотической профессии, которою издавна интересуются все подростки. Я говорю о водолазах. Водолазы с незапамятных времен мелькали на обложках и картинках авантюрных журналов. Занятие у них было такое: добывать со дна моря черные жемчужины для невесты индийского раджи, сражаться с осьминогами и разгадывать тайны затопленных четыреста лет тому назад испанских каравелл.

Недавно о водолазах написал книгу водолаз К. Золотовский {73}. В этой книге водолазы выведены не подводными бродягами и кладоискателями, а подводными мастерами.

Вот что пишут об этой книге ребята: "Когда я взял книгу в руки, то с первого же взгляда мне показалось, что книга будет рассказывать о каких-то фантастических похождениях водолазов. Но, прочитав несколько страниц, я разочаровался. Я понял, что в ней описывается жизнь тех водолазов, которых я встречал часто на Фонтанке. "Ну, чего здесь интересного?" - подумал я. Но меня заинтересовала простота изложения в книге. (Я стал читать и, к своему удивлению, не мог оторваться. Странно, никогда я не думал, что водолазы играют такую роль в строительстве социализма! В этой книге я не нашел недостатков".

Книга, в которой читатель не находит недостатков, - вряд ли скучная книга. Ведь от скуки и самый кроткий читатель становится придирчивым и видит в книге тысячи недостатков: и язык ему нехорош, и герои как-то несимпатичны, и психология не вполне понятна.

В "Подводных мастерах", как видите, все оказалось на месте. Очевидно, книга заставила читателя в конце концов забыть пристрастие к лжеромантическим водолазам, увлекла его какой-то новой романтикой.

Это потому, что "подводный мастер" - каждый день подвергает свою жизнь опасности - и не ради жемчужин индийской принцессы. Спускаться на многосаженную глубину ему приходится для того, чтобы прорыть тоннель под затонувшим миноносцем, осмотреть заросший губками и водорослями ледокол на дне Полярного моря.

А насколько причудливее и богаче морское дно, по которому тянет кабель озабоченный и серьезный водолаз, чем отвлеченные таинственные глубины "Мира приключений"!

И все же отдельные очерки и рассказы о железнодорожниках, водолазах, летчиках еще не решают задачи, стоящей перед нами. Нам надо создать повести и романы, полные событий и приключений, но связанные с реальностью и показывающие беспредельные возможности человеческой мысли и труда.

7. Путешественники, звери, герои

Я взял для примера всего несколько книжек - Гайдара, Пантелеева, Паустовского, Лоскутова, Ильина, Григорьева, Золотовского.

Жаль, что время не позволяет мне рассказать подробно и о других книжках, не менее принципиальных и достойных внимания.

Следовало бы хоть вкратце остановиться на нашей географической книге книге о путешествиях.

В анкетах читателей-детей чаще всего упоминаются два литературных жанра: "приключения" и "путешествия".

"Приключения" на языке ребят далеко не всегда означают авантюру. Чаще всего - это события, эпизоды, факты.

Требуя "приключений", читатели настаивают на сюжетной книге, а иногда даже на целой серии сюжетных книг с общими героями.

К путешествиям они предъявляют точно такие же требования. В своих письмах к Горькому ребята говорят о целых библиотечках путешествий. В одних письмах такие библиотечки охватывают мореплавателей эпохи великих открытий, в других - все путешествия на полюс, в третьих - экспедиции советских ученых.

И все эти книги должны, по мнению ребят, быть либо героическими романами, вроде "Капитана Гаттераса" {74}, либо подлинными дневниками путешественников.

По совести говоря, это вполне законное требование, исходящее из правильного понимания задач литературы. Либо документ, либо свободный роман. Географическую компиляцию, за неимением лучшего, наш читатель тоже, конечно, примет, но без особой радости.

Ведь обычная компилятивная книжка, чаще всего состряпанная из сведений, которые можно найти в энциклопедическом словаре, из случайных цитат, взятых из записок путешественников с придачей бутафорских псевдобеллетристических подробностей, - всегда выдает свое суррогатное происхождение, отдает маргарином.

После такой книжки не захочешь сделаться исследователем полярных стран и непроходимых горных ущелий.

Географические повести не должны фабриковаться с помощью ножниц и клея.

Разве мало у нас замечательных воспоминаний о путешествиях разных времен - от старинных "хождений" в чужие земли до кругосветных перелетов? Надо научиться находить их и обрабатывать так, чтобы они становились увлекательными и понятными, не теряя ничего в своей подлинности. А разве нельзя использовать дневники, доклады, записки наших советских ученых, моряков и летчиков, возвращающихся чуть ли не каждый день из самых смелых и ответственных экспедиций?

Если из ста участников экспедиций найдется хотя бы один, умеющий свободно и живо записывать свои наблюдения, а из ста литераторов тоже окажется один, способный дать нам эпопею арктического или каракумского похода, - у наших ребят скоро будет своя географическая библиотека настоящего художественного качества и документальной точности.

К сожалению, наши путешественники редко печатают путевые записки, ограничиваясь только докладами и статьями. А писатели хоть и начали у нас путешествовать, но

уехали пока не слишком далеко, не дальше путевого очерка.

Еще редки у нас такие книги, как "В дебрях Уссурийского края" В. К. Арсеньева. Эта книга написана настоящим путешественником и настоящим писателем и одинаково любима взрослыми и подростками.

Еще меньше книг о путешествиях для младшего возраста. И не удивительно. Для этого возраста чаще всего писали о путешествиях двоюродные племянницы путешественников и присяжные компиляторы.

Сейчас у нас есть такие замечательные писатели, как Борис Житков, автор смелых и свободных "Морских историй", человек, написавший классическую книжку для детей, которая называется "Про слона". В этой маленькой книжке дается совершенно реалистическое и вместе с тем сказочное представление об Индии. Вот, например, прибытие в индийский порт: "Ведь это, знаете, когда сушей едешь... все постепенно меняется. А тут две недели океан, вода и вода, - и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли..." Первый спуск на берег. Первая встреча со слоном на дороге.

Все эти подробности запоминаются читателем надолго - почти как собственные впечатления. И не мудрено: Борису Житкову нигде не изменяет точность наблюдений, меткость глаза и меткость слова. Именно эти качества делают его, в сущности, довольно сложную и своеобразную прозу понятной и доступной маленьким читателям.

До революции сюжетные повести о животных были у нас почти исключительно переводные - Сетон-Томпсон {75}, Робертс {76}, Лонг {77} и др.

Правда, в детской библиотеке можно было найти короткие рассказы о животных из "Четырех книг для чтения" Л. Толстого, "Муму" Тургенева, "Каштанку" Чехова. Но не Толстым и не Чеховым определялось качество наших детских книг о животных. Больше всего места на книжных полках в библиотеке для ребят занимали жалостливые рассказы о клячах, на которых возят слишком много воды, или о птичках, которые умирают в клетках.

Я до сих пор помню две книжки, которые были у меня в детстве. Одна называлась: "Любите животных", а другая "Уж и жаба, бедные зверьки".

В книгах этих не было ни научной основы, ни свежих наблюдений и, уж во всяком случае, не было голоса писателя.

Такие книги, изготовленные ремесленниками литературного дела, не могли, разумеется, послужить образцом для нашей детской литературы о животных.

Сейчас наш молодой писатель может не только изучать рассказы Льва Толстого, но он может опереться и на опыт книг для детей, написанных М. Пришвиным ("Записки егеря Михал Михалыча" и др.) {78}, на повести и рассказы Бориса Житкова {79}, В. Бианки {80}, на книжки, написанные и нарисованные Евгением Чарушиным {81}.

Михаил Пришвин - писатель для взрослых. Пожалуй, не всякий ребенок, а только прирожденный натуралист, путешественник и охотник согласится обойтись без внешне законченной фабулы и полюбит книги Пришвина за поэтическое виденье мира, за богатство языка и материала. Но зато всякий писатель, который захочет писать о природе, оценит пришвинские рассказы для детей и многому научится у них.

Романтическая фабула и серьезные знания естественника - вот что привлекает ребят в рассказах и повестях Виталия Бианки. Это, пожалуй, первый из наших детских писателей, который ввел в свои книги настоящий биологический материал, не отказываясь в то же время от создания сюжетной повести. Это не очень легкая задача, и поэтому не удивительно, что Бианки ради сюжета иной раз впадает в ту же облегченную англо-американскую беллетристичность, которая вполне очевидна в его повести о "Мурзуке", но зато совершенно отсутствует в строгих, богатых материалом книгах типа "Лесной газеты" и "Аскыра".

Эта статья - не обзор. Я не могу здесь говорить сколько-нибудь подробно о замечательных по своей тонкости и точности охотничьих рассказах Евгения Чарушина, не могу остановиться на книгах Лесника {82}, оригинального и

талантливого лесного корреспондента, который приносит городскому жителю в рассказах, очерках и фельетонах освежающие сведения о погоде, об охоте, о рыбной ловле, о том, что делается в лесах, реках, в парках и заповедниках.

Нет у меня места и для подробной оценки книжек Ольги Перовской {83}, а ее книжки было бы интересно рассмотреть хотя бы потому, что ей свойственно понимание читателя, верный учет его возраста и требований.

Важнее всего здесь отметить то, что книжка о зверях, играющая огромную роль в мировоззрении ребенка, отрешается у нас от двух своих главных грехов.

Она уже перестала говорить о "немой и страдающей душе зверя", запрятанной в грубую и мохнатую шкуру, и понемногу перестает подменять живого зверя этой самой мохнатой шкурой, заготовленной пушторгом для экспорта.

Исторических книг для детей у нас мало.

Если наш ребенок прочтет даже самый полный их комплект, вся мировая история расположится в его сознании приблизительно таким образом: Спартак Иван Грозный - Петр Первый - Пугачевский бунт - декабристы - Николай Первый - Николай Второй - 1905 год-1917 год.

Получается лестница, которая должна вести на десятый этаж, а состоит всего-навсего из девяти ступенек, или, вернее, из тысячи зияющих провалов.

А может случиться еще хуже. Все ступеньки перепутаются. Пугачевский бунт окажется после декабристов, а Николай Первый станет перед Петром Первым.

Разумеется, нельзя и не следует надеяться, что все провалы и пустоты в этой лестнице исторических сведений будут в ближайшее время заполнены художественными произведениями: повестями и романами. Да и какие бы это были романы, если бы они писались последовательными сериями - по триста страниц на каждую эпоху!

Дать ребятам историческую перспективу может только школа. Даже для того, чтобы понять и оценить исторический роман, ребята должны располагать хотя бы минимумом представлений и сведений.

Но все-таки большинство людей начинают по-настоящему любить историю или отдельную ее эпоху после хорошей исторической повести или увлекательной драмы, увиденной в театре. Для одного человека это хроника Шекспира {84}, для другого - "Борис Годунов", для третьего - "Князь Серебряный" А. К. Толстого, романы Вальтера Скотта {85}, а может быть, и Дюма {86}.

В старой детской литературе были сотни повестей и очерков о самых различных эпохах.

"Чудеса древней страны пирамид" {87}, "Три тысячи лет тому назад" ("Книга о войнах, о мирной жизни греческого народа и о греческих мудрецах") 88, "Печать Цезаря" {89}, "Дети-крестоносцы" {90}, "Под гром пушек" (рассказы из франко-прусской войны) {91}, "Кто были наши предки славяне и как они жили" {92}, "За царевича" - историческая трилогия Авенариуса {93} и т. д.

Это были целые шкафы книг, толстых и тонких, "роскошных" и "народных", написанных немецкими доцентами и русскими литераторами, о которых в рецензиях обычно говорилось:

"Один из плодовитейших писателей, автор множества популярно-исторических романов и повестей. Произведения его не отличаются художественностью, но их смело можно рекомендовать детям среднего и старшего возраста. Они будут прочитаны не без удовольствия".

Воскрешать все эти "смело рекомендованные" книги нам незачем. Даже традиции и методы большинства из них были бы нам чужды и враждебны. Нам нечему учиться у плодовитейшего романиста Авенариуса, но надо вспомнить, что в старой исторической библиотеке для детей были: "Жизнеописания" Плутарха (в сокращении и в обработке) {94}, "Песнь о Роланде", "Песни скальдов" {95}, "Илиада",

"Одиссея", Тит Ливий {96}, Бенвенуто Челлини {97}, русские летописи, былины, исторические песни.

Надо вспомнить, что на одну повесть приходилось несколько серьезных книжек, содержащих исторические очерки и документы с комментариями.

Пожалуй, эти научные книжки так же малопригодны для советского школьника, как и роман "За царевича". И все-таки, перелистывая их, мы можем сделать важные практические выводы.

Если мы хотим создать для детей настоящую историческую библиотеку, которая будет служить основой их культуры, мы не должны гнаться за скороспелой и поверхностной фабрикацией исторической беллетристики.

Нам следует отобрать из мировой литературы и заново перевести или тщательно подготовить к изданию исторические поэмы, баллады, сказания и романы, которые дадут детям представление о далеких эпохах.

Нам надо взять все, что возможно, из нашей лучшей современной исторической беллетристики для взрослых, иной раз подвергая ее переработке, но никогда не допуская механического сокращения и вульгаризации. Вспомним, как пересказал Шекспира Чарльз Лэм {98}. Этот пересказ завоевал в английской литературе почетное место.

Но одной беллетристики мало.

Мы должны обратиться к нашим серьезным специалистам-историкам и с их помощью смело дать ребятам в руки настоящие исторические исследования, конечно, доступные их возрасту.

Мы знаем, как любит читатель-ребенок и подросток - чувствовать себя исследователем, искателем потерянных следов.

Такого читателя легко увлечь серьезной задачей - расшифровкой загадочной надписи, восстановлением эпохи по ее осколкам и обломкам, поискам исторической истины там, где она была искажена и затушевана чуждыми нам идеологами.

Мы должны дать детям исторические документы - летописи, хроники, записки, - с новыми комментариями. Но только надо помнить, что комментарий это не унылые и обязательные примечания редакции, а подлинный голос нашего времени. Комментарий может не только осветить по-новому старую книгу, но и обогатить ее.

Отбирая материал для создания исторической библиотеки, мы должны учесть; что у каждой эпохи были свои сюжеты, свои любимые герои. Мы тоже должны облюбовать своих героев, находя их на самых различных страницах истории. Нам нечего бояться далеких эпох. Смотрите, с каким интересом расспрашивают ребята в переписке с Горьким о строителях пирамид, о финикийских моряках, о средневековых ученых, которых сжигала инквизиция.

Но это не значит, что нужно заслонить стариной те недавние события, очевидцы которых еще находятся среди нас. Во множестве писем читателей повторяется настойчиво просьба о том, чтобы старые большевики рассказали про свое революционное прошлое, про жизнь в ссылке, про бегство из тюрьмы, про то, как они работали в военных подпольных организациях на фронте, как они брали Кронштадт и Перекоп.

Все дело в правильном и принципиальном подборе исторических сюжетов. В ряду событий, которые станут темой наших будущих очерков и повестей, одни факты будут впервые найдены или выдвинуты нашей исторической литературой, другие заново пересмотрены и поданы в новых соотношениях, соответствующих подлинной правде истории.

И вот тогда, когда мы создадим целую историческую библиотеку из классических романов, научных книг и документов, - станут на место и те наши детские исторические повести, которые представляют собой сейчас редкие и порой довольно шаткие ступеньки лестницы, ведущей на десятый Этаж.

Их еще очень мало, новых исторических повестей.

Нашим писателям-историкам, пишущим для детей, работать трудно. Они работают на читателя, который так мало знает, который чуть не путает Александра Первого с Александром Македонским. Этому читателю ничего не говорят тонкие литературные намеки и цитаты. Он никогда не слыхал о том, что Екатерина Вторая переписывалась с Фернейским отшельником {99}, он даже не догадывается, что женские прически в два аршина высотой знаменуют времена Людовика XVI и близость революции.

Для него книга должна говорить обо всем с начала до конца, монументально и просто, а такая задача по плечу только мастеру.

Но дело не в одной монументальности.

Дореволюционному историческому беллетристу, автору какой-нибудь "Византийской орлицы", было легко писать потому, что работал он по определенному рецепту. Он брал готовую идею казенного образца, тысячу раз уже использованную, разношенную, как старый башмак; брал готовые декорации из оперы "Рогнеда" {100} и костюмы с картины "Поцелуйный обряд" {101} и, не задумываясь, писал роман для юношества со звонким эпиграфом: "Славянские ль ручьи сольются в русском море..."

Взрослому квалифицированному читателю такая книжка в руки не попадала. Она шла в "народ" и в детскую.

Наши писатели, работающие над исторической книгой для детей, - даже самые рядовые писатели, - отлично знают, что одной бутафорией им не обойтись. На них лежит слишком ответственная задача; увидеть подлинные социальные основы событий и в то же время не обезличить истории.

Тут уж материал приходится искать не в опере.

Есть у нас небольшая повесть Татьяны Богданович {102} под названием "Ученик наборного художества". В ней говорится о "наборщиках академической типографии времен Елисаветы Петровны. Весь материал, все человеческие жизни, о которых рассказывается в повести, - не отсебятина. В основе книги лежат документы, собранные с бережным вниманием в архивах старейшей типографии. Тут и приказы, и прошения, и даже счета. Зачем все это понадобилось автору? Затем, чтобы дать картину эпохи, верную исторической правде.

Не одной только Т. Богданович, но и Елене Данько {103}, Георгию Шторму {104}, Александру Слонимскому {105}, Сергею Григорьеву и всякому талантливому и добросовестному автору нашего времени приходится заново собирать свой материал для того, чтобы по-новому осмыслить историю.

Степан Злобин, написавший книгу о Салавате Юлаеве, долго собирал и документы, и устные башкирские предания, прежде чем решился взяться за повесть.

Надо по достоинству оценить смелость и трудность задачи Злобина, который попытался посмотреть на пугачевский бунт глазами башкира Салавата и для этого собрал новый, еще никем не использованный материал {106}.

Ремесленникам детской книги дореволюционных лет никогда не приходилось решать столь серьезные задачи. Они были эпигонами и нахлебниками большой литературы.

ДЕЛО ГЕРИНГА О ПОДЖОГЕ

I

Чаще всего пишут письма в редакцию англичане. Это настоящие мастера эпистолярного дела.

В любом номере многоколонной, убористой, невозмутимой, из века в век газеты "Тайме" вы найдете целую страницу, заполненную самыми неожиданными и разнообразными мыслями и чувствами читателей.

Викарий какой-нибудь Кауфордской церкви сообщает редактору о своем удачном опыте разведения гиацинтов или иерусалимских артишоков. Отставной полковник напоминает о забытой 175-й годовщине охотничьего клуба, членом которого он состоит вот уже сорок седьмой год. Мисс такая-то из Йоркшира обращает внимание на судьбу племени

Ням-Ням, до сих пор не просвещенного светом истинного учения. А леди такая-то из Ланкашира рекомендует всем читательницам не пить натощак кофе.

Все эти письма от первого до последнего слова составлены по строгой форме, начиная с любезного обращения к редактору и кончая горделивым названием усадьбы, замка или дома, откуда послано письмо.

За последнее время мне пришлось много заниматься письмами, полученными в редакциях наших советских газет со всех концов Союза.

Нельзя сказать, чтобы эти письма были написаны по всей форме. Английские викарии пишут изящнее и глаже. Но я уверен, что в количестве и в разнообразии сюжетов наши письма нисколько не уступают "письмам к редактору" газеты "Таймс".

Особенно примечательны письма одной многочисленной категории читателей, которая обычно обращается к редактору "Правды" или "Известий" так:

"Дядя редактор".

Или:

"Дорогой дяденька редактор".

Или:

"Дорогой дядя автор".

Нетрудно догадаться, что читатели, которые называют редактора дяденькой, годятся по своему возрасту ему в племянники.

И в самом деле, в конце каждого письма обязательно стоит цифра 8, 10, 12 или 13, и эта цифра означает возраст корреспондента.

II

В этом году нам повезло. Дважды представился нам случай узнать из первоисточника, чем живут дети нашего Союза, о чем они думают, к чему готовятся.

Казалось бы, что мудреного в такой задаче? Порасспросите первых встречных школьников, как они поживают, что поделывают, что читают, - и вы сразу узнаете, кто они такие. Так обычно думают взрослые люди с долгим жизненным опытом и короткой памятью. Эти взрослые часто забывают, что они и сами были когда-то детьми и что не так-то легко доверялись они в то время расспросам первого встречного.

Для того чтобы ребенок заговорил с вами полным голосом, искренне, смело, не стыдясь ни своих радостей, ни своих огорчений, - так, как разговаривает он с товарищем, - вы должны либо заработать его доверие, либо как-то особенно ему понравиться, до того понравиться, чтобы он влюбился в вас по уши.

Два человека добились в этом году у наших ребят и того и другого. Они вызвали не одну тысячу школьников, пионеров и даже ребят из детского сада на большой, серьезный разговор, слышный всему Союзу и даже за его пределами.

Эти люди - М. Горький и Георгий Димитров.

III

Переписка детей с Горьким уже опубликована. А о том, что писали дети Георгию Димитрову, до сих пор еще мало знают. Мне хотелось бы познакомить читателей с этими письмами, потому что в них, как и в письмах, полученных Горьким, слышен подлинный голос наших советских ребят.

Горькому дети подробно писали о том, что они читают и что хотят прочитать. А заодно рассказывали о себе, о своем быте, о своих желаниях и затруднениях.

Димитрову ребята пишут всего только на одну тему - о самом Димитрове, о его революционном подвиге, о том, как они рады его пребыванию в СССР.

Но и в эти письма проникают мысли и факты, по которым можно угадать характер корреспондента, представить себе его деревню, город или городишко, его родителей и товарищей, почувствовать его двенадцатилетнюю удаль.

IV

Почти в каждом письме есть несколько слов, обращенных к редактору или к редакции.

"Я очень прошу напечатать это письмо, а если не можете напечатать, то пошлите письмо по почте, а если не можете по почте, то пришлите мне адрес, я сам отнесу".

Вот какие это настойчивые, корреспонденты! Даже авторы любовных писем не могли бы с ними состязаться. Они с удовольствием взяли бы на себя роль собственных почтальонов, лишь бы только доставить письмо прямо в руки адресату.

Но хорошо тем, кто живет в Москве. Из какого-нибудь Большого Сундыря или из Гуляй-Поля письмо в Москву не понесешь. Да и по железной дороге его не так-то просто отвезти.

"Я не могу поехать в Москву, - жалуется девятилетняя Наталья Пушкина из гор. Горького, - _я не знаю, на какой поезд садиться"_.

Зато все авторы писем уверены в том, что т. Димитров знает, "на какой поезд садиться", и смело приглашают его к себе.

Приглашают в Ленинград, в Кременчуг, в Архангельск, в Одессу, в Кривой Рог, в деревню Притыкино, в Ойротию и в Красную Чувашию.

Если бы т. Димитров принял все эти приглашения, ему пришлось бы бросить всякие дела и посвятить ближайшие три года своей жизни путешествию на пароходе, в поезде, в автомобиле, на лошадях, а кое-где и пешком.

"Приезжайте к нам в гости в г. Минск, хотя бы на несколько дней, мы все хотим вас видеть - я, и мой папа, и мама, и наша работница Люся. Я хожу в детский сад-нулевку".

Так пишут маленькие. Те, кто ходит уже в 3-й или в 4-й класс, приглашают т. Димитрова не только от имени своей семьи и работницы Люси, а от всего своего звена, от всей школы, от всего города.

У каждого есть чем похвалиться:

_"Дядя Димитров, мы бы хотели, чтобы вы приехали к нам на Краммашстрой и увидели, какой завод здесь построили. А пока до свиданья. Вова Краков, 9 лет".

"Можно ли т. Димитрова попросить приехать к нам в Шатуру, можно ли с ним лично поговорить? Если можно, то как это сделать? Мы бы его сводили на нашу электростанцию. Пионеры 2-го отряда".

"Дядя Димитров, пишите, как вы живете, как вообще дела и все остальное. Дядя Димитров, наши пионеры просят вас приехать к нам в Гуляй-Поле посмотреть, как школа работает, как колхозы к посевной кампании подготовились, как наш завод работает и все остальное. Пионер Каменев".

"Дорогие дяди Димитров, Попов и Танев, приезжайте к нам на Крив Буд (Кривой Рог) к пуску домны Комсомолки. Шура Шройфельд, 8 лет"_.

По этим пригласительным билетам можно отлично изучить первую и вторую пятилетку.

Все ребята знают наизусть, чем гордится их город или колхоз. В одном письме упоминается электростанция, в другом новая домна, в третьем всего только инкубатор, где "выводятся и воспитываются цыплята" и где работает мама пионерки Таси Хреновой.

Только в очень немногих письмах ребята пытаются заманить т. Димитрова в гости не

домной или нефтяным фонтаном, а красотами природы.

"Я очень прошу, чтобы вы приехали к нам в Киев. Город очень красивый, много цветов и зелени. По своим природным богатствам Киев берет одно из первых мест по СССР. У нас вы бы отдохнули. Жду вашего приезда. Лепя Хватов".

Когда-то семь городов спорили из-за Гомера.

Георгий Димитров может с полным правом сказать, что из-за него спорят 77 городов и 777 колхозов.

Даже Большой Сундырь предъявляет на него права.

"Мы просим приехать к нам в Красную Чувашию, как мы хорошо живем и строим хорошие дороги... Нашего Большого Сундыря Райисполком премировал двумя легковыми машинами за дорожное строительство".

Кто чем, а Большой Сундырь гордится дорогами.

Читая это письмо, можно себе представить, как радовались все сундырцы от мала до велика в тот день, когда новая машина пронеслась у них первый раз по новой дороге.

Одни москвичи и ленинградцы убеждены, что т. Димитров и без их указаний знает все, что есть примечательного у них в городе, и поэтому пишут просто:

"Наш адрес - Ленинград, улица Халтурина, д. 4/1, кв. 30, второй этаж, дверь направо".

Или:

"Приезжайте ко мне, мне очень хочется лично побеседовать с вами. Я ученик 2 класса. Учусь от 1 до 5 ч. Выходные дни 5, 11, 17, 23, 29. Н. Полоцкий 9 лет (Москва)".

В один из этих дней - 5-го, 11-го или 17-го - т. Полоцкий, очевидно, будет ждать т. Димитрова у себя дома.

Но может ли т. Димитров обойти все московские и ленинградские квартиры, в которых его ждут по выходным дням пионеры и школьники?

Большинство ребят не задумываются над этим вопросом.

Только один деловой парень лет 11 написал в редакцию такое трезвое и обстоятельное письмо:

"Просим тебя, редакция, чтобы вы нам устроили свидание с т. Димитровым, Поповым и Таневым. Но если нельзя, то напишите, почему нельзя. Некоторые ребятишки просят, чтобы т. Димитров к ним в гости ходил. Это невозможно, чтобы к каждому на квартиру ходить, помереть можно. Скорей помрешь, чем всех обойдешь. Вы, товарищи из редакции, устройте нам свидание и объявите через газету. Мы все соберемся. Дорогая редакция, постарайся".

V

Начиная, примерно, с девяти - одиннадцати лет, человек ищет для себя подходящего героя.

У каждого времени всегда был свой детский герой и свой герой юности, образец ума, доблести, находчивости, силы.

Большинство ребят в прежние времена находило таких героев в романах о рыцарях или в повестях о суровых и благородных индейцах.

Но подумайте, что почувствовал бы двенадцатилетний школьник, если бы в его город прибыл собственной персоной "Последний из Могикан" {1} или Ричард Львиное Сердце!

К сожалению, таких сюрпризов никогда не бывало. Все детские герои в конце концов оказывались либо покойниками, либо вымыслом беллетриста.

Но мы живем в исключительную пору. Наш ребенок может встретиться со своим героем лицом к лицу. Если это не полярный капитан Гаттерас, то это летчик, спасавший челюскинцев, если это не Овод из романа Войнич, то это революционер Георгий Димитров.

Много месяцев следили наши ребята за великолепным поединком Георгия Димитрова с фашистскими судьями. И, наконец, их герой победил своих врагов, его вырвали из темницы и перенесли по воздуху прямо в Москву - чуть ли не в объятья к его двенадцатилетним друзьям.

Теперь его можно встретить на московской улице, ему можно послать по почте письмо. И вот ученик 1 класса Георгий Паниотов из города Запорожья взволнованно и торопливо пишет:

"Я все знаю, как был суд; и что ты говорил, и как вы прилетели. Я знаю, что рабочие нашего города пригласили тебя на Днепрострой. Так если будешь здесь, то заходи, пожалуйста, к нам. Я так рад, дядя Димитров, что я ношу твое имя, и буду стараться стать таким, как ты".

VI

Чем же завоевал Георгий Димитров всех этих ребят из Запорожья, всех подростков из Большого Сундыря и Гуляй-Поля?

Ребята сами отвечают на это:

"Товарищ Димитров, мы следили за каждым твоим словом на Лейпцигском фашистском суде, мы чувствовали, что их замыслы о поджоге неверны. Каждое твое слово на суде звучало справедливостью..."

А один десятилетний школьник, Борис Курганов из Владимира, посылает Димитрову чуть ли не почетную грамоту:

"Я очень доволен вашей речью. Как геройски вы защищали компартию и своих товарищей. Вы больше защищали товарищей, чем себя самого, и не помогли Герингу угрозы о смерти".

О Геринге, о фашистских судьях ребята говорят язвительно, насмешливо, злорадно.

"Я читала, как фашисты хотели вас обвинить и как вы сами их здорово крыли. Я особенно радовалась, когда вы своими вопросами выводили из терпенья председателя".

Это пишет школьница 4 класса, девочка лет двенадцати, Нина Ольховская.

К председателю Лейпцигского суда, которого фашистские газеты называли "симпатичной фигурой в сединах", она относится как к своему личному врагу.

Но еще острее ненавидят ребята подлинного поджигателя рейхстага Геринга. Димитров и Геринг стали для них главными фигурами процесса. Один коммунист, другой - фашист, один - герой, другой - провокатор.

"Мне очень понравилась ваша выдержка на суде, - пишет Димитрову московский третьеклассник. - _Особенно тот момент суда, когда Геринг сказал вам: у меня бы рука не дрогнула уничтожить ваше существование. - А вы спокойно ему ответили: на это вы способны!"_

Не один московский третьеклассник - тысячи наших ребят с восторгом повторяли каждое меткое слово Димитрова на суде.

Сейчас, вспоминая это время, они говорят Димитрову:

"Вы были нашим учителем по чтению газет. Приходя из школы, я прежде всего бросался к газете, так как я боялся, что вас убьют или замучают в тюрьме".

Зато какая шумная радость была у ребят, когда газеты сообщили о том, что Георгий Димитров уже в Москве!

Каждый из ребят переживал эту радость по-своему:

У пионера Каменева из Гуляй-Поля "от радости сердце перестало стучать".

У десятилетнего Бориса Курганова из Владимира "сердце от радости забегало".

У кузнецких пионеров "сердце забилось, и по телу пробежала дрожь".

Я думаю, что ребята говорят о своих сердцах всерьез, а не фигурально. Сердца у них действительно в эти минуты бегали, стояли и прыгали.

Как не поверить в искренность писем, если в них рядом с торжественными декларациями можно найти самые простые и наивные признания:

"Дядя Димитров, когда я прочитал газету, что вы выехали в Москву, я с газетой побежал к своему товарищу, но его не оказалось дома. И по радио передавали, когда вы приехали, но перед этим днем нам кто-то перервал провод".

Вот сколько неудач в один день! И товарища дома не было, и провод перервали.

Но разве могут такие мелочи испортить человеку "самые счастливые дни в его жизни"?

Об этих днях лучше всего рассказывают ребята из татарской школы. Они пишут по-восточному, несколько цветисто, зато очень выразительно:

"Мы, ученики школы села Татаро-Башмаковки, уже три дня ходим в редко бывающем восторге и радости. Иногда, сами забывая, в чем дело, мы задаем друг другу вопрос: почему я чувствую себя веселым? Почему у меня сердце прыгает в какой-то радости? И отвечаем друг другую "И у меня, и у меня!" Тогда кто-нибудь из нас напоминает: "А Димитров?" И начинается пляска с криками: "Приехали, вырвались, герои, молодцы!"

VII

Какое дело Герингу, Геббельсу, Бюнгеру {2} до того, что думают о них советские школьники? Разве может сколько-нибудь обеспокоить их негодование Лени Хватова, ученика 3-го класса киевской школы, или возмущение Лиды Белоус из 2-го класса краматорской школы?

А между тем и Лида Белоус и Леня Хватов пишут так, как будто выносят приговор по делу Геринга о поджоге рейхстага.

Они обвиняют и оправдывают, утверждают и отрицают.

Вот их приговор по пунктам:

_1. "Тов. Димитров! Вы не дали обвинить германскую компартию в поджоге, не испугались фашистского суда и разоблачили его перед всем миром". {Пионеры завода "Шарикоподшипник", Москва.)

2. "Мы, пионеры, знаем, что компартия и Коминтерн террористическими актами не занимаются. Мы учили это на уроках обществоведения". (Полтава, 17-я школа.)

3. "Тов. Димитров, в споре с Герингом вы неустрашимо U мужественно доказали, что он, а не коммунисты подожгли рейхстаг". (Одесса, 49-я школа.)

4. "Тов. Димитров, на суде вы боролись за хорошую жизнь рабочих, еще вы боролись за революцию". (Тася Хренова, гор. Дмитров.)_

Этот детский приговор окончателен и обжалованию не подлежит.

В сущности, это суд будущего поколения, суд истории.

VIII

Письмо к своему герою - для ребят не частное дело, а важное и ответственное выступление. Они стараются писать как можно лучше, торжественнее и умнее.

В некоторых случаях это приводит их к тому, что они, - подобно многим неопытным ораторам и публицистам, - запутываются в пышной фразе. Но они выбираются из словесного лабиринта, как только заговорят о том, что их тревожит и занимает.

Вот начало одного из таких писем:

_"Многоуважаемые тт. Димитров, Попов и Танев, привет вам от учеников 6-й и 7-й группы Архангельской десятилетней политехнической школы.

Ценны вы для нас в историко-культурном процессе тем, что вы были в тяжелом положении в Германии и боролись за освобождение пролетариата за границей"..._

А вот конец того же письма:

"Дорогие товарищи Димитров, Попов и Танев, сообщите нам, где делся Тельман {3}, почему его не слышно. Мы за последние дни в газете не встречали его имени. Пожалуйста, сообщите по адресу С. Малороссийская-Архангельская, ученику 6-й группы Каяку Михаилу".

Очевидно, судьба Тельмана по-настоящему беспокоит ребят. "Где Тельман? Почему его не слышно?" - такими словами люди говорят обычно о своем пропавшем товарище, о близком родственнике, который давно не шлет о себе вести.

А ведь Тельмана никто из них и в глаза не видел. Нужен был целый год тревог и волнений за судьбу человека, чтобы его незнакомое имя стало звучать, как имя друга.

В письмах ребята много рассказывают о том, как жадно ждали они почтальона с газетой, как бегали к приятелям слушать радио для того, чтобы узнать последнюю судебную новость.

"Мы вместе с вами пережили страданья и мученья", - пишут Димитрову ученики одесской 49-й школы.

IX

Что рассказывают наши ребята Димитрову о себе?

Только в письмах самых маленьких упоминается иногда их семья, родственники, товарищи, домработница Люся. Они посылают трогательный привет Димитрову и его маме от себя и от своей мамы.

Школьники говорят в письмах о своем ученье. И говорят с какой-то удивительной честностью, не скрывая даже своих плохих отметок.

Юра Новожилов из Москвы сообщает:

"Я сейчас имею отметки больше на "удовлетворительно" потому, что я писал очень толсто и каждая буква сливалась с другой и получалось грязно. А теперь я обещаю исправиться и с лучшими пионерами и комсомольцами строить социализм, чтобы прогнать фашизм".

Ребята не сомневаются в том, что т. Димитров понимает их условный школьный язык, похожий на телеграфный код.

Наталья Пушкина пишет ему "Я учусь на 8х., 1 в. х. и 1 уд" ("Хорошо", "весьма хорошо" и "удовлетворительно").

А восьмилетняя Р. Пойман с Украины говорит: "Учусь на "добре", обещаю учиться на "дуже добре".

Кое-кто из ребят посылает Димитрову нечто вроде своего послужного списка.

_"Дядя Димитров, я расскажу вам, каким я был во 2-й и 3-й группе и каким я стал

в 4-й группе. Когда я был во 2-й группе, то не было ни одной перемены, чтобы я не был в канцелярии за плохие дела (или побью кого-нибудь, или ведро с водой перекину и другие дела). То же самое я делал в 3-й группе. Меня в год выкидывали из школы раз пять, наверно, и принимали. Я давал обязательство больше не делать таких штук, а не выполнял. А когда я перешел в 4-ю группу, я понял, что больше таких штук не надо делать, что нужно себя взять в руки. Теперь я стал ударником и на доске красуюсь. Дядя Димитров, я даю вам слово быть первым ударником на всю школу, какая имеет 840 учеников, и продолжать дело так, как вы продолжали"_.

Все эти сообщения о школьных успехах и неуспехах больше всего похожи на военный рапорт. В рапорте все должно быть точно и честно. В рапорте не должно быть утайки и прикрас.

_"Мы, ученики глухого уголка Ойротии, Турчатского Аймака, Гурьяновского сельсовета, Айнской школы, прочитав в газете, что вы, товарищ Димитров, приехали в Москву, решили написать вам поздравительное письмо. Мы, хоть и с опозданием на 22 дня, а все же узнали о вашем прибытии! Нас в школе 34 человека, 3 группы. Все мы дети колхозников и трудящихся единоличников. Скажем вам, как мы учимся.

В 1-й группе учится плохо Дмитриев Коля и Загороднева Маня, во 2-й группе - Казанцева Нюра, в 3-й группе учится плохо Дьянкова Валя, Полосухин Игната, Караваев Миша. Получают "неуды" по некоторым предметам Касмынин Ваня, Загороднев Ваня и Караваева Тоня. Но мы вам, товарищи, обещаем, в честь вашего приезда к нам, подогнать по всем предметам, наблюдать чистоту, приходить в школу умытыми, чисто одетыми, с вытертыми ногами, за горячим завтраком не шуметь, не шалить, не хулиганить"_.

Дальше следует еще двадцать два обещания.

Но какое отношение имеют все эти школьные отметки, горячие завтраки и опрокинутые ведра к лейпцигскому процессу, к товарищу Димитрову и его соратникам?

Такое же, какое имеет дисциплина в одном отряде к боевой готовности всей армии.

ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОМ ОТКРЫТИИ

В этом альманахе печатается научный очерк М. Бронштейна, написанный для детей старшего возраста, но интересный - я полагаю - и для взрослых.

Научный очерк для детей рядом с художественной прозой и стихами для взрослого читателя - это сочетание может показаться необычным и странным.

Все так давно привыкли к тому, что детская литература помещается на особой полке - самой нижней в шкафу.

С незапамятных времен "детская" литература так же, как и ее сестра литература "народная", была вне поля зрения людей, обладающих хорошим вкусом, вне суда и закона литературной критики.

Под пестрыми обложками дореволюционных книжек для детей и для "народа" можно было найти все что угодно: и безыменные слащавые стишки про ангелов и птичек, и бойко состряпанную смесь из чудес природы и фокусов со спичками, и даже - иной раз - повесть Н. В. Гоголя, на обложке которой фамилия автора была обозначена так: "В. М. Дорошевич" {1}.

Невежество, безграмотность, неумелое и беспомощное любительство, примитивный дидактизм - вот что прежде всего бросается в глаза, когда извлекаешь из архива роскошные томики сусально-"золотых библиотек" и невзрачные книжонки научно-популярных серий.

Мы предъявляем к нашей советской литературе для детей высокие требования - идеологические и художественные. В области научной детской книги у нас проделаны опыты, которые в общей литературе ставились до сих пор очень редко и случайно.

Создается новый литературный жанр - детская научно-художественная книга, и работают над этим новым жанром не присяжные посредники между наукой и литературой - компиляторы и популяризаторы, а серьезные научные работники и

писатели.

Это дает детской литературе право на интерес широких читательских кругов - без различия возраста.

Недавно американский рецензент, разбирая одну из советских научных книг для детей, сказал о ней следующее:

"Мы даже не представляли себе, что детям можно давать такой крепкий раствор науки".

Очевидно, рецензента больше всего удивило то, что в детской научно-популярной книге и в самом деле говорилось о науке. Ведь все так давно привыкли находить в книгах этого рода только гомеопатические дозы научных мыслей и фактов, растворенные в водянистых рассуждениях о пользе науки, о красоте и стройности мироздания, о "тайнах природы", о "чудесах науки и техники".

Этот слабый раствор мысли подслащали обыкновенно, как микстуру, сахарином так называемой занимательности. По-видимому, ремесленники научно-популярного цеха, изо дня в день поставлявшие публике тощие приложения к детским журналам и роскошные альбомы с факелом науки на переплете, мало верили в занимательность самой науки. Для того чтобы сделать свой предмет занимательным, они придумывали всевозможные аттракционы. Через каждые пять или шесть страниц читателям обычно предлагался отдых от науки в прохладном беллетристическом оазисе.

Правда, и беллетристика эта была под стать науке - тоже не настоящая. Нельзя же считать художественным образом какой-либо персонаж из задачника, например, того знаменитого пешехода, который вышел когда-то из города _А_ и пошел навстречу пешеходу, вышедшему из города _Б_.

А между тем именно такие призрачные пешеходы шагали по страницам заурядной научно-популярной литературы для детей. Но здесь они выступали в роли старших братьев, показывающих младшим опыты по электричеству, или в рог; ли просвещенных отцов из "Вселенной" Герштеккера {2}, забавляющих Ваню и Машу ежевечерними беседами по географии.

Не перевелись такие книги и в наше время. Правда, они несколько подновились. Отцы-резонеры заменены в них ударниками-педагогами, а братья любители опытов - вступили в комсомол и угощают друг друга научно-техническими докладами. Но, вглядевшись, вы сразу узнаете в этих бесплотных комсомольцах классических пешеходов из задачника. У тех и других - одна и та же цель, одна и та же забота: обмануть читателя, подсунуть ему под беллетристическим соусом заплесневелый сухарь науки.

Когда-то вся эта кухня нужна была потому, что ребенка и подростка считали неспособным усвоить настоящую научную пищу - неподслащенную и неразбавленную. С ребенком не принято было говорить искренне, говорить серьезно. Автор сентиментальной и даже восторженной научно-популярной книжки нисколько не обязан был переживать всерьез те чувства, которые он высказывал ребенку. Все его сантименты были притворные, ханжеские, дидактические.

В наше время и в нашей стране отношение к читателю - ребенку и подростку - иное.

Лукавая и фальшивая дидактика нам не к лицу. Мы уважаем науку и уважаем ребенка. Мы помним особенности детского возраста, но это обязывает нас не к упрощению, а к простоте, к последовательности и ясности мысли.

Конечно, ребенок требует от книги занимательности, но занимательность должна быть достигнута не посторонними средствами, не развлекательными интермедиями, а самой сущностью книги, ее темпераментом, ее идейным богатством.

А это возможно только тогда, когда автор сам увлечен научной проблемой, когда он имеет право свободно и уверенно, по-хозяйски, распоряжаться своим научным материалом.

Но и это еще не все. Автор, владеющий терминологией науки, должен уметь отказываться от терминов там, где возможно без них обойтись. Такое умение дается лишь тому, кого точность научных формулировок не отучила навсегда от живой речи.

Итак, воображение, темперамент, живая и свободная речь, богатый материал, идеологический и фактический, - вот условия, без которых невозможна хорошая научная книга для детей. Другими словами, она подчинена тем же законам, что и всякое произведение искусства. Ее можно и должно мерить меркой, приложимой ко всем видам художественной литературы, - то есть степенью ее искренности, идейной высоты и литературного вкуса.

Есть ли у нас уже такая литература? Она создается на наших глазах. Книги Житкова, Ильина, Паустовского, Бианки, Н. Григорьева и других дают нам право надеяться, что научно-популярная литература уступит наконец место литературе научно-художественной.

Автор рассказа о "Солнечном веществе" М. Бронштейн - физик, сотрудник Ленинградского физико-технического института.

В литературе (я имею в виду не специально-научную литературу, а общую) он выступает впервые. Его "Солнечное вещество" выйдет отдельной книгой с дополнениями и иллюстрациями в ленинградском Детиздате {3}.

Книга М. Бронштейна - это не перечень успехов науки и техники, обычный в популярной литературе. Это рассказ о тех барьерах и затруднениях, которые стоят на пути всякого открытия. Это рассказ о коллективной работе множества ученых на протяжении десятков лет. Рассказ о единстве науки.

Несколько лет тому назад М. Горький писал: {М. Горький, О литературе. Сборник статей, стр. 145, Изд-во "Советская литература", 1933. (Прим. автора.)}

"Прежде всего наша книга о достижениях науки и техники должна не только давать конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенное преодоление трудностей и поиски верного метода" {4}.

Именно эту задачу и поставил перед собой автор "Солнечного вещества", рассказывая историю одного из самых Замечательных открытий физики и химии.

Удалось ли ему решить свою задачу - пусть судит читатель.

ДЕТИ О БУДУЩЕМ

Меня давно уже интересовал вопрос о том, как представляют себе наши дети будущее, о чем они мечтают, чего ждут.

Недавно под Ленинградом в одном из пионерских лагерей я спросил об этом ребят. Лил сумасшедший, грозовой дождь, и нам всем не оставалось ничего другого, как сидеть в лагерной столовой, похожей не то на летний театр, не то на барак, и беседовать. Тут было полторы сотни детей разных возрастов от восьми до пятнадцати лет.

Вероятно, мой вопрос показался ребятам неожиданным. Мы только что читали с ними книгу, и они настроились слушать, а не говорить сами. И вдруг - извольте: как вы представляете себе жизнь лет через десять, двадцать, пятьдесят, сто?

Наш разговор начался с молчания.

Потом ребята переглянулись между собой, и по их взглядам я понял, что хоть мой вопрос и застал их врасплох, но беседа все-таки состоится.

И в самом деле, с одной из дальних скамеек раздался голос:

- Не знаю, что будет. Не угадаешь! Думаю только, что будет очень хорошо.

- Ну, еще бы! - отозвались в другом углу.

- А как вы думаете, - спросил я, - какие у ребят будут лагеря лет через десять или пятнадцать?

Тут разговор сразу принял деловой и хозяйственный оборот.

- Ну, будет много мячей, игр... И все кровати будут с сетками, чтобы не проваливаться.

Это сказал маленький пионер, лукаво посматривая на вожатого.

Вероятно, этому пионеру не раз случалось проваливаться на пол вместе с тюфяком и одеялом.

- Вот тоже! Нашел о чем говорить! - засмеялся кто-то рядом. - Я думаю, в каждом лагере будет своя парашютная вышка!

Парашютная вышка сразу оторвала нас не только от лагерных кроватей, но и от земли. Следующий пионер заговорил уже о Марсе:

- Я не могу дождаться, когда люди долетят до Марса. Это надо сделать поскорее, и люди будут туда летать, вот как теперь ездят из Ленинграда в Москву.

- А первая остановка будет на Луне! После этого ребят уже не надо было вызывать на разговор. Одна за другой стали подниматься руки.

- Но ведь на Луне нет воздуха. Человек не может жить без воздуха и воды, - сказал какой-то скептик.

- Ну, и что ж с того! Будут брать с собой воду и воздух. Как сгущенное молоко в банках.

- Зачем в банках? В баллонах!

Долго говорили ребята о межпланетных путешествиях на "ракетопланах".

- Может, удастся устроить хозяйство на Луне или на Марсе! - сказала одна из девочек.

Очевидно, пионерка имела в виду не собственное хозяйство, а что-то вроде лунного совхоза или марсианского колхоза.

Та же девочка сказала:

- Государств на Земле не будет. Люди будут жить не в государствах, а в климатах. Неграм, например, я думаю, нужен жаркий климат.

В этом разговоре я заметил одну особенность.

Для наших ребят "будущее" и "коммунизм" - равнозначащие понятия. В разговоре то и дело одно слово заменялось другим, и этого никто даже не замечал.

Девочка, которая утверждала, что неграм нужен жаркий климат, так описывала будущее:

- Трамваев не будет, а только аэропланы. Кондуктор скажет: "Площадь Льва Толстого!" Гражданин выскочит и спрыгнет на парашюте... Если не на остановке спрыгнет, воздушная милиция его оштрафует.

- А если его ветром отнесет? - спросили ребята.

- Ветра при коммунизме не будет!

- Почему ж это не будет?

- Да научатся погодой управлять, вот и все.

- При коммунизме, - сказал мальчик, которого мне представили как лучшего музыканта в лагере, - при коммунизме музыку знать будут все, как теперь умеют читать и писать. Я читал, что животные и те хорошо воспринимают звук. Ведь вот телефон, радио передают звук на расстояние. Я думаю, что диких зверей можно будет приманивать звуками, и звуками можно будет сообщаться с разными планетами.

Много еще говорили ребята о будущем. Одни - о планетах, другие - о том, можно ли устроить в будущих городах движущиеся тротуары разных скоростей для тех, кто гуляет, и для тех, кто идет по делу; третьи спрашивали, нельзя ли искусственно провести в человеческом мозгу новые извилины, чтобы люди, стали умнее; четвертые говорили о подвижных домах; пятые - о воздушных велосипедах; шестые - о газонаполненных скафандрах для гигантских прыжков над землей; седьмые - о притяжении к Арктике теплых течений.

Впрочем, у всех ребят было одно общее: будущее представлялось им счастливым.

- Но у меня есть еще такое желание - сказал девятилетний мальчик с узенькими черными глазами и с челкой на лбу. - Часто бывает, что два товарища уговариваются, что им делать. Один говорит: пойдем гулять, а другой говорит: не хочу, буду лучше читать. Так вот я бы хотел, чтобы в будущем люди научились так сговариваться, чтобы никто друг другу не отказывал.

Не знаю, осуществится ли когда-нибудь мечта мальчика о том, чтобы на свете не осталось неразделенных желаний. Но высказал он эту мечту от всей души.

Да и не он один, а все ребята - и большие и маленькие - говорили о будущем с настоящей искренностью и с чувством ответственности. Было похоже на то, что в соседней комнате сидит волшебник, от которого зависит осуществление всех этих желаний. И потому ребята ожесточенно оспаривали всякое легкомысленное предложение. Да таких предложений почти и не было.

Только один из младших пионеров не то в шутку, не то всерьез высказал совершенно невероятную гипотезу:

- Я думаю, что дома будут золотые, в тысячу этажей, автобусы будут тысячеместные, а легковики - стоместные!

Должно быть, этот мальчуган еще не вышел из того возраста, когда все, что блестит, кажется прекрасным и тысяча всегда кажется лучше сотни, а сотня - десятка.

ЗА БОЛЬШУЮ ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

1

Всего несколько лет тому назад стране нужны были только пятитысячные и десятитысячные тиражи детских книжек. Сейчас речь идет о стотысячных и даже миллионных тиражах. Отчего это произошло? Оттого ли, что наши книги стали в десять или во сто раз интереснее? Нет, это - результат всеобщей грамотности.

Для литературы расширили и углубили фарватер.

Если книга требуется в таких тиражах, это означает, что она идет в самую глубь страны, в те места, где еще детской книги не знали, ко всем народам и племенам нашего Союза.

Давайте прежде всего вообразим себе этого небывалого по численности и по своему социальному облику читателя детской книги.

Наша обязанность - дать множеству растущих людей представление о широком и сложном мире, в котором они будут со временем жить и действовать.

Разговаривая с нашим читателем, детство которого протекает в тридцатых годах нашего столетия, мы имеем дело с человеком пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годов!

Мы должны дать этому человеку мировоззрение борца и строителя, дать ему высокую культуру.

Ведь нельзя же рассчитывать на то, что школа сама по себе, без помощи художественной книги осуществит эту задачу. По одной схеме, без того сложного материала, который дает искусство, человек никогда не станет грамотным, не научится понимать слов, терминов и тех оборотов речи, которые связаны с многовековой жизнью человечества. У него не будет исторической перспективы.

Если мы с вами не путаем Людовика Девятого с Людовиком Восемнадцатым, то только потому, что мы читали в свое время исторические романы и повести. А наши ребята зачастую путают между собой не только восемнадцать французских Людовиков, но и трех русских Александров. Нужно так готовить и вооружать наших ребят, чтобы они могли читать, ценить и понимать большую литературу.

Интернациональное воспитание, которое получают наши дети, не будет иметь под собой прочного фундамента до тех пор, пока они не будут представлять себе достаточно реально и рельефно весь мир с его странами и народами.

У детской литературы - широкие универсальные задачи. Вот почему Детиздат нельзя сравнивать ни с одним из существующих издательств. Ведь он в одно и то же время по своим задачам - и Литиздат, и научное издательство, и техническое, и социально-экономическое, и какое хотите. А при всем том он еще должен создавать книги на трех различных языках, потому что в пять лет человек говорит на одном языке, в десять - на другом, а в пятнадцать - на третьем.

Но универсальность детской литературы не превращает ее в какой-то ГУМ со множеством обособленных разделов и полок. Детская художественная книга должна быть познавательной; познавательная - художественной.

Ни одна научная истина и ни один житейский факт не дойдут до ребенка, если не будут обращены к его воображению, к его чувству. Об этом надо помнить.

Ни один ученый не сможет написать для детей хорошую книгу, если он чужд и враждебен искусству. Ни один литератор не создаст хорошей повести, если он пренебрегает подлинным материалом, научным или житейским.

При помощи тех или других литературных приемов, при известном умении обращаться со словами можно, конечно, произвести на читателя впечатление. Но ведь впечатления, как сказал где-то Горький, бывают и во сне, - какая им цена!

Нет, нам нужны те впечатления, которые остаются надолго и через много лет отражаются на поступках человека, на его чувствах, и мыслях.

А вызвать такие впечатления не так-то просто.

Для этого нужна плотная художественная ткань, а не реденькие, лишь кое-где пересекающиеся нитки фактов и сведений.

А ведь в большинстве детских книжек, написанных неумелыми любителями или небрежными профессионалами по заказу, вы только и найдете эти четыре ниточки основы.

Вот у Диккенса - дело другое. Не так-то легко расплести его на отдельные прядки или даже вытянуть из него хоть одну ниточку. Недаром мы, которые читали его в двенадцать лет, помним то, что прочли, и в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят лет. Да и не одного Диккенса можно привести в пример. Все то, что называется искусством, даже самым примитивным, - всегда сложная ткань. Вспомните "Красную Шапочку" или "Морозко", любимую народную песню и присказку. Какое сложное взаимодействие ритма, фабулы, бытовой обстановки и простой поэтической причуды! Вот почему так трудно подражать этим образцам. Попробуйте выбросить хоть одно слово из народной присказки или песни. Нет, из песни слова не выкинешь.

А вот из книжки "Люлик в детском саду" - издание 1935 года - я бы выкинул все слова.

Я бы выбросил их за то, что у автора ничего не было за душой, когда он писал эту книжку, кроме одного только весьма похвального желания показать, как хорошо у нас в детском саду.

Я бы выбросил за то, что автор пишет о детях и не видит детей, не находит ни одного запоминаемого образа или слова.

Вы прочитали книжку и узнали, что в детском саду есть парикмахерская, докторская приемная, живой уголок и комната, где танцуют. Но для одного этого не стоило писать книжку.

Вряд ли в памяти у ребенка останется после этой жалкой и реденькой книжки что-нибудь, кроме жеманных, грамматически неправильных фраз, вроде следующих:

"...Люлику ужасно захотелось... слушаться команды удивительной пианинной тети".

"Удивительная пианинная тетя" - это, и правда, удивительно.

Или вот еще фраза: "Может быть, доктор был хороший человек, но где мама, он _определенно_ не знал".

Мы столько говорим о языке, говорим где надо и где не надо, а в то же время позволяем засорять книжку для маленьких самым скверным жаргоном.

Мне это "определенно" не нравится. Так же "определенно" не нравится мне, что автор этой книжки Р. Энгель позволяет себе искажать слова. Он говорит "Люлик_ины_ кудряшки", "малыш_овая_ группа" и т. д.

Все это из кокетства, из жеманства, из желания замаскировать полное отсутствие мыслей, наблюдений, переживаний.

Но, может быть, вы подумаете, что у этой фальшивой и схематичной книжки есть, по крайней мере, свой прикладной смысл - ну, хоть такой, какой бывает у стихов, которые издает Наркомздрав?

Ничуть не бывало.

У вдумчивого человека книжка способна вызвать ужас. Вы только подумайте! Мать привела Люлика в детский сад и ненадолго оставила его во дворике у кучи песка. Ребенок соскучился без матери и пошел ее разыскивать. И что же? В первой комнате его без всяких разговоров остригли наголо, во второй комнате забинтовали с ног до головы. Потом он прогулялся по всему детскому саду, выпустил из коробки живых лягушек, прошелся по коридорам, и никто его даже не остановил и не заметил. Ходит себе мальчик и ходит.

Но вот наконец мать увидела его.

Энгель описывает эту сцену так:

"Мама приоткрыла дверь и видит - Люлик марширует среди ребят. Люлик или не Люлик? Голова у него вовсе не кудрявая, а остриженная, в руке синий флажок, на другой руке белый бинтик, на ноге - бинтище с этаким громадным бантом, а мордашка, мордашка у Люлика ужасно довольная..."

Интересно, какая мордашка была у его матери в ту минуту, когда она увидела своего остриженного и забинтованного сына.

Выходит, что детский сад - это что-то вроде мясорубки. Попал в воронку, и тебя уже закрутило.

И пойдешь ты, как по конвейеру, по всем парикмахерским и амбулаториям, пока тебя так не отделают, что собственная мать - и та не узнает тебя.

Вот какая бестактность получается в результате механического, равнодушного писания, без настоящего материала и без художественной задачи.

Я потому так долго говорю о такой книжке, как "Люлик в детском саду", что этого самого Люлика очень удобно принять за измерительную единицу вроде киловаттчасов, калорий или градусов. Это единица измерения пустоты, равнодушия, фальши в детской литературе. Может быть, и в книжках писателей получше, чем Энгель, вы тоже найдете иной раз этих Люликов в том или ином проценте.

Вот, например, возьмите книжку, мало похожую на произведение Энгель.

Это книжка о спасении экспедиции, погибающей среди льдов Арктики. Книжка на замечательную тему - о героическом походе "Красина". Написал ее Миндлин, способный литератор-очеркист.

Но вот что подарил он детям младшего возраста.

Тетрадка из тридцати двух страниц, с тремя десятками фотографий, с коротким текстом, набранным самыми разнообразными шрифтами.

На титульном листе книжки напечатано, что рассказал ее для малышей участник похода "Красина".

Если бы этой надписи не было, я бы никогда не поверил, что Миндлин плавал на "Красине".

Нужно ли было так далеко ездить, чтобы сказать, например, что "на далеком севере всегда зима", что "шуба у белого медведя теплая" или что "в море встречались плавучие ледяные горы, к_о_т_о_р_ы_е и_н_о_г_д_а р_а_з_д_а_в_л_и_в_а_л_и к_о_р_а_б_л_и" (выражение автора, разрядка моя).

В книжке нет ни одного человека, которого можно было бы себе представить.

Вот как разговаривают в ней люди:

"- Начинается буря, - сказал начальник Нобиле.

- Не пробиться нам, - говорили капитану красинцы.

- Попробуем, - сказал капитан, - надо добраться!"

И все реплики в таком же телеграфном стиле.

Но любопытнее всего рассказано в книжке об одном человеке по фамилии Вильери. Кто такой Вильери, зачем его понесло на полюс, - об этом автор не говорит ни слова.

И все же этому загадочному Вильери посвящена целая страница из тридцати двух, имеющихся в книжке.

Четверть страницы занимает его фотографический портрет. Молодой человек в кепке и с шарфом. Руки засунуты в карманы. На лице улыбка.

А рядом с портретом текст, набранный крупнейшим шрифтом:

"Был среди спасенных один, которого звали Вильери".

Что же сделал или сказал этот Вильери?

"Теперь, - заявил Вильери, - никогда в жизни я не отправлюсь больше в страну вечной зимы".

Вот и все, что сказал и сделал этот замечательный иностранец Вильери.

Стоило из-за этого огород городить, печатать его портрет в книжке, которая вышла у нас недавно пятым изданием для детей!

Читатели никогда не узнают из книжки Миндлина, как звали капитана "Красина". Они не получат ни малейшего представления о том, что такое полярная экспедиция. Имена Нобиле, Цаппи, Мариано, Чухновского, Мальмгрена свалены просто в кучу. Нет ни одного участника экспедиции, который стал бы для детей героем.

Трагически погибший Мальмгрен, герой Чухновский и Загадочный Вильери занимают в ней одинаковое место. Все они уравнены, все сведены к нулю. Книжка щеголяет только крупными шрифтами разных кеглей. Но эти претенциозные шрифты еще больше выделяют, как бы выставляют напоказ стилистическую неряшливость автора.

В книжке говорится:

"Летит дирижабль. Вот уже миновал города, не видно под ним зеленых полей. Все дальше летит он на север. С каждым часом становится холоднее".

Что становится с каждым часом холоднее - дирижабль или погода? Об этом Миндлин

не думает.

Через несколько страниц он опять строит фразу точно таким же образом:

"Возвращается "Красин" домой. Чем дальше идет, тем теплее становится".

Этак недолго и взорвать пароход!

В книжке так мало текста, что легко пересчитать все слова - от первого до последнего.

При такой краткости каждое слово должно быть взвешено и проверено. Ведь по этим коротеньким книжкам дети учатся и мыслить, и чувствовать, и говорить.

Монтаж шрифтов и фотографий - это самый легкий и колодный способ отделаться от темы.

Но дело не в шрифтах и не в фотографиях. Тем или иным холодным способом часто фабрикуются у нас книги на самые горячие, самые патетические, самые ответственные темы дня!

Маленькая книжка не должна быть ничтожной книжкой.

Я не требую, конечно, чтобы крошечная сказочка была подробна, обстоятельна и длинна.

Ведь вот поморские песни и сказки, в которых говорится о море, о звере, о промысле, тоже не претендуют на то, чтобы быть эпопеями. Однако сколько в них глубины! Какое знание моря, промыслового быта вложено в каждую из них!

Мне могут сказать: вы сравниваете поэтическое произведение народного творчества с деловым очерком, написанным по свежим следам событий. Разве могут быть в таком очерке отстоявшиеся образы? Ведь задачей автора была не глубина, а скорость.

Все это так, но тогда встает вопрос: нужна ли нам скорость, которая не позволяет автору заметить, почувствовать или пережить главное содержание своей книги? Нужна ли злободневная книжка, которая беднее газетной заметки? Нужен ли очерк, который считает своим правом быть сухим, скучным и неряшливым?

2

Нам, детским писателям, предстоит огромная работа. Мы должны дать детям тысячи томов повестей, рассказов, стихов, научных книг, приключений, путешествий.

Вот передо мной объемистый справочник Старцева по детской литературе {1}. Он издан в 1933 году "Молодой гвардией".

В этом справочнике перечислено около 11 тыс. названий. Если даже исключить отсюда 2-3 тыс., которые приходятся на переиздания, то ведь и тогда останется 8-9 тыс. книг.

Тысячи детских книг! Да ведь это же целое богатство! Если бы можно было переиздать все это хорошими тиражами, полки наших детских библиотек трещали бы под тяжестью своего груза, прилавки книжных магазинов были бы завалены литературой, и мы перестали бы наконец слышать вечные жалобы родителей, детей и педагогов на то, что детских книг нет и читать нечего.

Просматриваешь тематический указатель в конце этого справочника и только удивляешься. Чего-чего здесь нет! Транспорт - 30 названий. Трамвай около десятка названий. Соя - 2 названия. Займы и сбережения - 5 названий. Заяц - 20 названий. Кролик - 10 названий. Кавказ - 26 названий. Китай около 40 названий.

Какая богатая и разнообразная тематика. Вот бы сейчас кинуть все это в детские библиотеки!

Но страшная беда в том, что, по крайней мере, девять десятых из этих тысяч никуда не годятся.

Некоторые из причин смертности детских книг совершенно очевидны. Их поймет каждый, кто внимательно просмотрит хотя бы страницы справочника и хоть десяток книг из тех, что перечислены на этих страницах.

Часть этих книг заслуженно и справедливо отмела революция. По темам и по содержанию они были нам чужды.

Об этих не стоит сейчас и говорить.

Гораздо большего внимания заслуживают книги, написанные с самыми лучшими намерениями, - книги о животных, растениях, о машинах, а иногда и на политические темы. Возьмем на выборку несколько названий.

"Зрей, ячмень!" (стихи).

"Ваняткина курочка" (рассказ).

"Похождения разбойника Капризки" (из рассказов дедушки).

"Молебен или трактор?" (что нужно знать каждому ребенку на праздник рождества Христова).

"Сказку - на пионерский суд!" (детская пьеса).

"Будь почище!" (шутка).

Каждый человек, который небезразлично относится к искусству и к детям, сразу почувствует, как много в этих названиях фальши и как мало вкуса, как много тенденциозности и как мало идейности.

Кто же авторы этих книжек, написанных неизвестно для кого?

Большей частью это случайные люди. Ведь и по технике, и по географии, и по геологии, и по ботанике, и по экономике писали для детей чаще всего случайные любители, добровольцы.

Не мудрено, что их книжки, содержащие жиденькие сведения, были рассчитаны всего лишь на один день. А уж что касается рассказов и особенно стихов, так их можно было писать без всяких сведений и даже без всяких способностей.

Как же это случилось? Откуда вторглась в советскую библиотеку для детей эта безличная орда?

Да очень просто. В нашу детскую литературу в первые ее годы очень легко было попасть. Она строилась почти на голом месте, традиций у нее никаких не было, или, вернее сказать, были, но очень опасные и плохие.

Какие традиции могла оставить нам канареечная дореволюционная литература, в которой корифеями были Чарская, Лукашевич и Авенариус? Правда, с ними конкурировали иностранцы - Жюль Берн, Марк Твен и Андерсен.

Но русские писатели учиться у них не умели, вероятно, не хватало культуры. А кроме того, почти до самого последнего времени старый Андерсен был, как известно, выставлен за ворота наших библиотек вместе с Чарской и Лукашевич {2}.

Вся эта любительщина долго держаться не могла.

Была еще категория книг, написанных не любителями, а профессионалами по срочному заказу.

Среди них вы найдете книжки о том, что "школа есть цех завода", что главная обязанность школьников и пионеров заключается в сборе лома и утильсырья, что каждый октябренок должен воспитать дюжину кроликов и перевоспитать свою бабушку.

Все левацкие загибы школы отразились в этой сомнительной публицистике или беллетристике для детей.

Детская литература добросовестно отражала все ошибки последних лет РАПП, уже

накануне его ликвидации, все левацкие ошибки школы {3}.

Но довольно о покойниках.

Поговорим о живых книгах. Сколько бы ни было у нас брака, аварий, неудач, - все же мы можем сказать, что эти годы мы работали недаром.

До революции у нас в стране не было ни одного талантливого мастера, который занимался бы детской книгой. Сейчас у нас есть сильные мастера, есть ученики, которые скоро будут мастерами.

Детская литература взялась за большие темы. Она решает сложные вопросы искусства и жизни. У нее есть методы, найденные в результате серьезной, творческой работы.

Я думаю, что научно-художественной книжке положено основание. Это сделали и М. Ильин, и Борис Житков, и К. Паустовский, и др.

У нас есть и начало повести о детях.

Детская повесть для детей и во все времена была редким явлением.

В сущности, о детстве обычно писали по воспоминаниям, и не для детей, а для взрослых.

Только англичане считались мастерами детской повести. Недаром во всех странах. Запада до сих пор читают английские детские книги, да еще итальянскую повесть де Амичиса {4}.

У нас возникает своя школьная повесть.

Правда, наша школа из года в год меняется - нелегко о ней писать. В сущности, о моральной, здоровой, веселой школе, какой она у нас должна быть и какой она становится на наших глазах, повестей еще нет. Есть только книги о трудной эпохе перелома.

Но пришла уже пора для рождения и другой, новой книги. И героями в ней будут не те, кто в первые годы своей жизни испытал столько крутых перемен в быту, в семье, в школе, а _нынешние_ дети, гораздо более счастливые, имеющие право и возможность жить законными интересами своего возраста.

Эта "счастливая" книжка отнюдь не должна быть лакированной, нарочито разукрашенной, поверхностной. Мы не должны и не имеем права возвращаться к благополучной англо-американской детской повести вроде книжки Бернет о "Маленьком лорде Фаунтлерое" {5} или повести о "Маленьких женщинах" Олькотт {6}.

Такой идиллии с готовым, заранее придуманным концом нам не надо.

Пусть их фабрикует нынешний Запад, где хозяевами литературного вкуса в области детской книги давно перестали быть крупные и принципиальные писатели.

Я уверен, что авторы, которые создали у нас первые талантливые книги о детях революции, - Гайдар, Пантелеев, Будогоская {7}, Кассиль (и многие другие, которые идут им на помощь), - найдут новый материал и правильный угол зрения, чтобы написать книги о тех наших детях, которые живут спокойнее и легче, чем жили их старшие братья.

Но не одной школьной повестью живет читатель-ребенок! Его интересуют жизнь взрослых, война и мир, наша стран! и чужие страны, путешествия, приключения, природа.

Что же, и для этого всего у нас есть и найдутся люди!

Правда, их еще мало.

Но надо уметь искать, товарищи. В обсерваториях, в лабораториях, на опытных полях, в походных палатках экспедиций всегда найдется на сотню человек один, умеющий увлекательно рассказывать или писать интересные письма. И вот из этих-то людей надо вербовать сотрудников-корреспондентов детских и юношеских журналов, а

иногда, в случае большой удачи, и настоящих писателей.

Нам нужно каждый день находить нового человека.

Каждый день нам надо вспоминать, какую еще книгу из классической литературы, из советской литературы для взрослых и из современной западной надо ввести в круг чтения детей.

Мы должны широко использовать литературу пародов нашего Союза. А у нас до сих пор ничего не переведено из стихов своеобразного и талантливого поэта Л. Квитко {8}, никто не знает лучших украинских писателей: Наталью Забилу {9}, Копыленко {10}, Панча {11}, Трублаини {12}, Иваненко {13} и др.

Еще менее известна у нас детская литература Белоруссии, Грузии, Армении и других республик Союза.

Всей этой литературой мы должны обогатить наших детей.

У нас должна возникнуть всесоюзная детская литература.

ГОРДИТЕСЬ ПРАВОМ ПИСАТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Это совещание, так же как и прошлогоднее, поможет нам объединиться в коллектив, который возьмет на себя большую творческую задачу - создание детской литературы.

У нас, по правде говоря, литературы для детей, вполне современной и отвечающей на все запросы ребенка, еще нет, а есть только строительство "литературстрой". Первая очередь его уже вступила в работу, но многое еще только строится...

Детский писатель должен знать, какова та книга, которую дети читают, перечитывают и зачитывают до дыр, а не только лениво перелистывают; в чем особенность тех счастливых книг, которые ребенок запоминает надолго - на целые годы.

Повесть (а это для читателей-подростков - самый любимый жанр) должна быть настоящей повестью, то есть рассказывать, _повествовать_ о жизни, о событиях, о людях достаточно глубоко, интересно и связно. У повести должно быть свое стремительное течение, которое с первых же страниц захватывает читателя и несет его до тех пор, пока автор не захочет отпустить его на покой. Эту стремительность и связность повествования вы найдете во всех книгах, любимых детьми: и в "Принце и нищем", и в "Айвенго", и в "Человеке, который смеется", и в "Давиде Копперфильде".

То, что дети именуют "приключениями", в различные времена называлось в литературе по-разному: "подвиги", "странствования", "похождения", "путешествия". Большая Эпическая линия, проходящая через всю мировую литературу, указывает нам направление, по которому должна идти наша повесть для детей. Повествование о подвигах Ахилла или Роланда и похождения Павла Ивановича Чичикова или мистера Пиквика в равной мере могут быть названы эпопеями.

Нам нужны эпопеи патетические и шутливые, а не отдельные лоскутные сцены и эпизоды, наскоро связанные ученически взятой темой. Читатель хочет войти в самую жизнь героя, делить с ним на протяжении всей книги его скорби и радости. Читатель не может и не хочет удовлетвориться только шапочным знакомством с действующими лицами повести.

Но в том-то и беда, что большинство наших повестей и рассказов, - за редкими исключениями, - лишено самого существа повествования. Прочтешь одну главу - и не испытаешь большого разочарования, если тебе почему-либо не удастся прочесть следующую. В первой главе появляются действующие лица, во второй они пропадают. Автор часто сам не помнит обликов и характеров своих героев, не знает, как они должны действовать. Чего уж там ждать от таких героев читателю, если автор ничем их не одарил! Они входят в повесть или роман с пустыми руками, а иной раз и с пустыми головами. Писатели не умеют "изобретать" своих героев, как Сервантес изобрел Дон-Кихота и Санчо Панса. А между тем в этом удачном "изобретении" персонажа повести или пьесы половина успеха. Самые характеры Дон-Кихота, Тиля Уленшпигеля {1}, Санчо Панса, Фальстафа {2} - вместе со всей ситуацией, которая дается в произведении, - определяет линию их действия, обещает читателю или

зрителю множество заманчивых и необыкновенных приключений и эпизодов.

Но даже и тогда, когда автору не нужно "изобретать" своего героя, а можно взять его прямо из жизни, герои у нас почти никогда не получаются.

Во всей нашей детской литературе почти нет персонажей, с которыми читатель может подружиться надолго, на годы. Разве только один "Чапаев"? Но он написан не для детей и завоевал внимание ребят лишь после удачного фильма.

Мы не чувствуем самого жанра эпопеи и в лучшем случае создаем только отдельные героические эпизоды. Нам нужно создать повесть, которая не только _рассказывает о героях_, но и _воспитывает героев_. А это может сделать только правдивая и в то же время поэтическая книга. Каким же образом она создается?

Для этого нет никаких рецептов, но одно можно сказать с уверенностью: надо быть ближе к жизни сегодняшнего дня, надо пристально ее изучать и вместе с тем ни на минуту не забывать о той многовековой культуре, которая стоит у нас за плечами. Эта культура помогает писателю видеть, чувствовать и оценивать явления окружающей жизни. Для того, чтобы написать настоящую повесть, надо знать и любить искусство повести. Иначе книга не найдет своего читателя, письмо будет без адреса.

Особенно важно помнить это сейчас, когда перед писателем столько новых и смелых тем, когда материалом ему служат великие события.

Вот передо мною выступал поэт Квитко. У него есть счастливое свойство: он просто говорит и просто пишет. Эта простота объясняется верным ощущением настоящей большой поэзии. Свежо и непосредственно чувствовать умеют в вашей стране многие, но свежо и непосредственно писать умеет только поэт, владеющий общей культурой и культурой, своего мастерства. Квитко таков. Его стихи одинаково ясны и прочувствованны и тогда, когда он пишет "Письмо Ворошилову", и тогда, когда он рассказывает о жуке, которого унесла дождевая вода. Он находит к самым ответственным темам ту дорогу, по которой идет к ним и ребенок.

Это очень важно для детского писателя. Он всегда должен чувствовать ребенка своим спутником. Он должен гордиться своим правом показать ребенку в первый раз город или целую страну, звезды, леса, людей и зверей.

Вспомните, какое удовольствие бродить с ребенком по Зоосаду, или путешествовать с ним по Волге, или осматривать какой-нибудь новый завод.

Вы снова чувствуете себя тогда десятилетним мальчиком и замечаете то, чего не замечают многие взрослые.

Но не думайте, что путешествовать вместе с ребенком легко. Бывает иной раз так: писатель совершает свои экскурсии и не замечает, что ребенка давно уже нет возле него. Юный спутник вырвал свою руку из руки экскурсовода и ушел по своим делам.

Ребенок легко и с готовностью отзывается на всякое предложение взрослого товарища. Он рад вместе с ним я развлекаться, и дело делать. Но нужно, чтобы развлечение было развлечением, а дело - делом.

Возьмем, например, книги о моделях. Эти книги должны быть деловымн, практичными, точными книгами. Ребенок с трудом осуществляет программу, которую предписывает ему автор. Нелегко добыть нужные материалы, добыть инструменты и научиться владеть ими. Подумайте же, какое это преступление обмануть маленького мастера! А ведь у нас это иной раз случается.

Точность, строгость, добросовестность, умение ставить перед собой литературную и техническую задачу - все это тоже невозможно без настоящей культуры. Другими словами, даже для того, чтобы написать самую скромную прикладную детскую книгу, надо быть серьезным специалистом и культурным мастером, надо чувствовать жанр, в котором работаешь.

Иногда бывает, что повесть о деятелях науки перегружают техникой науки. В одной книге эта техника науки необходима, а другой она не нужна. Не надо превращать легковой автомобиль в грузовик, а грузовик в легковую машину. У каждого жанра своя задача. У нас об этом часто забывают. Забывают, для кого пишут, для чего и

о чем. И вот повесть превращается в бессистемный учебник, а учебник - в сомнительную повесть.

Не следует думать, что отчетливость жанра, поэтическая законченность являются требованиями, которые относятся только к большим произведениям искусства.

Даже школьники знают, что пословицы, поговорки, скороговорки, загадки это тоже произведения искусства. А вот веселые странички в журналах, подписи под картинками, шутливые двустишия и четверостишия до сих пор существуют как бы вне законов искусства. Их чаще всего стряпают между прочим, любительски, развязно и небрежно. И тогда шутка превращается в зубоскальство, карикатура перестает быть рисунком.

Я видел недавно итальянские и немецкие журналы для детей развлекательные еженедельники. В них, на первый взгляд, почти не было никакой политики. Но каждому видно, что и карикатуры, и рисунки с подписями, и стишки, и анекдоты - все это рассчитано на то, чтобы воспитать из читателей плоских, бездушных и самодовольных людей - фашистских лейтенантов.

Нам очень нужен юмор, нужен анекдот, веселая шутка, смешная песенка. Но мы знаем и помним, что это не безродные жанры литературы. Считалка, присказка, прибаутка состоят в родстве с большой литературой, и, если они сохраняют связь с искусством, они имеют право на жизнь. Иначе их никто не запомнит, не заметит, не почувствует. Мало того, вне связи с искусством они попросту превращаются в пошлость.

Самые коротенькие стихи или маленькие рассказы для дошкольников должны быть так же законченны, как большая повесть, как большой роман, как норма.

Итак, для нас, детских писателей, кем бы мы ни были - романистами или авторами подписей к рисункам, - не существует легкой работы.

Перед нами и перед Детиздатом стоят сложные задачи.

Во время выступления К. И. Чуковского А. В. Косарев {3} подал очень интересную реплику. Он сказал, что книги на ответственные темы надо писать без излишней торопливости, потому что спешка может погубить все дело.

Как же нам быть?

Надо спешить, и в то же время вредно слишком торопиться. Надо дать много книг, но нельзя снижать их качество. Это трудно.

Однако нам не следует пугаться трудностей и сложностей. Мы вовсе не новички в своем деле. С начала революции проделано много опытов, пожалуй, больше, чем за все время существования детской литературы. Эти опыты не пропали бесследно. У нас есть книги, которые могут послужить положительными или отрицательными образцами, есть люди, которые хранят накопленный опыт.

А главное, что должно обеспечить нам успех, - это высокий идейный уровень нашего дела.

Ведь нам мало изготовить удовлетворительные переводы, создать грамотные, понятные и нарядные книжки для чтения, составить толковые технические и научно-популярные серии.

У нашей школы две задачи. Одна - сделать ребенка грамотным, другая воспитать из него гражданина социалистического общества, смелого, разностороннего, творческого человека.

Те же две задачи стоят перед детской литературой. Для решения их на помощь к нам приходят и люди науки, и люди искусства, и руководители политической жизни нашей страны. Ни в одной стране созданием детской литературы не занимается такой мощный коллектив.

Это залог того, что никогда у нас не возникнет и не может возникнуть безыдейное потребительское издательство вроде Вольфа и Ко. Но для того, чтобы нам даже в отдельных частных случаях не опускаться до уровня вольфовского ширпотреба,

необходимо, чтобы у нас ни на минуту не переставала биться здоровая критическая мысль. Прочитайте письма поэтов пушкинской поры друг к другу - Пушкина к Вяземскому, Вяземского к Жуковскому. Какие это были суровые, требовательные, насмешливые редакторы! И дружба их не страдала от этой острой и беспощадной взаимной критики.

Между всеми людьми, которые работают над детской книгой самых различных жанров и типов - от сказки до технической энциклопедии, должна быть постоянная связь. Иначе будут утрачены общие художественные принципы и детские книги, сколько бы их ни было, не будут произведениями искусства.

Этой связи могут очень помочь профессиональные, конкретные обсуждения отдельных вопросов детской литературы.

В заключение скажу только одно. Если мы хотим, чтобы наша работа шла широко и крупно, нужно привлечь к работе над детской книгой и "взрослых" писателей. Так называемые "взрослые" писатели должны писать не только для взрослых, но и для детей. Детские же писатели не должны писать для педагогов и рецензентов, а тоже для детей.

Забудьте, товарищи, рецензентов, когда вы пишете: помните читателя и помните большие задачи своего искусства и своего времени.

"ВОЛШЕБНОЕ ПЕРЫШКО"

Обычно сказки начинались так:

"В некотором царстве, в некотором государстве..."

А эта сказка начинается по-новому:

"В одной колрнии жили два мальчика: Петька и Ванька-дурак".

Герой сказки, конечно, Ванька-дурак. "В одной диктовке он ухитрялся наборонить тридцать две ошибки.

Однажды дурак спал на поляне в лесу. Вдруг он услышал шум. Встал он, пошарил в кустах, а оттуда выскочила лисица. Ванька кинулся за ней, но не догнал ее и решил вернуться на прежнее место, чтобы узнать, кого лисица хотела задрать. И кого же он увидел? Гуся. Красивый белый гусь важно шел ему навстречу со своими маленькими гусятами.

- Здравствуй, Ваня, - сказал гусь... - За то, что ты спас меня и моих детей от лисы-разбойницы, я награжу тебя. Чего хочешь? Говори!

В это время маленькие гусята запищали тоненькими голосками:

- Мама, мама, мы знаем, что ему нужно. Ему нужно волшебное перышко, чтобы он ошибок в диктовке не делал...

Ванька покраснел: как, оказывается, что и гусенята. знают, какой он грамотей.

- Ладно, мальчик, не красней, - сказал гусь, - пойдем в наше государство.

И они пошли к очень красивому городу, который неожиданно вырос впереди за кустами. На главной площади. находилось голубое озеро. В нем купалось много гусей и уток со своими детьми.

- Здравствуйте, Иван Васильевич, здравствуйте! - кричали со всех сторон. Ванька поворачивался то направо, то налево, кланялся и отвечал:

- Здравствуйте, граждане..."

Дальше в сказке говорится о том, как Ваньку приветствовал вышедший из дворца павлин "с настоящими павлиньими перьями в хвосте". Павлин поблагодарил Ваньку и велел дать ему волшебное перо, которое "будет писать без единой ошибки".

"Гусь развернул свое крыло и сказал:

- Выбирай любое!

Ванька вытащил крайнее перо и, к своему удивлению, увидел, что оно уже очинено и даже обмакнуто в красные чернила.

В тот же день Ванька-дурак вернулся в колонию и сказал ребятам:

- Не думайте, что я дурак. Я знаю больше вашего... И писать умею лучше вас всех".

В диктовке у Ваньки не оказалось ни одной ошибки. Стал он в классе первым учеником, стал Ваней-умницей".

Осенью послали его вместе с другими лучшими учениками в город, на рабфак.

Но по дороге с ним приключилась беда. Подул ветер и унес волшебное перышко. Ваня-умница стал опять Ванькой-дураком и с треском провалился на экзамене.

"Вернулся он домой, повесив нос".

Ему стало ясно: волшебное перышко - хорошая штука, но слишком ненадежная - подведет в самую горячую минуту!

Эту сказку написал пятнадцатилетний Володя П., член литературного кружка Ленинградской трудколонии НКВД "Красная славянка". Сказка переписана на машинке и помещена в альманахе "Веселые ребята", э 1, за 1937 год.

Мы, литераторы, знаем, как трудно написать настоящую сказку - такую, которая содержала бы все элементы фольклора - смелый вымысел, живую и складную речь, неожиданный и крепкий юмор. Но еще труднее сочинить новую сказку - с новыми персонажами, новым бытом и новой моралью.

Даже не подозревая, очевидно, обо всех этих наших писательских трудностях, Володя П. сочинил в свободные минуты, между работой в цеху и классными уроками, волшебную сказку, где действие происходит не за тридевять земель, а в той же самой колонии, в которой живет и работает автор, бывший беспризорник.

В тот день, когда со станции "Северный полюс" пришла первая радиограмма, я встретился с компанией ленинградских школьников.

- А вы согласились бы зимовать на льдине, как Папанин и Кренкель? спросил я у них.

- Еще бы! - ответили ребята в один голос.

И, как бы подтверждая искренность и серьезность этого единодушного ответа, один из мальчиков спросил у другого вполголоса:

- А ты приучаешься спать зимой при открытой форточке?

- Приучаюсь. А ты?

- Тоже приучаюсь.

Мы заговорили об Арктике, и тут обнаружилось, что многие из ребят отлично знают маршруты почти всех полярных экспедиций, предшествовавших завоеванию полюса советскими героями.

Все то, что волнует нас, взрослых, не менее горячо захватывает наших детей.

Гражданские темы звучат в их стихах и прозе, как лирические темы. Говоря о своей стране, о больших государственных делах, они говорят в то же время о себе, о своем будущем.

Вот стихи ленинградского школьника Илюши М., озаглавленные "Кем я хочу быть".

Больше всего в этих стихах трогает и пленяет простое и непосредственное отношение к вещам и явлениям крупного порядка, - то самое отношение, которое я почувствовал в словах моих знакомых школьников, рассуждавших о зимовке на полюсе и об открытой форточке.

Каждая строчка выражает настойчивую и непреклонную волю автора.

Двенадцатилетний мальчик пишет:

О, хоть бы скорее я вырасти мог,

Чтоб стать боевым командиром,

Чтоб школу сменить на коня и клинок

Для дела свободы и мира.

И ждать мне недолго. Промчатся года.

Настанет прекрасное время.

На шлеме моем загорится звезда,

Упрусь я в железное стремя.

И буду я мчаться на верном коне,

Его понукая и шпоря,

Стрелой по полям, точно в сказочном сне,

С ветрами веселыми споря.

И если прикажут, с дивизией в бой

Помчусь я. Я буду комдивом.

Мой верный товарищ помчится со мной,

Испытанный, быстрый, игривый.

И если нарком мне прикажет: "Веди!"

Я в бой кавалерию двину.

Помчится лавина, а я - впереди

Веду боевую лавину.

Ни чащи лесов, ни просторы степей,

Ни горы, ни рвы, ни овраги

Не сдержат лихого напора цепей,

Стремительной конной атаки.

И, в битве кровавой врага разгромив,

Разбив его главные силы,

Пойдут эскадроны галопом в прорыв

Гулять по глубокому тылу...

Сколько веселой и благородной удали в этих стихах нашего будущего Дениса Давыдова, поэта-кавалериста.

Только в юности можно написать такие прекрасные и такие наивные строчки, полные игры и мальчишеского самолюбования и в то же время проникнутые отвагой и мужеством:

Помчится лавина, а я - впереди

Веду боевую лавину...

Не знаю, выйдут ли из этих ребят поэты и сказочники.

Но ясно одно. Те атакующие силы, которые бушуют в стихах двенадцатилетнего поэта и многих его сверстников, не могут заглохнуть. Поэтическое вдохновение необходимо у нас в любом деле, на любом поприще.

О ДЕТСКИХ КАЛЕНДАРЯХ

Взрослые люди даже и представить себе не могут (если только сами когда-то не пережили таких минут), какое Это великое и незабываемое счастье - получить в детстве первый номер своего первого журнала, сорвать бандероль, перелистать страницы, бегло просмотреть картинки, а потом, усевшись поудобнее, как при выезде в дальнюю дорогу, углубиться в чтение рассказов с таинственными и многообещающими заглавиями.

Это и в самом деле выезд в дальнюю дорогу - в свет. Аккуратно сброшюрованная, еще пахнущая свежей типографской краской тетрадка журнала обещает интересное и долгое путешествие по неизведанным областям жизни, разнообразные встречи и знакомства, смешные и волнующие эпизоды.

Еще б_о_льшим событием в жизни ребенка может быть детский календарь.

Это - 365 страниц, целая библиотека в одном томе; Это - маленькая энциклопедия, справочник, хрестоматия, собрание веселых приключений, шарад, игр, загадок, бесконечная галерея картинок.

Создание такого календаря - дело нелегкое.

Календарь не должен быть сборником случайной, пестрой, занимательной смеси. У него есть свои воспитательные задачи.

Но он не должен быть чересчур серьезен, слишком последователен и систематичен. От этого он потеряет свою привлекательность и разнообразие.

Для того, чтобы не впасть ни в ту, ни в другую крайность - ни в излишнюю серьезность, ни в беспредельное легкомыслие, - составители должны четко ограничить свои задачи в каждой из областей жизни, охватываемых календарем. Надо ясно представить себе, что такое, скажем, биография политического деятеля, ученого или писателя, рассказанная для детей на одной или двух страничках отрывного календаря. Надо ясно знать, какие факты из истории могут и должны быть отмечены за год, какие темы из области естествознания могут быть затронуты в календаре, который стремится помочь ребятам выработать мировоззрение, но отнюдь не претендует на сколько-нибудь основательное и систематическое изложение научных теорий.

Детских календарей, достойных того, чтобы послужить нам образцами, в сущности, еще нет.

Заграничные календари - передо мною их несколько штук - отражают тот условный и тесный детский мир, вернее - "мирок", который мало меняется на протяжении десятилетий.

Один из этих календарей - немецкий 1936 года - так и называется "Die Kinderwelt" ("Детский мир"). Когда просматриваешь его - кажется, что время остановилось. Но это только кажется на первый взгляд. Наряду со старинными сусальными ангелочками и упитанными свиньями, представляющими собою эмблему счастья, на страницах календарей последних лет попадаются аэропланы новейшего типа, а в календаре немецкого общества покровительства животным на первой странице изображен сам Адольф Гитлер со своею собакой. В тексте того же календаря среди изречений

Заратустры {1}, Сенеки, Тацита, Шекспира, Шопенгауэра встречаются афоризмы новейших "мыслителей" - Гитлера и Муссолини.

Широких просветительных задач эти календари перед собою не ставят. Очевидная и главная цель их составителей - ограничить круг интересов ребенка, представить ему мир в виде голубых небес, в которых реют сусальные ангелы, и земли, по которой бродят аппетитные розовые свиньи.

У англичан дело обстоит несколько лучше. Присланный мне ежегодник для маленьких детей "Baby's Own Annual" за 1937 год тоже не выходит далеко за пределы "детского мира", но этот мир не так сусален и гораздо более красочен и просторен, чем "Die Kinderwelt".

Но и английский календарь, благополучный и самодовольный, не может служить для нас образцом. Единственное, чему мы могли бы позавидовать в нем, - это чистые и яркие краски, так радующие ребенка.

В нашей стране детских календарей было очень мало.

Из дореволюционных изданий известен календарь Клавдии Лукашевич писательницы, хорошо знавшей детские требования и вкусы, но не отличавшейся слишком широким кругозором.

Советские издательства этим делом почти не занимались. Передо мной три календаря, изданных в 1932, 1933 и в 1938 годах. Других детских календарей советского времени я не мог найти ни в одном из наших книгохранилищ.

Сопоставить издания 1932 и 1933 годов с календарем, выпущенным в нынешнем году, очень полезно и поучительно. Сравнивая их, видишь, как растут наши требования к детской литературе, как превозмогаем мы болезни, препятствующие этому росту.

Отрывной календарь 1933 года, выпущенный издательством настольных игр "Труд и творчество", представляет собою удивительное сочетание всех ошибок того времени, когда в литературе царил РАПП, а в школе - педология.

На лицевых страницах этого календаря - мазня вместо рисунков и стихотворные лозунги вроде следующих:

Пусть современная игра

Даст нам навыки труда!

Продажа на западе нашей пушнины

Колхозам и фабрикам даст машины!

Наладим в школе политехнизм,

К станку, к машине ребят приблизим!

В кабак отец уж не ходок,

Коль дома Красный Уголок!

Календарь 1932 года (издание Огиза) тоже изобилует стихами утилитарного характера, но посвящен он главным образом куроводству и кролиководству, как единственным утехам золотого детства ("Две курочки и петушок - вот и все хозяйство").

Много места отведено в нем "санитарной" поэзии.

Вот громовая "филиппика", направленная против мух:

...Мухи, мухи, мухи, мухи!

Развелось их - и не счесть!

На подносе, на краюхе

Три, пятнадцать, двадцать шесть.

И жужжит и вьется тучей

Весь кусучий - рой летучий.

Зу-зу-зу! Зу-зу-зу!

Вмиг заразу разнесу!..

Всего несколько лет отделяют нас от того времени, когда такими стихами заполнялись не только детские календари, но и хрестоматии, журналы, чуть ли не вся детская литература.

Нужно было нанести сокрушительный удар всем схоластам от педологии, чтобы избавить детей от их опеки и освободить детскую литературу от гнета утилитаризма.

В новом детском календаре, изданном в нынешнем году Соцэкгизом, нет уже и следов "политехнической" и "санитарной" поэзии. Вместо нее календарь дает стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова и современных поэтов. Темы календаря стали гораздо разнообразнее. Школьник-моделист найдет в нем для себя схему и чертеж самолета. Юннат узнает, чем кормить рыб в аквариуме и как устроить ловушку для птиц. Будущие исследователи Арктики прочтут рассказы о замечательных перелетах и морских походах последних лет, рассказы, написанные самими участниками героических экспедиций (Водопьяновым {2}, Богоровым {3}, проф. Визе {4}).

Искать интересных тем в наши дни не приходится. Не хватает страничек календаря, чтобы рассказать обо всем, чем богата жизнь. Испании уделено пять-шесть страничек, подвигам пограничников - четыре странички, каналу Москва-Волга и Беломорскому каналу - всего по одной страничке.

Но недостаток места, строгие и точные лимиты - это особенность, присущая календарю. Ее устранить нельзя. Она обязывает к предельной краткости, выразительности, меткости, мастерству.

Составители календаря не всегда об этом помнят.

Разве можно назвать метким такое определение Чехова:

"Чехов писал небольшие рассказы из жизни мелких чиновников, торговцев, ремесленников при царизме. В своих произведениях он высмеивал трусость, забитость, угодливость перед высшими одних людей, грубость, жадность и самодурство других".

Это определение может быть с успехом отнесено ко многим десяткам беллетристов, писавших рассказы из жизни чиновников, торговцев, ремесленников "при царизме"... Но Чехова оно не характеризует.

А можно ли назвать выразительной заметку о 1-ом Мая? В ней нет почти ничего, что не было бы известно любому школьнику нашего Союза.

"Первое мая - это день боевого смотра революционных сил рабочих всего мира, праздник труда и пролетарской солидарности".

Нельзя ли было заменить или хотя бы дополнить эту формулировку фактами живыми и волнующими? Голые формулы или - что еще хуже! - трескучие тирады мало говорят уму и сердцу ребенка.

Нехваткой места нельзя оправдать многие пробелы в календаре. Ведь если места мало, то, значит, его надо использовать для самого важного, самого значительного.

А просмотрите повнимательнее один из самых существенных для мировоззрения ребенка разделов календаря - естествознание. Чего в нем не хватает? Очень немногого. Сведений о жизни и работе Дарвина, Тимирязева, Мичурина. Правда, в

день рождения Дарвина (12 февраля) календарь посвящает ему целую страничку, но рта страничка рассказывает только о встрече Дарвина с Тимирязевым. А кто они такие оба - читатель из календаря узнать не может. Ученые, естествоиспытатели - вот и все.

Вообще биографии - слабая сторона календаря. Так, например, из биографии Энгельса даны только юношеские годы. Из воспоминаний о Марксе только те, в которых рассказывается об его отношениях с детьми (да еще приведена речь Энгельса на могиле Маркса).

Все это не случайные ошибки, а серьезные пробелы в самом плане календаря. В будущем году эти пробелы не обходимо исправить. Надо придать каждому разделу и циклу, как бы кратки они ни были, законченность и полноту.

Только тогда календарь, рассчитанный на сотни тысяч читателей, станет той маленькой, занимательной энциклопедией, какою должен быть детский календарь в нашей стране.

И еще одно пожелание. Дети - народ веселый. В их календаре должно быть больше юмора, больше радости, больше красок.

Начало делу положено. Детский календарь у нас существует. А так как время никогда не останавливается, то надо полагать, что в редакции Соцэкгиза уже идет работа над календарем 1939 года.

ГЕРОИ-ДЕТЯМ

1

Я слышал недавно небольшое стихотворение, которое сразу запомнилось мне от слова до слова. Посвящено оно полету наших героев через полюс в Америку. Это всего только четверостишие, звонкое и крепкое, по лаконичности своей похожее на стихотворную загадку. Вот оно:

Сан-Франциско - далеко,

Если ехать низко.

Если ехать высоко,

Сан-Франциско - близко!

Написала эти стихи молодая писательница Н. Артюхова {1}. Ей удалось дать в короткой и веселой песенке-считалке идею и тему, от которых не отказался бы и автор эпопеи.

В те времена, когда начинало жизнь мое поколение, таких песен у нас в обиходе не было. Считалки и песенки, которые мы любили повторять, были старше нас на многие десятки лет, если не на целое столетие. Кто знает, какой из наших прапрадедов первый спел: "Гори, гори ясно, чтобы не погасло" или "Солнышко-ведрышко"?!

И песни наши, и сказки, и любимые игры - все было получено нами по наследству от дедов и мало походило на то, что делалось вокруг нас.

Мы росли, переставали играть и принимались за книги. Как и всем ребятам на свете, нам нужны были герои, - для того чтобы следовать их примеру, учиться у них жизни. Мы находили своих героев в романах о рыцарских походах и о покорении Сибири, в чудесных приключениях капитана Гаттераса и завоевателя воздуха Робюра {2}.

Они нам нравились, эти герои, мы были в них влюблены, но учиться у них поведению, борьбе и работе было несколько затруднительно. Уж очень резко отличался их быт от всего того, что мы видели каждый день.

"Сан-Франциско" было невероятно далеко от нас в те времена.

Героев мы встречали только на сцене и в книгах.

2

В наши дни слово "герой" перестало быть словом древним, античным, экзотическим.

Многие школьники расскажут вам, как принимали они у себя в школе человека, совершившего беспримерный подвиг. К ним еще так недавно запросто приходил Валерий Чкалов {3} - слава и гордость нашей страны. Этот сказочный богатырь усаживался среди ребят за парту и, пересыпая рассказ летными терминами и веселыми шутками, докладывал советским школьникам о своем историческом перелете.

Ребята взволнованно слушали своего гостя, открывшего Америку с Севера, и задавали ему тот вопрос, с которым они не могли бы обратиться ни к Ермаку, ни к Христофору Колумбу, ни к Гаттерасу:

- Как вы стали героем?

Гость понимал, что это не праздный вопрос, а значительный и серьезный. И он по-товарищески рассказывал школьникам о том, как он рос и учился, какие у него были ошибки и промахи, удачи и победы.

Он знал, что среди его слушателей-подростков могут оказаться такие, которым предстоит не менее трудный и блистательный путь.

3

В 1938 году издана целая серия детских книг о замечательных путешествиях по воздуху, совершенных нашими летчиками.

Авторы этих книг в литературу вошли совсем недавно, хотя имена их уже знамениты далеко за пределами нашей страны. Эти имена: Георгий Байдуков, Анатолий Ляпидевский, Павел Головин, Константин Кайтанов {Г. Байдуков, Через полюс в Америку; А. Ляпидевский, Челюскинцы; П. Г. Головин, Как я стал летчиком; К. Кайтанов, Мои прыжки, Детиздат, М. 1938. (Прим. автора.)}.

Все, кто сколько-нибудь знаком с ребятами, прекрасно знают, как жадно ищут они на библиотечных полках приключений, путешествий, героических историй, в которых главными персонажами являлись бы их современники советские люди.

Книги, написанные летчиками-героями, как будто сразу отвечают на все эти настоятельные требования наших ребят: в них есть и путешествия, и приключения, и люди сегодняшнего дня. А заодно внимательный читатель найдет в них немало самых разнообразных сведений по географии, по метеорологии, по технике летного дела. И ни на одну минуту эти сведения не покажутся ему приложением, научной приправой к повести.

Когда Головин рассказывает о восходящих и нисходящих воздушных потоках, читатель следит за его рассказом, не отрываясь ни на минуту, потому что от этих потоков зависит успех рекордного полета, о котором герой и автор книги мечтал с детства.

Да вдобавок в эту лекцию о воздушных течениях неожиданно влетает орел, которому, как обнаруживается из книжки, нужны для парения те же восходящие потоки, которые нужны и планеристу.

Когда Байдуков говорит о том, какими опасностями угрожают летчику белоснежные облака, которые кажутся снизу такими безобидными, читатель запоминает каждое слово из этой боевой практической лекции. Еще бы! Ведь обо всем этом рассказывает человек, который пробил на своем пути не одну облачную гряду.

В редких повестях и романах для юношества вы найдете такое множество эпизодов и приключений, как в книге летчика-парашютиста К. Кайтанова. Прыжки из мертвой петли, из пикирующего самолета, прыжки из стратосферы, спуск на полотно железной дороги в момент, когда навстречу на полном ходу несется поезд... И тут же - рядом с самыми удивительными приключениями - деловые страницы, объясняющие читателю все особенности и сложности летного и парашютного искусства.

И, однако, читателю ни на минуту не кажется, что книжка раздваивается, делится на части, познавательную и приключенческую.

Все сведения, которые дают в своих книгах летчики, неразрывно связаны с действием; действие же требует от читателя неослабного внимания к каждой деловой строке.

Но воспитательная ценность этих книг не только в знаниях, которые они дают читателю. Они учат его закалять волю, относиться просто, строго и вдумчиво к удачам и неудачам.

К. Кайтанов подробно останавливается на нескольких случаях, когда парашютисты-новички перед полетом "трусили". Серьезный разбор каждого такого случая заставляет читателя заново проверить свои обычные представления о мужестве и малодушии.

Никто из авторов-летчиков, вероятно, не ставил перед собой прямо и в упор педагогических задач. И тем не менее книги их проникнуты настоящей воспитательной идеей.

Быть может, наиболее выразительна в этом отношении книга Павла Головина "Как я стал летчиком". С какой-то особенной теплотой и товарищеской откровенностью рассказывает он ребятам о самых различных фактах и обстоятельствах своей жизни. Вот Павлик Головин - школьник. Он уже мечтает стать летчиком, но думает, что для этого только и нужно, что вырасти большим. Учиться незачем - ведь на самолете не задачи решают, а летают. Но вот, поработав немного в мастерской у незадачливого провинциального планериста, Павлик Головин начинает понимать, что летное дело требует науки: "Садясь вечерами за уроки, я стискивал упрямо зубы, угощал себя подзатыльником и уговаривал сам себя:

- Не ленись, Пашка! Летчик должен все знать!"

Щедро и просто открывает Головин перед ребятами всю свою жизнь, показывает им, как он выходил из неудач и затруднений - когда сам, когда с помощью товарищей-комсомольцев.

Прочитав эту книгу, школьник почувствует себя так, будто кто-то уверенно и осторожно поднял его на большую высоту.

4

Книги летчиков различны по своему объему, по литературному качеству и предназначены для читателей разных возрастов.

Георгий Байдуков и Анатолий Ляпидевский обращаются к младшим ребятам и рассказывают им об экспедициях, в которых сами авторы были участниками. Первый - о полете через полюс в Америку. Второй - о спасении челюскинцев {4}.

Книги П. Головина и К. Кайтанова предназначены для ребят постарше. Это автобиографии, или, вернее сказать, повести о том, как человек становится мастером своего дела.

Все четыре книги отличаются одна от другой так же явственно, как отличны друг от друга их авторы.

И тем не менее каждая повесть как будто продолжает и дополняет другую. Все они - части какой-то большой эпопеи, рассказывающей о молодых людях советской эпохи.

На вопрос о том, что открыло этим молодым людям путь к их ответственной и героической деятельности, проще и яснее всего отвечает Георгий Байдуков.

Он пишет:

"Теперь, когда я исколесил полмира, видел много стран, морей и океанов, я, вспоминая свое суровое детство, думаю: что б я делал, если бы не было советской власти!.. Наверно, остался бы кровельщиком.

Больше восьми лет я проработал летчиком в разных отрядах воздушных сил и только после этого начал мечтать о больших воздушных путешествиях. Мне хотелось летать там, где никто еще не летал".

Все авторы пишут о своих подвигах скромно и строго. Гордость их только в том, что они осуществляют надежду своей страны, волю своего правительства и партии, и лишь из рассказов других участников экспедиций вы узнаете иной раз, чего стоили героям их победы и успехи.

Поэтому-то особенно интересно сличать книги разных авторов об одних и тех же событиях.

В книге П. Головина, на странице 102-й, говорится вскользь, мимоходом:

"Четвертый самолет летчика Алексеева - не долетел до острова. Пришлось сесть на льдину за 250 километров от Рудольфа. Через несколько дней я на своем самолете отвез Алексееву бензин".

Кажется, факт не слишком примечательный. Отвез бензин - вот и все. Недаром автор посвятил эпизоду всего три строки.

Но совсем по-иному рассказывает о том же самом случае другой участник экспедиции, корреспондент "Правды" Л. Бронтман в своей очень интересной и обстоятельной книге "На вершине мира":

"Как только самолеты (возвратившиеся с полюса. - С. М.) опустились на снежный наст острова Рудольфа, Шмидт выпрыгнул из самолета и побежал в штабной домик к телефону. Вскоре он вернулся опечаленный: связи с Алексеевым еще не было. Вместе с ним пришел Головин. Голова пилота была перевязана широким бинтом. За время нашего отсутствия он перенес тяжелое воспаление среднего уха. Доктор категорически запретил ему вставать с постели. Но Павел, видя сплошную облачность над островом Рудольфа, умчался на аэродром, завел самолет Н-36, пробился сквозь облака, встретил нас и указал дорогу.

- Могу лететь к Алексееву, - сказал он Шмидту. - Моя машина полностью заправлена, экипаж готов".

Этот пример со всей очевидностью показывает нам, как сдержанны и. скромны в рассказах о себе люди, которыми гордится вся наша страна. И тем дороже кажется нам каждое слово в их простых лаконических книгах.

5

Алексей Максимович Горький много раз говорил о том, что в детскую литературу необходимо привлечь бывалых людей, обладающих богатым жизненным опытом.

Вот они и пришли - "бывалые" люди!

То, что они принесли детям, - большой и щедрый подарок. Ребята наши примут его с благодарностью и любовью. А для писателей-профессионалов эти книги - вызов, товарищеский, требовательный и задорный.

Если наши герои-летчики в простых отчетах о своей жизни и деятельности могут подняться чуть ли не до эпопеи, то каких же книг надо требовать от людей, профессия которых - искусство!

Они должны дать нашим детям такую поэму о герое, которая была бы достойна гордого имени Валерия Чкалова.

О ПЛАНАХ, КНИГАХ И АВТОРАХ

Доклад издательства о тематическом плане обычно дает писателям и редакторам очень ценную возможность подумать и поговорить о перспективах развития литературы. А между тем на совещании в ЦК комсомола по плану 1939 года Детиздат не представил ни итогов прошлой работы, ни доклада о плане. План, розданный участникам совещания, состоял только из перечня названий или тем книжек.

Чем руководствовалась редакция, составляя этот перечень? Очевидно, наличием тех или иных рукописей в редакционном портфеле и наметками отдельных редакторов. Но ведь всего этого далеко не достаточно.

Почему, например, не использованы те замечательные темы и предложения, которые

рассыпаны в статьях Алексея Максимовича Горького, в его статье, которая так и называется "О темах", и в другой статье, озаглавленной "Литературу - детям"?

В частности, Горький неоднократно говорил и писал, что нам необходимо дать ребятам представление о жизни и быте различных народов и стран. Он указывал на то, что когда-то до революции дети с интересом читали книжки Е. Н. Водовозовой {1}, не отличавшиеся, правда, особой глубиной, но все же дававшие детям возможность хотя бы поверхностно и бегло познакомиться с жизнью голландцев, англичан, шведов, французов, сербов.

Книжки Е. Водовозовой не могут нам служить прямым образцом - нам нужна книга вполне советская, вполне современная, да притом, пожалуй, и более талантливая, чем книги Е. Водовозовой.

Для того чтобы литература такого рода появилась, разумеется, нужно затратить много труда.

У нас часто думают, что это дело простое и легкое. В стране немало географов, этнографов, экономистов. Есть и писатели-очеркисты, много ездившие и много видавшие. Достаточно заказать кому-нибудь из них книжку, и дело в шляпе.

Но почему же все-таки в детской библиотеке до сих пор отсутствуют те серии книжек, о которых говорил Горький?

Издательства их не заказывает? Нет, иной раз и заказывает. Авторы не выполняют заказов? Нет, иной раз и выполняют. Но только книжки, выполненные по этому заказу, редко оседают в детской библиотеке надолго.

В чем же тут дело?

Я думаю, вот в чем.

Наши издательства слишком полагаются на то, что книжку вывезет тема или квалификация автора (профессор, академик, очеркист из толстого журнала и т. д.). А между тем ни одна художественная работа не делается просто и легко, как бы ни был талантлив и образован ее автор.

Всякая художественная работа каждый раз - новая и неизведанная работа. Она требует от автора вложения нового капитала, а не процентов со старых работ. Об этом часто забывают и авторы и редакторы.

Беда в том, что в течение нескольких лет издательство систематически отказывалось от углубленной работы с авторами.

Я уверен, что значительная часть неудач издательства объясняется недостатком планомерной, квалифицированной редакторской работы.

Но даже и в тех случаях, когда книгу надо признать удачной, в ней зачастую можно обнаружить промахи и пробелы, в которых повинен не столько автор, сколько редактор.

Недавно Детиздат выпустил целую серию книг, написанных нашими героями-летчиками. Почти все эти книги хороши. Они проникнуты настоящими чувствами, настоящими мыслями, человеческим опытом {2}.

Но вот, например, в очень содержательной, талантливой, сердечной книге летчика П. Головина мало продумана самая композиция книги, и тем не менее я никак не решился бы упрекнуть в этом автора-летчика. Во-первых, он не профессиональный писатель и не обязан чувствовать себя за письменным столом так же уверенно, как чувствует себя за рулем самолета. А во-вторых, я не сомневаюсь в том, что, если бы редакция поработала над его книгой несколько более тщательно, книга могла быть построена гораздо лучше.

Другой пример - книга Кайтанова "Мои прыжки". Книга в высшей степени интересна. Она увлекает читателя и дает ему много знаний.

Тем более досадно видеть в ней промахи и недочеты стилистического характера. Нельзя было оставлять в книге такие фразы: "Самолет истерично заскакал" или

"говорить начальствующим тоном" (вместо - начальственным). За все эти небрежности отвечает, разумеется, не Кайтанов, а его редактор.

Вообще мы недооцениваем роли редактора в деле создания книги. В плане издательства я, кажется, никогда не встречал упоминания о том, какой именно редактор будет вести ту или иную книгу.

Да что говорить об имени редактора, когда в плане 1939 года зачастую нет указания даже на имя автора книги. И чаще всего это относится к самым важным, самым ответственным книгам, например, к таким, как "Рассказы о Ленине".

Иной раз и название, упомянутое в плане, ничего не говорит даже самому пытливому воображению. Кто сможет объяснить, что значит "Рассказы об остроумном применении техники". Ведь это совершенно необъятная тема: и паровоз придуман остроумно, и дизель изобретен не без острой смекалки, и электрический звонок вряд ли придуман каким-нибудь тупицей, да и простое тележное колесо тоже потребовало некоторой находчивости и остроумия.

Очевидно, и составление плана требует известного остроумия, способности отобрать наиболее ценное, четко формулировать задачи.

Это по плечу только талантливому и серьезному редактору.

Даже рубрики плана, которые на первый взгляд кажутся вполне благополучными, и те при более пристальном рассмотрении внушают некоторую тревогу.

Вот примеры. Один и тот же автор должен в этом году дать ребятам две книги: О Пушкине и о Ленине. Как бы ни был добросовестен и самоотвержен автор, - я думаю, с такими огромными задачами ему за один год справиться невозможно.

Другой литератор берется в этом году написать книжку о Маяковском и книжку... о неграх. Полагаю, что такая разнообразная тематика говорит не столько о многогранности автора, сколько о легкомыслии издательства.

В плане мало места уделено молодым авторам. Целой группе таких авторов отведен один сборник "для начинающих".

"Начинающие" так же отличаются друг от друга, как и кончающие. Незачем загонять их всех в особую загородку - в какой-то хлев для молодняка. Тем более что самое слово "начинающие" на обложке вряд ли обеспечит детской книге доверие читателей и их родителей. Кто по доброй воле поручит своего ребенка начинающему врачу или начинающему педагогу, когда на свете есть более опытные.

Но не только молодежь оказалась в плане забытой и обделенной.

Нашим ребятам так нужны книжки по русской истории, их так мало, а между тем издательство не отводит места в плане хорошим и полезным книгам Т. А. Богданович ("Ученик наборного художества", "Соль Вычегодская" и др.).

Точно так же забыло издательство о таком талантливом писателе, как Л. Пантелеев.

Пантелеев и Гайдар всегда пользовались любовью детей. В детских письмах к Горькому, которые мне несколько лет тому назад пришлось разбирать, эти два имени встречались несчетное число раз.

Ребята требуют от книги острого сюжета, настоящего драматизма, юмора. А детское издательство забывает именно о тех авторах, которые лучше многих других способны ответить на эти требования.

В результате в плане сплошь да рядом находят себе место книжки ровные, гладкие, не внушающие педагогам никаких опасений, но зато лишенные каких бы то ни было подлинных чувств и мыслей, - а за пределами плана оказываются авторы, от которых можно ждать смелой, свежей, талантливой книги.

Этот упрек не столько относится к плану 1939 года, сколько к деятельности издательства в целом, потому что всякий план - и хороший и плохой - есть отражение лица издательства.

БУДУЩИМ ГЕРОЯМ

Передо мной две книги - толстая и тонкая. Обе посвящены одному и тому же событию - завоеванию полюса.

Автор обеих книг - один и тот же: И. Д. Папанин.

Толстая - называется "Жизнь на льдине" и предназначается для взрослых; тонкая - озаглавлена "На полюсе" и выпущена для читателей самого младшего возраста {И. Д. Папанин, На полюсе, Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. Рисунки В. Щеглова. Ответств. редактор М. Белахова. (Прим. автора.)}.

Иван Дмитриевич Папанин - не профессиональный литератор, а между тем, создав из своей арктической эпопеи книгу для дошкольников, он разрешил очень трудную задачу. Несмотря на тесные размеры книжки, он ухитрился втиснуть в нее огромный материал.

Перелет Москва - полюс, жизнь и работа на льдине, возвращение на родину, - обо всем этом рассказано в краткой повести Папанина, и рассказано не сухо, не протокольно, а богато, свободно, со множеством самых причудливых подробностей, с лирическими и шутливыми отступлениями.

Детям, для которых эта книжка издана, она вряд ли покажется слишком краткой. Они будут читать ее долго, читать и перечитывать. Для ребят этого возраста какая-нибудь немногословная сказка о "Красной Шапочке" или об "Аленушке" то же, что для взрослых целый роман, вроде "Анны Карениной", а каждая главка сокращенных "Путешествий Гулливера" - настоящая эпопея, запоминающаяся на всю жизнь.

"Хозяину Северного полюса" Герою Советского Союза И. Д. Папанину удалось написать для наших детей - или, вернее, рассказать им - очень правдивую, документальную и вместе с тем сказочную историю.

Книжка эта возникла из живой, устной речи. Автор ее заехал однажды в детский сад железнодорожников и, усадив вокруг себя малышей, рассказал им о своих путешествиях и приключениях. Этот устный, простой и непринужденный рассказ и послужил, основой для будущей книжки. Недаром она начинается так, как могла бы начинаться сказка:

"- Я собрал, - говорит тов. И. Д. Папанин, - своих товарищей Кренкеля, Ширшова, Федорова - и сказал:

- Давайте, братки, думать, что нам нужно для полюса. Кренкель сказал:

- Мне нужна хорошая радиостанция, чтобы я мог говорить с полюса по радио с Москвой, со всеми, со всей землей.

Ширшов сказал:

- Я буду изучать глубины Ледовитого океана. Мне надо лебедку с длинным стальным тросиком (тоненькой проволокой), микроскоп, и еще шелковые сетки и всякие приборы.

Федоров сказал:

- Я буду по звездам и по солнцу определять, где мы. Буду следить, куда везет нас льдина. Мне надо много астрономических приборов.

А я сказал:

- Ребятки, мы едем на полюс на целый год. Нам надо хорошую палатку, и электричество для радио, и резиновые лодки, и посуду, и папиросы, и топоры, и еще много всякой всячины..."

Так знакомит И. Д. Папанин читателя с героями своей книги. А дальше он показывает их во весь рост, в движении, в работе.

Особый, папанинский юмор, проникнутый житейской мудростью и простодушием,

позволяет рассказчику говорить на одной и той же странице об огромных событиях исторического значения и о фактах самых мелких, будничных и, казалось бы, незначительных.

"Я подстриг "косы", выросшие у Кренкеля..."

"Ширшов налил себе на руки скипидару. А руки у "профессора", признаться, были не первой чистоты - в копоти, в масле... Вот он стал растирать меня. Что такое? От скипидара руки у "профессора" стали чистые, зато у меня спина стала полосатая, как у зебры..."

В книге нигде нет и тени фальшивого, лжегероического пафоса. О самых жестоких испытаниях и лишениях, пережитых на льдине, автор говорит спокойно и даже шутливо.

Вскользь, мимоходом рассказывает он о тех днях, когда солнце растопило вокруг лагеря снег и папанинцев стала "донимать" разлившаяся вода.

Так же бегло говорится в книге о трудной, подчас непосильной работе, которой Папанин и его товарищи занимались изо дня в день ("Шесть часов подряд мы, сменяясь, крутили лебедку... Мы впрягались в нарты и, как добрые кони, перевозили за один прием по двадцати пяти пудов груза...").

И, наконец, почти с той же спокойной деловитостью описывает Папанин "памятную ночь", когда льдина "покрылась полосочками, точно ножом ее изрезали", а потом эти "полосочки разошлись, стали громадными - в пять метров ширины!.."

В изображении бедствий автор и участник событий неизменно сдержан и скуп. "Льдинка" все крошилась", - говорит он в одной из самых драматических глав книги.

Зато гораздо щедрее и свободнее становится он, когда вспоминает о радостных днях, которые выпадали иной раз на долю папанинцев.

Люди на льдине готовились к встрече великого праздника - годовщины 7 Ноября.

"Засверкали бритвы, мыльная пена покрыла лица, запахло одеколоном. Мы впервые помылись как следует..."

"Скорей - к радиоприемнику, скорей слушать родную Москву!

Десять часов.

И вот мы слышим бой часов на Спасской башне. Молча улыбаемся друг другу.

- Тише, тише! - шепчет Кренкель. - Ворошилов выезжает!

Нарком выезжает на площадь. Мы даже слышим цоканье копыт его коня...

...Тускло горит лампа, в палатке температура ниже нуля, а мы сидим закутанные, слушаем передачу из Москвы, и нам кажется, будто мы вместе со всеми на Красной площади..."

Дети - да и взрослые - прочтут эту книгу, как хорошую сказку.

Сказочно ее начало, сказочен и конец: последнее торжество героев, их приезд в Москву, в Кремль, встреча со Сталиным.

Миллионы ребят в нашей стране давно уже играют в Папанина и в папанинцев.

Но, прочитав все то, о чем им рассказал "хозяин Северного полюса", они захотят стать настоящими папанинцами и поймут, что для этого от них требуется.

Книга адресована будущим героям.

"УВАЖАЕМЫЕ ДЕТИ"

I

В литературном наследстве Горького нет ни одной книги, целиком посвященной воспитанию.

Он не устраивал для детей школы, как Лев Толстой, не составлял для них азбуки и "Книги для чтения".

Однако среди писателей нашего времени едва ли найдется во всем мире еще один человек, который бы сделал для детей так много, как Горький.

Если собрать воедино все его статьи, начиная с боевого и задорного фельетона в "Самарской газете" 1895 года о трех сотнях мальчиков, для которых не нашлось места в городской школе; {1} если пересмотреть его последние, зрелые статьи, в которых речь идет уже о миллионах ребят, о развитии их способностей, дарований, характеров; {2} если перечесть множество его писем, коротеньких и длинных, написанных в разные времена маленьким адресатам, мы увидим, как по-своему, по-горьковски, шутливо и серьезно, оптимистично и вместе с тем трезво подходил он к людям, главное дело которых - расти.

В его письмах к ребятам нередко можно встретить такое обращение: _"Уважаемые дети"_.

И это - не шутка, не условный оборот речи.

Алексей Максимович и в самом деле относился к ребятам серьезно и уважительно. Он знал, какое это трудное и ответственное время - детство, которое обычно называют счастливым и "золотым". Как много страхов и недоумений, как много нового и сложного узнает ребенок чуть ли не каждый день, как легко его обидеть!

Если в молодости Горький усердно хлопотал о елке для ребят нижегородской окраины, то в последние годы жизни заботы его охватывали самые разные стороны быта всей нашей советской детворы.

Он думал, говорил и писал о детских книгах, об игрушках, о стадионах, о детском театре и кино, о глобусах и картах.

Ранней весной 1936 года - это была последняя весна в его жизни - он пригласил меня к себе на южный берег Крыма и там во время наших прогулок по парку поделился со мной своими новыми планами и затеями.

Алексей Максимович рассказывал, как представляет он себе большой, "толстый" литературный журнал - с беллетристикой и публицистикой, - всецело посвященный воспитанию.

Читателей у этого журнала должно быть, по крайней мере, столько, сколько родителей у нас в стране.

Такой журнал прежде всего надо сделать увлекательным, чтобы его и в самом деле читали, а не "прорабатывали" где-нибудь в методических кабинетах. Только тогда он мог бы влиять на взрослых - и на детей.

Талантливейшие наши писатели, лучшие педагоги должны быть привлечены к делу. А кроме них, надо призвать еще одну категорию людей.

Эту категорию Алексей Максимович чрезвычайно ценил. Она состоит не из педагогов, не из литераторов, а просто из людей, умеющих дружить с детьми.

Их можно найти в самой различной среде. Это те непрофессиональные, но настоящие воспитатели, которые рады возиться с ребятами в свободные часы, любят и умеют рассказывать им сказки и смешные истории, мастерить для них кукольные театры, корабли и самолеты, показывать им фокусы, собирать с ними гербарии и коллекции камней, объяснять им расположение звезд, обучать их стрельбе, плаванью.

Именно о таких людях писал Алексей Максимович в одной из своих статей 1927 года:

"Детей должны воспитывать люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с будущими строителями нового мира" {3}.

Сам Алексей Максимович тоже принадлежал к этой особенной категории.

Он умел видеть в детях и "будущих строителей нового мира", и попросту "ребятишек", с которыми у него были свои особые - серьезные и шутливые отношения.

Помню стихи его, сочиненные экспромтом для маленьких внучек, Марфы и Дарьи. Стихи эти не были напечатаны, и я цитирую их по памяти.

Ах, несчастные вы дети,

Как вам трудно жить на свете.

Всюду папы, всюду мамы,

Непослушны и упрямы.

Ходят бабки, ходят деды

И рычат, как людоеды.

И куда вы ни пойдете,

Всюду дяди, всюду тети,

И кругом учителя

Ходят, душу веселя.

В разговоре с детьми он не докучал им поучениями. Его многочисленные письма к ребятам проникнуты неподдельным, мягким, не лишенным веселого озорства юмором.

Замечательны его письма к нескольким бакинским школьникам, ребятам из "Школы шалунов", затеявшим с ним переписку. В своем ответе Алексей Максимович писал им:

"Я хотя и не очень молод, но не скучный парень и умею недурно показывать, что делается с самоварцем, в который положили горячих углей и забыли налить воду. Могу также показать, как ленивая и глупая рыба "перкия" берет наживу с удочки и много других смешных вещей..." {4}

Обращаясь к тем же бакинским ребятам, Горький говорит:

"Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка; маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку - он умер маленьким, - потом нянчил еще двух ребят, и, наконец, когда мне было лет двадцать, я собирал по праздникам ребятишек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера.

Это было славно, знаете ли! Детей собиралось до шестидесяти, они были маленькие, лет от четырех и не старше десяти; бегая по лесу, они часто, бывало, не могли уже идти домой пешком. Ну, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились уставшие, и я их превосходно тащил полем домой. Чудесно!" {5}

Как старший товарищ и друг, пишет он с острова Капри своему десятилетнему сыну Максиму. Даже подпись в конце письма - "Алексей" говорит о том, какие простые, подлинно товарищеские отношения существовали между отцом и сыном. Если есть в этом письме какое-то отеческое наставление, то выражено оно так поэтично, с таким доверием к способности мальчика понять серьезные и важные для самого Горького мысли, что письмо отнюдь не кажется ни снисходительным, ни назидательным.

"Ты уехал, а цветы, посаженные тобою, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя на Капри нечто хорошее - цветы.

Вот если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее - цветы, мысли, славные воспоминания о тебе - легка и приятна была бы твоя

жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять.

. . . . . .

Ну, всего хорошего, Максим!

Алексей" {6}.

В отсутствии отца Максим очень скучал, хоть и старался не показывать своих чувств окружающим.

Но отец догадывался об этом, и в те времена, когда большие обязанности писателя-революционера мешали его встрече с Максимом, писал ему:

"Спроси маму, что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, славный ты мой!

Алексей" {7}.

II

Не все взрослые люди умеют помнить свое детство. Живая, точная память о нем - это настоящий талант.

Горький был одарен этим талантом, как немногие. И потому-то он считал ребенка не четвертью, не третью или половиной взрослого человека, а целым человеком, достойным самого серьезного обращения.

Среди ребят, с которыми ему приходилось встречаться впервые, Алексей Максимович бывал иной раз так же застенчив, как и в обществе незнакомых взрослых. Он поглаживал усы или постукивал пальцами по столу, пока разговор не задевал его за живое.

Тут он сразу молодел на много лет, лицо его как-то светлело, и казалось даже, что морщины у него на щеках разглаживаются. Он принимался рассказывать. Рассказывал с удовольствием, со вкусом, не торопясь, то улыбаясь, то хмурясь. Даже самый несложный и маловажный эпизод приобретал в его передаче значение и вес. Помню, как однажды он рассказал - вернее, показал - небольшой компании, состоявшей из мальчиков и девочек "немую" сцену, которую ему когда-то случилось наблюдать.

Старуха полоскала с мостков белье, а по мосткам, наклонив голову набок, шел прямо на нее одноглазый гусь. Он подошел к перепуганной старухе, потрепал клювом мокрое белье и важно удалился, как будто сделал дело. Двумя пальцами Алексей Максимович изобразил, как шагал вперевалку одноглазый гусь.

Ребята смеялись, а Горький поглядывал то на одного из них, то на другого и говорил, ласково смягчая свой низкий, глуховатый голос:

- Ну вот и вся история. Я сам это видел, честное слово!

Забавных историй было у Алексея Максимовича в запасе много. Но, разговаривая с детьми, он не таил от них и своих печальных, иной раз даже страшных воспоминаний.

- Вы яблоки когда-нибудь крали? - спросил он как-то у своих гостей-школьников.

Ребята, которые сидели с ним рядом за столом и с удовольствием грызли великолепные, крупные и прозрачные яблоки, немного смутились и перестали жевать.

- Да, да, яблоки воровать вам случалось?

Гости молчали.

Но Алексей Максимович не стал добиваться ответа. Вопрос его был только началом

рассказа.

В детстве у Горького был товарищ, веселый парнишка, замечательный рассказчик и фантазер. Однажды он полез в чужой сад за яблоками. В те времена это было обычным делом. Кому из мальчиков не случалось забираться в соседский сад, когда там поспевали яблоки и груши?

Если ребят ловили на месте преступления, их драли за уши. Тем дело и кончалось. Но приятелю Алексея Максимовича не повезло. Его стащили с яблони на землю и препроводили в полицейский участок. А потом послали в исправительную колонию. "Исправляли" там парнишку недолго - после нескольких месяцев недоедания и побоев он тяжело заболел и помер.

- Много было у нас, у ребят, в ту пору врагов, - говорил Алексей Максимович. - Городовой был нам враг, извозчик - враг, лавочник - враг. Если у кого из взрослых случалась какая-нибудь неприятность - стекло в окошке оказывалось разбитым или кошелек исчезал из кармана, за все отвечал первый попавшийся на глаза мальчишка. Трудно и опасно было нам, ребятам, существовать на этом свете!..

III

Наши дети любят серьезные и ответственные задачи и берутся за них с воодушевлением. Горький это знал. Доверяя силам детей, он предложил им такое важное и серьезное дело, как собирание фольклора - сказок, песен, поговорок, прибауток.

Его бесконечно радовало всякое новое подтверждение талантливости, смелости и предприимчивости наших ребят. С какой нежностью и гордостью говорил он о сибирских пионерах, которые сообща написали книжку с задорным названием "База курносых"! {8} Больше всего ценил в этой книжке Алексей Максимович то, что дети в ней остались детьми и сумели избежать унылой и безнадежной литературщины, в которую впадают многие из взрослых.

Горький помнил имена "курносых", следил за судьбой каждого из них; живя в Крыму или под Москвой, поддерживал с Иркутском живейшую связь.

А в последние месяцы жизни Алексея Максимовича у пего завязалось знакомство с целой армией ребят, живущих в другом отдаленном углу Советского Союза, за шесть тысяч километров от Москвы. Пионеры из заполярного города Игарка обратились к Горькому с просьбой помочь им написать книгу о своем крае.

Чуть ли не в тот же самый день он ответил игарским пионерам.

Алексей Максимович нашел для них самые глубокие и самые нежные слова. Его ответ - настоящая поэма, написанная тем же пером, которое писало когда-то "Песнь о буревестнике".

Обращаясь к ребятам, живущим в краю пурги и полярной ночи, он спешит показать им просторы родной земли во всем их богатстве и разнообразии.

Он как бы охватывает взглядом страну, по которой столько бродил и ездил за свою жизнь и которую так хорошо знал.

Он пишет:

"Сердечный привет вам, будущие докторы, инженеры, танкисты, поэты, летчики, педагоги, артисты, изобретатели, геологи!

Хорошее письмо прислали вы. Богато светится в простых и ясных словах его ваша бодрость и ясность сознания вами путей к высочайшей цели жизни, путей к цели, которую поставили перед вами и перед всем трудовым народом мира ваши отцы и деды. Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живете, едва ли где-нибудь возможны дети такие, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей Земли гордыми смельчаками...

...Большие изумительные радости ждут вас, ребята! Через несколько лет, когда, воспитанные суровой природой, вы, железные комсомольцы, пойдете на работу по

строительству и дальнейшую учебу, перед вами развернутся разнообразнейшие красоты нашей страны. Вы увидите Алтай, Памир, Урал, Кавказ, поля пшеницы, размером в тысячи гектаров, гигантские фабрики и заводы, колоссальные электростанции, хлопковые плантации Средней АЗИИ, виноградники Крыма, свекловичные поля и фабрики сахара, удивительные города: Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Тифлис, Эрйвань, Ташкент, столицы маленьких братских республик - например, Чувашии, столицы, которые до революции очень мало отличались от простых сел.

У вас - снег, морозы, вьюга, а вот я живу на берегу Черного моря. Сегодня - 13 января - первый раз в этом году посыпался бедненький редкий снежок, но тотчас же конфузливо растаял. Весь декабрь и до вчерашнего дня светило солнце с восьми часов утра и почти до половины шестого вечера. зимуют чижи, щеглы, зяблики, синицы..."

В конце письма Алексей Максимович приветствует желание игарских пионеров написать книжку.

"Действуйте смелее", - говорит он и тут же прилагает подробный план, в котором заботливо и тонко учтены и ответственность задачи, и возраст авторов.

"Когда рукопись будет готова, - пишет Алексей Максимович, - пришлите ее мне, а я и Маршак, прочитав, возвратим вам, указав, что - ладно и что неладно и требует исправления" {9}.

Я уверен, что когда-нибудь соберутся и выпустят отдельной книгой переписку Горького с детьми на протяжении десятков лет.

Эпиграфом к этой книге могли бы послужить слова Пушкина:

...Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я

Увижу твой могучий поздний возраст,

Когда перерастешь моих знакомцев

И старую главу их заслонишь

От глаз прохожего...

Вероятно, те же мысли о "младом, незнакомом племени" были у Горького, когда он читал бесчисленные письма с крупными буквами и не всегда ровными строчками, полученные со всех концов страны. Он сосредоточенно и внимательно читал эти странички, будто вглядываясь в черты нового племени, идущего за нами вслед.

Он не упускал случая поддержать и ободрить ребят в любой их затее, которая казалась ему интересной и значительной.

И в то же время он относился к ребятам строго и требовательно, не снимая с них ответственности, не прощая им неряшливости и небрежности.

Сурово, без снисхождения, отвечает он пензенским школьникам, пожелавшим вступить в переписку с Максимом Горьким и наделавшим при первом же дебюте множество грамматических ошибок.

"Стыдно ученикам 4-го класса писать так малограмотно, очень стыдно", говорил им Горький в своем ответном письме {10}.

Возможно, что школьники не заслужили бы такой отповеди, если бы Алексей Максимович обнаружил в их письме что-нибудь большее, чем желание получить собственноручное письмо от знаменитого человека.

Алексей Максимович не был и отнюдь не считал себя педагогом.

Он очень осторожно касался вопросов воспитания, в которых признавал себя недостаточно компетентным.

Всерьез и шутя Горький неоднократно говорил о том, что он не воспитатель и не претендует на какой-либо авторитет в этой области.

Осенью 1935 года он писал своим внучкам-школьницам:

"... если вы, многоуважаемые ученые девочки, расскажете про меня учительницам, так они мне зададут перцу за то, что я вам пишу ерунду..." ''

Конечно, Горький прекрасно знал, что настоящие педагоги не боятся ни игры, ни шутки, ни всей той милой "ерунды", которая так чудесно сближает детей и взрослых. Он знал, что настоящие педагоги рады, когда к ним на помощь со стороны приходят люди с талантом, юмором, с богатым жизненным опытом.

ЖИЗНЬ ПОБЕЖДАЕТ СМЕРТЬ

Я видел страшную фотографию, которую, вероятно, не смогу забыть никогда. Тяжело привалившись к стене, сидит мертвый ребенок - мальчик лет двенадцати. Немцы не пожалели на него пуль. Лицо его обезображено, глаза выбиты. В руках он сжимает комок окровавленных перьев, - это все, что осталось от его любимого голубя.

В московской больнице лежит подросток, которому немцы отпилили руку. У себя,дома, в родных местах, он славился своей ловкостью, изобретательностью, способностью к любому ремеслу.

- Это будет мастер, - говорили про него соседи, - золотые руки.

И вот фашисты искалечили маленького мастера, лишили одной из его "золотых" рук...

Какой методичной, спокойной и тупой жестокостью надо обладать, чтобы проделать над ребенком такую операцию.

Кажется, достаточно одного этого факта, чтобы навсегда поколебать всякую веру в человека, в его разум и сердце, в его способность от столетия к столетию подниматься по ступеням этической лестницы.

Но в наше время сталкиваются друг с другом не только армии и народы, но и враждующие между собой факты. Рядом с падением всякой человечности мы видим и ее небывалый подъем.

В осажденный, томящийся от голода большой город партизаны доставили сквозь линию фронта целый обоз с продовольствием - вереницы крестьянских телег с хлебом, мясом, картошкой.

Все это по горсти собрали жители оккупированных деревень, беспощадно ограбленных немцами. Собрали за спиной у своих поработителей, ежеминутно рискуя жизнью.

И уж совсем на верную смерть шли люди, которые взялись провезти эти телеги по занятой немцами земле, мимо вражеских дозоров, под угрозой нападения фашистских самолетов. Но, видно, смерть отступает перед теми, кто мало думает о ней и о себе!

Петляя по лесам и болотам, партизаны добрались наконец до своей вели и доставили городу драгоценный подарок из вражеского тыла.

Недавно я был в Москве на одном замечательном собрании. Это было "двухэтажное собрание". Наверху, в зале Московского отдела народного образования, собрались взрослые, а этажом ниже - в детской комнате - ребята четырех, пяти, шести лет.

Взрослые наверху говорили и слушали речи, как это обычно бывает на собраниях, а маленькие сидели на низеньких стульях или на ковре, смотрели картинки, строили что-то из кубиков и только иногда прерывали игру нетерпеливым и встревоженным зовом:

- Мама! Отчего моя мама так долго не идет!

- Подожди немножко, сейчас придет, - успокаивала их заведующая детской комнатой.

Но вот матери и в самом деле пришли, закончив свое собрание.

Светловолосая женщина подошла к такой же белокурой маленькой девочке.

- На ручки, - скомандовала девочка. Мать подняла ее.

- А ведь дочка-то похожа на вас, - сказал кто-то.

- Еще бы, - со смехом ответила молодая женщина. - На то она и дочка!

Во всем этом не было бы ничего удивительного, если бы светловолосая женщина и вправду была матерью своей беленькой дочки. На самом же деле эта девочка - круглая сирота. Родителей ее - и отца, и мать - всего лишь несколько месяцев тому назад убили немцы.

Девочка еще очень мала, но в памяти у нее осталось что-то страшное. Когда ее спросили однажды: "Где твой папа?", она ответила: "Ручки завязали и бросили в яму".

Конечно, больше ее никто ни о чем не стал расспрашивать.

Свою родную мать девочка никогда не вспоминает. Может быть, здоровый инстинкт жизни подсказывает ей, что лучше забыть непоправимую утрату и целиком довериться новой семье, новой матери.

А новая мать стоит доверия ребенка.

Это она - Овчинникова, работница завода "Богатырь", - первая предложила советским людям усыновить детей, потерявших в этой войне своих родителей. Множество женщин и мужчин в городах и селах откликнулись на ее призыв.

Пожилая учительница Прыткова, работающая в школе двадцать первый год, и молодая девушка Зоя Мартьянова, которая и всего-то на свете прожила восемнадцать дет, берут на себя ответственность за судьбу осиротевших детей.

Женщины, проводившие сыновей на фронт, вспоминают свою молодость и становятся матерями двухлетних и трехлетних ребят.

Берут на воспитание детей не только бездетные или уже вырастившие своих собственных ребят женщины, но и такие, у которых на руках по четверо, по пятеро дочек и сыновей.

Глядя на хорошенькую белокурую Надю Овчинникову, невольно думаешь:

"А ведь, пожалуй, всякому было бы приятно взять к себе в дом такого веселого, красивого и нарядного ребенка!"

А между тем когда фабричная работница Овчинникова впервые принесла свою приемную дочку к себе домой, ее собственная дочь с ужасом воскликнула:

"Мама, это урод!"

Девочка казалась страшной: так распухли от голода и от мороза ее лицо, ручки, ножки.

Должно быть, почти все ребята, собранные в комнате нижнего этажа, - эти веселые мальчики и девочки, деловито катающие в автомобиле куклу, зайца и мячик, - пережили за свою короткую жизнь не меньше, чем Надя Овчинникова.

С какой гордостью их новые родители говорят о том, что за три-четыре месяца дети стали совсем неузнаваемы.

"Моя Лелечка, когда я брала ее, была совсем больная, лежала в кроватке. Бледненькая была, как эта стенка. Она плохо ходила, говорила. А теперь только и слышен дома ее голосок".

Ребята крепко привязываются к людям, которые их приютили и усыновили.

Вероятно, ранняя и внезапная утрата родного дома, семьи, матери научила их больше дорожить домашним теплом и заботой, чем дорожат дети, еще никогда ничего и никого не терявшие.

С какой-то ревнивой страстностью повторяют они по всякому подходящему и неподходящему поводу отнятое у них и вновь подаренное им слово "мама".

"Где моя мама? Пусть моя мама возьмет меня на руки".

Одна из новых матерей - школьная учительница - рассказывает:

"Как-то раз я взяла своего Алика с собой в школу. Там он разговорился с девочкой из первого класса. Алик сказал: "Вот моя мама. Она пришла на собранье". А девочка говорит: "Это совсем не твоя мама, она чужая, она - моя учительница". Мальчик долго не мог успокоиться. Дома он целый вечер плакал и повторял: "Разве ты не моя мама? Я не чужой, я свой. Ты - моя мама. Разве ты только девочкина учительница? Я не чужой, я свой..."

Бывают случаи, когда приемные родители, чтобы не разлучать между собой братьев и сестер, берут в дом сразу двоих и даже троих детей.

А там, где оказывается им не под силу, где братьев и сестер приходится разъединять, брать в разные семьи, - там эти семьи вступают между собой в новые родственные отношения.

Об этом трогательно рассказывает одна из матерей, учительница Вишняковской сельской школы Егерева:

"И вот мы, две учительницы, живущие недалеко друг от друга, сроднились и стали близкими из-за наших ребят. Мы взяли двух братьев: я - старшего, Аркадия, она - младшего, пятилетнего Вовочку. Теперь я чувствую, что она мне как родная сестра, такие мы близкие!.."

Эта связь, возникающая между отдельными семьями, как бы сливает их в одну огромную семью, объединенную отцовской, материнской, братской любовью.

Дети перестают быть сиротами, переступая через порог незнакомого, чужого дома.

Впрочем, и самое слово "сирота" теряет у нас право на существование.

"Давайте, выкинем это слово из нашего обихода, - говорит учительница Егерева. - Не может быть сирот в стране, где мы все матери... Давайте говорить о наших родных детях, а не о сиротах".

Все, кто слышал эту простую, глубоко сердечную речь учительницы Егеревой, не мог не почувствовать счастливой гордости за человека, за наш народ.

Нет, фашистам не удастся отнять у наших детей будущее, разрушить наши семьи, наши дома!

Люди у нас сильны и на фронте, и в тылу. Бесконечны жизненные силы нашего народа, а жизнь всегда побеждает смерть!

О НАШЕЙ САТИРЕ

I

То, что стало смешным, перестает быть страшным.

Сатира - отличное противоядие вредоносным идеям и лженаучным теориям.

Она умеет бороться с изощренной ложью и самой злостной клеветой.

У нее богатый многовековый опыт в борьбе с мракобесием и тупой косностью. Это она пером Рабле и Сервантеса одолела упорные и живучие предрассудки

средневековья.

Подумать только - у наших сатириков сегодняшнего дня такие предки, как Эразм из Роттердама и Свифт, Вольтер и Беранже, Гоголь, Салтыков и Чехов.

Вольно же нам отказываться от всей этой блестящей галереи предков и заменять ее одной фотографической карточкой Аркадия Тимофеевича Аверченко {1}.

Нечего и говорить, Аверченко был талантливым писателем, а в последние годы жизни, когда предметом его юмора сделался он сам и его собратья-эмигранты, этот юмор стал глубже, горячей, достиг остроты сатиры.

Но все же не у Аверченко должны мы учиться. Даже от самых лучших его страниц отдает некоторым самодовольством и обывательщиной, Дононом и скетинг-ринком протопоповских времен {2}.

Наш Зощенко имеет больше прав на место в ряду русских сатириков. Мысли его серьезнее, литературные задачи крупнее, а стиль своеобразнее.

Вспоминая нашу юность, мы часто переоцениваем юмор предреволюционных лет. А между тем сатирические стихи Маяковского своим пафосом, силой, неожиданностью и свежестью мысли далеко оставили позади "Сатирикон", в котором он сам же работал смолоду.

В предреволюционные годы молодые прозаики не решались браться за такие смелые дела, как сатирический роман, написанный Ильфом и Петровым.

Ни у одного из тогдашних молодых поэтов не было запаса наблюдений и чувств, чтобы взяться за такую героическую и в то же время шутливую стихотворную повесть, как "Василий Теркин" Твардовского.

Не надо прибедняться. У советской литературы было немало побед. Это сознание и радует нас, и обязывает.

II

Во времена народной, Отечественной войны у сатиры много дела.

С первых боевых дней она заговорила у нас цветными плакатами на улицах, рупорами громкоговорителей на перекрестках. Не только сатирические фельетоны в прозе, но и стихотворные эпиграммы стали все чаще и чаще появляться в углах наших больших газет.

Вновь ожила традиция времен гражданской войны, когда стихи Маяковского и басни Демьяна Бедного перемежались в газетах с боевыми сводками.

Карикатуры и эпиграмматические надписи заняли место и в ежедневной печати, и на армейских пакетах с концентратами, как острая приправа к гороховому супу или к пшенной каше. Рисунки и стихи, воспроизведенные на броне танка, участвовали с ним вместе в жарких боях, а когда осколки вражеских снарядов сбивали и стирали их с брони, танковая бригада бережно обновляла изображение и слова.

Во всех фронтовых газетах, в листовках, переправляемых партизанами и забрасываемых в тыл врага, - всюду нашла себе применение советская сатира.

Оружие проверяется во время войны.

Приходит пора проверить качество нашего колющего и рубящего словесного оружия.

Есть ли оно у нас?

Да, есть.

Служит ли оно тому делу, которое сейчас для нас важнее важного, - войне с фашизмом?

Да, служит.

"Но будем говорить прямо - не всегда оно у нас достаточно остро.

Мы еще не научились подслушивать и улавливать тот устный юмор, которым так богат наш народ, а народ на войне в особенности. Улавливать и подслушивать не для подражания и механической переработки фольклора, а для того, чтобы заразиться задором, горячностью, силой и непосредственностью, которая так радует нас в ответном письме защитников Ханко барону Маннергейму {3} или в меткой поговорке и частушке.

На фронте острое, крепкое слово зачастую идет рядом с подвигом, и жаль пропускать эти слова мимо ушей.

Во времена войны сатира приобретает широко народный характер. Она проявляется в боевых лозунгах, в эпиграммах, в насмешливых частушках.

Но и во время войны не следует забывать о тех огромных возможностях, которыми располагает писатель-сатирик.

Сатира столь же многообразна, как и вся литература в целом. От эпиграммы в две - четыре строчки до поэмы, стихотворной или прозаической, от прутковского афоризма до щедринского "исследования нравов", - все это могло бы быть нашим хозяйством.

Комедия, басня, сказка, лукиановский диалог {4}, роман в письмах, дневник, шутливая баллада, анекдоты, куплеты, - да мало ли еще литературных форм и видов, в которых может найти свое воплощение сатирическая мысль.

А мы чаще всего ограничиваем себя несколькими, уже знакомыми нам жанрами, ходим по хорошо изученным дорожкам.

То же самое можно сказать и о содержании нашей сатиры.

III

Само собой разумеется, до победы над фашистами вашей основной темой останется и должна остаться тема военная.

Совершенно естественно, враг оказывается в центре внимания писателя-сатирика. Тем более что враг этот счастливо соединяет в себе все черты, которые когда-либо осмеивались сатириками всех времен.

Лживость, чванство, жадность, тупая жестокость, приправленная лицемерием, мещанство, украсившее себя рогатым рыцарским шлемом, глупость и мракобесие в обличий лженаучных теорий.

Характер и повадку нашего врага мы успели хорошо узнать.

Но мы часто топчемся на месте, говорим все об одних и тех же его чертах, забывая, что он все время меняется, изворачивается, принимает то одну, то другую защитную окраску. Надо уметь хватать его за руку при каждом движении, ловить я поличным.

У сатирика должен быть глаз разведчика.

В некоторой нашей неподвижности, в топтании на месте повинны и мы сами, и редакции, не умеющие вовремя вооружить нас материалом, которым автор не всегда располагает.

Некоторое однообразие нашей работы заключается и в том, что военную тему мы ограничиваем по преимуществу сатирой на врага.

Нельзя забывать, что от нашего поведения, от того, как проявляет себя каждый из нас на своем месте в армии или в тылу, зависит очень многое.

Мы несем полную ответственность за все дурное, что еще сохранилось у нас в быту.

Русская сатира всегда была сильна своей этической стороной. Сатирики, которыми гордится наша литература, умели не щадить себя, умели так любить свой народ, что ради его блага, не содрогаясь, брали в руки каленое железо.

Каждый из нас должен пожелать себе и своему товарищу побольше смелости - литературной и гражданской.

Без этого наше дело немыслимо.

IV

И последнее - о злободневность.

Снижает ли злободневность качество сатиры, лишает ли она ее монументальности " долговечности?

Никто не знает, долго ли будет жить на свете он сам и то, что он пишет сегодня.

Через день, через месяц наши злободневные строки несомненно устареют, умрут. А вот через три года или через тридцать лет некоторые из них, может быть, и оживут. Чем горячее, точнее и злободневнее написанная нами вещь, тем больше у нее шансов ожить. Чем лучше выполняет она свою сегодняшнюю задачу, тем долговечнее может оказаться.

Какие-нибудь два стиха греческой эпиграммы о маленьком происшествии, случившемся более двух тысяч лет тому назад, до сих пор радуют нас своей остротой, точным ощущением времени и места:

Раз довелось увидать Антиоху тюфяк Лисимаха,

И не видал с этих пор своего тюфячка Лисимах {5}.

Будем думать о своих современниках, радовать их, сердить, заставлять действовать, а потомки, если захотят, - подумают о нас сами.

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Еще так свежи в памяти времена, когда, для того чтобы писатель поближе познакомился с жизнью страны и народа, устраивались так называемые "творческие командировки".

Но как эти времена от нас далеки! Мы можем с полной ответственностью сказать, что весь период Великой Отечественной войны литература наша без всяких творческих командировок провела с народом и среди народа, переживая с ним трудности, невзгоды и радости. А быть с народом - это значит прикоснуться к земле, к жизни, к житейским будням, без которых немыслима реалистическая литература. На деле это значит проводить дни и месяцы в землянке или блиндаже, мерить ногами километры или трястись в грузовике, ожидать отправки на вокзалах, на пристанях и переправах, ночевать в степи, работать среди заводской сутолоки в редакциях многотиражек и встречать людей в самые трудные и суровые дни их жизни, когда характер их раскрывается до дна.

Это прикосновение к народу не может не повести к богатому и небывалому литературному урожаю. Литература, до такой степени сомкнувшаяся с жизнью, несомненно, станет и реалистичнее и романтичнее.

Война научила писателей многому. Прежде всего научила писать _много_, и при этом в самых неблагоприятных условиях. А ведь еще Чехов говорил, что если писать мало, то испишешься прежде, чем начнешь писать по-настоящему.

Война научила нас наблюдать точнее, запоминать бережнее, чувствовать сильнее и глубже, чем мы умели прежде.

Научила ценить простые и прямые проявления душевной жизни. Не оттенки настроения, а чувства и страсти.

Мы теперь хорошо знаем цену смеха и цену слез. И знаем, что людей, переживших эти военные годы, не развеселишь тем, что не слишком весело, и не растрогаешь сантиментами.

Все это относится к литературе в целом - и к прозе, и к стихам, и к драме.

Своих урожаев ждет и детская литература. Она заслуживает, чтобы мы отнеслись к ней сейчас особенно внимательно, потому что дело воспитания детей в эти послевоенные годы приобретает значение еще более глубокое и серьезное, чем прежде. Да к тому же разговор о детской книге неизбежно затрагивает основные вопросы, которые волнуют и всю литературу в целом.

В своем докладе на пленуме Союза писателей Н. Тихонов сказал, что в прозе и поэзии для детей наблюдается сейчас некоторое оживление. Разумеется, успехи в этой области далеко еще не соответствуют огромности наших задач и читательского спроса, но тем не менее они очевидны.

Это совершенно верно. У детской литературы есть большие удачи. В ней работают не литераторы второго сорта, не бедные неудачники, которые занимались детской книжкой когда-то, а настоящие писатели, люди со своим характером, лицом, почерком.

Для детей писал Алексей Толстой {1}, пишут Михаил Пришвин, Катаев, Тихонов {2}, Федин {3}, Аркадий Кулешов, Сергей Михалков, М. Ильин, Паустовский, Каверин, Пантелеев, Кассиль, Фраерман, К. Чуковский, Лев Квитко, Агния Барто, Нехода {4}, Забила, Копыленко, Оксана Иваненко. Всех уже и не перечислишь. Желание Горького, чтобы вся наша большая литература принимала участие в создании детских книг, уже близко к осуществлению.

Недаром многие заметные книги последних лет могут быть с полным правом названы книгами для детей и юношества.

Таковы, например, повесть о краснодонцах Александра Фадеева, "Два капитана" Каверина, "Дорогие мои мальчишки" Льва Кассиля и другие.

Писать о войне для читателя-ребенка не так-то просто. Записью фактов, документом, хотя бы и самым точным, Этого читателя уж никак не удовлетворишь. Война должна предстать перед ним неприкрашенной и в то же время романтической, суровой, даже грозной, но без излишнего количества окровавленных бинтов.

Одной из лучших наших книг о войне и при этом вполне соответствующей запросам маленьких читателей я назвал бы повесть Валентина Катаева "Сын полка", хотя написана она не только для детей.

Катаев не пожалел на нее душевной теплоты и наблюдательности - тонкой, точной, любовной. Поэтому ему так удался главный герой повести - мальчик с копной волос, похожих на соломенную крышу, и ногами, темными, как картофель.

Ваня Солнцев - это подлинный романтический герой, со своей сложной судьбой, подвигами, приключениями, настоящими дружбами, - и в то же время обыкновенный деревенский мальчишка, совершенно живой и неподдельный.

И окружен этот герой такими же, как он сам, живыми людьми, хорошими, простыми, - теми солдатами Красной Армии, которые победили в этой беспримерной войне.

Книжка полна прелестных подробностей, но главная ее удача, быть может, в каком-то особом писательском такте.

Мальчик, будучи героем повести, занимает в ней скромное и надлежащее место. Он - лирический, а не исторический центр книги о войне.

И поэтому, несмотря на то, что, читая повесть, мы чаще всего смотрим вокруг глазами этого мальчика, любуясь вместе с "ним то ярко-алым башлыком и черной кубанкой кавалериста, то пушечками на артиллерийских погонах, то настоящими пушками в натуральную величину, - война ни на минуту не кажется нам обстановкой, фоном для условного детского спектакля, как это часто бывает в повестях, и не только детских.

Мальчик изображен во весь рост, но он не заслоняет собой войны и тех серьезных человеческих отношений, которые создаются на фронте.

Катаев нисколько не щеголяет фронтовым жаргоном, а уж если и ловит словечко, то вовремя и к месту.

Вот первый разговор мальчика с разведчиками, испытанными мастерами разведки:

- Я, дяденька, - маленький. Я всюду пролезу" - с радостной готовностью сказал Ваня. - Я здесь вокруг каждый кустик знаю.

- Это и дорого, - серьезно отвечает разведчик.

Читатель с хорошим слухом непременно уловит и оценит благородную точность интонации этих трех простых слов: "Это и дорого". Тут и мужская густота голоса, и спокойная уверенность, которая сразу обнаруживает, что говорит специалист, и тот оттенок поощрительного уважения, с каким умный взрослый разговаривает с ребенком. Это и дорого!

Я так подробно остановился здесь на небольшой повести Катаева отнюдь не потому, что считаю ее "Войной и миром" нашего времени. Война у нас позади, а мир со всеми своими сложностями и трудностями еще впереди.

Повесть Катаева радует своим здоровьем, как может радовать хороший, красивый в своей нормальности ребенок.

За последнее время мы прочли довольно много повестей и рассказов о детях в войне. Что отличает их от повести Катаева? В большинстве этих книжек героями являются тоже дети - сироты войны, совершающие подвиги или переживающие сложные события.

Вот, например, в повести Копыленко "Солнце" есть, казалось бы, все основания для удачи. Трудно придумать положения более острые и драматические, чем те, которые лежат в основе книжки.

Маленький деревенский мальчик Гордей живет в землянке со своей старой, больной бабушкой. Деревня их занята немцами, хата сожжена. Родные убиты. Мальчик героически несет все трудности этой страшной жизни, да при этом еще с беззаветной смелостью прячет у себя в землянке раненого командира и делится с ним последним куском. Этому мальчугану сдается в плен солдат немецкой армии - чех, и мальчик сам передает своего пленника Красной Армии, когда первые ее отряды выбивают немцев из деревни.

Во время этих событий умирает бабушка мальчугана, и он остался бы совсем один на свете, если бы раненый командир не заявил о своем желании усыновить своего маленького спасителя.

Уж, кажется, трудно найти сюжет более трогательный по самому существу своему.

Местами у Копыленко находятся и какие-то точные и нежные слова, соответствующие его литературной задаче, - скажем, там, где мальчик спрашивает бабушку, жива ли она еще, и очень просит ее не умирать.

Но таких мест, к сожалению, не слишком много.

Ткань повести редковата, и от этого сюжет, такой правдоподобный в наше время, кажется подчас искусственным, придуманным. Достаточно было автору ввести в повесть приподнятый до ходульности разговор мальчика Гордея с солнцем, чтобы скомпрометировать правдивость и убедительность фабулы.

Копыленко - талантливый, искренний и опытный писатель, и поэтому мы вправе задать и себе и ему вопрос: чего, собственно, не хватило ему для того, чтобы его "Солнце" и в самом деле грело? Почему такой трагический, взятый из самой жизни сюжет породил столь привычный и не слишком глубокий рассказ? Почему, читая самые грустные страницы книжки, уже заранее угадываешь благополучную развязку, как это бывает в святочных рассказах?

Ведь вот удалось же Катаеву, при всем оптимизме его повести, тоже обещающей (но как-то очень осторожно и неуловимо) благополучную судьбу героя, избежать "святочности", поверхностности, сентиментальности. Чем это достигнуто? Прежде всего отсутствием служебных мест, бутафорских мостиков, ведущих от эпизода к эпизоду. На самую мелкую и как будто второстепенную деталь Катаев тратит настоящее воображение, темперамент, подлинные наблюдения. Лихой и щеголеватый

четырнадцатилетний кавалерист в ярко-алом башлыке, в черной кубанке с алым верхом упоминается всего один раз, а как властно занял он свое место в повести, как ясно и весело входит он в память.

Такова настоящая поэтическая ткань всякой живой талантливой повести.

Жизнь не просто тянется от события к событию, она вся играет, перекликается удивительными и причудливыми подробностями, дарит каждую минуту что-то неожиданное, говорит разными голосами.

Начало повести, как и начало жизни, не должно быть всего только скучным вступлением, предисловием. И развязка, конец не может быть только необходимой расплатой по всем выданным в повести векселям. Не будем забывать о той зеленой ветке, которая так неожиданно радует нас иной раз осенью.

К сожалению, во многих детских повестях вы не найдете ни поэтической игры, ни разнообразия голосов, ни богатства счастливо найденных подробностей.

И во "взрослых" книгах всего этого не так много. А в детских и того меньше. Между тем книжка даже не смеет именоваться детской, если в ней нет ни игры, ни тепла, ни воображения.

Часто у нас говорят: надо мириться и со "средней" книгой, если она своей темой и материалом отвечает нуждам сегодняшнего дня. В этом есть свой резон. "Средняя" книга имеет право на существование. Но нельзя мириться с книгой тусклой, посредственной.

Типичным образцом такой "посредственной" книги может служит повесть Н. Раковской "Мальчик из Ленинграда" {5}. С этого мальчика все - как с гуся вода. Ему только одиннадцать лет. Он первый раз расстался с матерью, которая ушла на фронт, а сам он уезжает из осажденного Ленинграда куда-то в неизвестность, в эвакуацию. Заметна ля в повести душевная тревога этого мальчика, то смятение, которое неизбежно связано со страшным поворотом в личной судьбе героя и в судьбе его родного города?

Увы, только бледные, незапоминаемые слова нашлись для всего этого у писательницы Раковской:

"Я заплакал. Тут кто-то схватил меня за плечо. Это был вожатый Гриша. "Ты чего, Юлька, - сказал он, - разнюнился? Срам какой... А говорил, путешествовать любишь!" Он подмигнул мне и втолкнул в вагон... "Бедная мама! - подумал я. - Когда мы опять будем вместе?" Гудело под полом, колеса стучали, "уф, уф, уф!" - сопел паровоз. На крыльце стояли две девочки в платках. "Они останутся тут?" - подумал я. И мне стало жаль девочек, этот домик, крылечко. Я перестал плакать, прижался к стеклу и сказал тихо: "Погодите, фашисты! Отомстим вам за все... Раскаетесь!"

Так, без грамматических ошибок, но и без всякого воображения, без малейшего признака собственных наблюдений пишет автор обо всем: о том, как мальчик под обстрелом отстал от своего эшелона, потеряв все деньги и мешок с провизией (это в такие-то времена!), о том, как он один добрался до Поволжья к бабушке и узнал, что бабушка умерла, о том, как он поехал к дяде в Коканд и узнал, что дядю призвали в армию, а тетя уехала в Баку...

Писательница провела своего героя через всю страну в самые трудные времена героической войны и умудрилась так мало рассказать и показать на всех своих ста пятидесяти страницах.

Не жизнь, великолепная, сложная, играющая даже в трагические минуты, была перед Н. Раковской, а какие-то образчики школьных повестей, да при этом и не самые лучшие.

Я упомянул здесь всего три книги людей разного уровня, разных талантов и характеров, но книги эти показались мне достаточно выразительными в своем облике и дающими материал для заключений.

Я не думаю, что всем нам нужно писать только трагические, глубокомысленные повести, романы и поэмы. Всему есть место в литературе, - и короткому веселому

рассказу, и самой причудливой новелле, и фантастической сказке, и задорной шутке. Но все это может и должно быть правдиво, искренне и обогащено теми великими событиями и чувствами, которые мы пережили за эти годы. Шутка должна стать еще веселее, серьезный разговор - серьезнее.

Мы не должны мириться со "средними" книжками, средними чувствами и мыслями. Однако тут надо сделать оговорку. Рядом с пушкинскими стихами могут показаться средними стихи Кондратия Рылеева. А ведь какая это высота поэтической честности, поэтического напряжения. В "Войнаровского" Рылеев вложил все, чем владел.

Я - за высокую "среднюю" книгу. Эта высокая средняя книга поддерживает в литературе то, что является вершиной своего времени.

ПОЧТА ВОЕННАЯ

Каждый из нас - литераторов, пишущих для детей, - нередко встречается со своими читателями. Эти встречи почти всегда остаются у нас в памяти, но бывают среди них такие, которые мы храним в душе особенно бережно.

Лет десять тому назад мне довелось встретиться с читателями в самой неожиданной обстановке. Это было на сеновале в жаркий летний день. Плотным кольцом окружали меня мои слушатели. Все было так привычно и знакомо. Внимательные и серьезные глаза, сдержанный смех, шутливые и меткие замечания.

Но происходило это не в пионерском лагере, не на даче, а на фронте, и слушали меня не дети, а молодые бойцы во время короткого и неверного досуга между боями. Мне было странно, что под гудение самолетов, под бухание артиллерийских орудий, хоть и отдаленное, но довольно явственное, можно с таким живым интересом слушать стихи. Сначала я читал стихи для взрослых, все больше на военные темы, - мне казалось, что именно это интересно и нужно моим слушателям.

Но вот один из них слегка откашлялся и сказал застенчиво;

- А не можете ли вы прочитать нам какую-нибудь из ваших сказок. Ведь мы их с малых лет знаем.

Его сразу поддержало несколько голосов.

И я с волнением принялся читать этим взрослым людям, несущим такое тяжелое бремя повседневного военного труда и ежеминутной опасности, веселые и беспечные строчки, которые, может быть, потому и понадобились им сейчас, что напоминали о доме, о летнем лагере, о детстве, о юности, из которой они, в сущности, еще так недавно вышли.

Я был рад, что мог доставить им несколько минут отдыха, а они щедро вознаградили меня, навсегда оставив в моей памяти этот летний день во всей его неповторимой и простой значительности.

А заодно они подарили мне тему для нового рассказа в стихах - "Почта военная". Написать этот рассказ я обещал военным почтальонам, которые горько жаловались на то, что обо всех, дескать, писатели вспоминают - о летчиках, танкистах и саперах, о пехоте и об артиллерии - и только их, военных почтальонов, всегда забывают. А если и вспомнят, то чаще всего бранят, ведь всякую почту принято бранить.

Я покинул моих слушателей взволнованный и растроганный, мне казалось, что я провел этот день среди людей, с которыми не расставался с самого их детства. Они были все те же. Та же веселая серьезность, та же готовность щедро и горячо сочувствовать всему хорошему, человечному и стеной стоять за справедливость.

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕВЕЛ СТИХИ ДЖАННИ РОДАРИ?

Народная поэзия, источники которой питают поэзию литературную, создала множество колыбельных, игровых, потешных песенок для детей, бессчетное число стихов-заклинаний, обращенных к дождю ("Дождик, дождик, перестань!"), к огню ("Гори, горн ясно!.."), к божьей коровке ("Божья коровка, улети на небо!"), сотни и тысячи веселых и метких "дразнилок", скороговорок, перевертышей, считалок.

Эти двустишия и целые цепочки двустиший запоминаются нами с самого раннего детства. В них слышится высокий и чистый детский голос; в них заключено так много детской непосредственной радости и энергии. Они повелительны в своем обращении к стихиям, к миру.

Маяковский и наши лучшие из современных поэтов, пишущих для детей, приняли, как наследие, опыт народной поэзии, лубка, считалки, дразнилки.

Отрадно отметить, что ритмом народной детской песни проникнуты и стихи для детей в современной демократической поэзии Запада.

Таковы, например, стихи молодого итальянского поэта Джаннн (Джованни) Родари, хорошо знакомые юным читателям его страны. Многие стихотворения Родари написаны по просьбе, по заказу читателя-ребенка. Они находят доступ в каждый городской и деревенский дом, где живет юный читатель, и вместе с детьми их читают и повторяют нараспев взрослые.

Лаконичные, действенные, полные огня и задора строчки прославляют честный труд, свободу, мир. Серьезная и значительная тема сочетается в этих стихах с живым и своеобразным юмором. Они как нельзя более соответствуют детскому восприятию, детскому голосу. В них есть та причудливая игра, без которой немыслимы стихи, входящие в детский обиход. Почти каждое из стихотворений затейливо Задумано, полно неожиданностей.

В простых и немногословных стихах нашел свое правдивое отражение быт детей и взрослых из рабочих кварталов Италии, а по форме они так похожи на те песенки-считалки, которые твердят и распевают в своих играх итальянские дети.

Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джованни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болонья, Неаполя.

В некоторых из своих переводов я отошел от буквальной точности, стремясь передать самую сущность свежих н непосредственных стихов итальянского поэта. Но иначе, я думаю, и нельзя переводить свободные и причудливые, часто основанные на забавной рифме стихи для детей.

О ТЕХ, КТО ПИШЕТ НА ПОЛЯХ

Когда на собраниях или в печати идет разговор об успехах и неудачах нашей художественной литературы, о причинах этих успехов и неудач, редко и мало говорят об одном из самых деятельных и ответственных участников литературного дела - о редакторе.

А между тем редакторы издательств и периодических изданий - это селекционеры, которые изо дня в день, из года в год не слишком заметно, но существенно влияют на развитие литературы - влияют отбором, утверждением одних признаков и отрицанием других. Воздействие этих селекционеров на качество и направление нашего словесного искусства почти не учитывается. Правда, от времени до времени мы обсуждаем отчеты и планы издательств и журналов, но на этих довольно редких и ограниченных временем отчетных собраниях невозможно проследить деятельность отдельных редакторов, ту повседневную, будничную работу редакций, которая подчас не меньше отражается на судьбе писателей и всей литературы в целом, чем статьи наших критиков. Не всякую книгу критики замечают. А сколько стихов, рассказов и повестей не доходит до суда критики только потому, что их уже судил и осудил редактор. Спору нет, большинство неизданных произведений погибает по причине их нежизнеспособности. Но можно с уверенностью сказать, что немалая часть этих погребенных в издательствах страниц могла бы увидеть свет, если бы попала в более бережные и умелые руки. Редактор, которому доверена судьба книги и ее автора, должен быть способен метко и точно, а не приблизительно оценить достоинства и недочеты писательского труда, должен вовремя (и это особенно важно) заметить и поддержать молодой и смелый задор, который знаменует рождение нового таланта, почувствовать возможности, скрытые в еще несовершенном труде.

Для этого редактору надо быть не ниже автора по своему развитию, вкусу, знанию жизни.

Редакторами - в самом буквальном и лучшем смысле этого слова - были Пушкин, Некрасов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Короленко, Горький, Маяковский.

Не подлежит никакому сомнению, что и у нас есть литераторы, которые с честью продолжали и продолжают эту замечательную традицию.

Однако еще очень часто мы недооцениваем значение редакторской работы и узнаем имя того или иного редактора только тогда, когда обсуждаем какую-нибудь его ошибку. А между тем каждый из работников редакций, выпустивший в свет за своей подписью хотя бы несколько книг, заслуживает общественной оценки - положительной или отрицательной. Деятельность его не должна протекать в замкнутой, келейной обстановке.

Обычно редакции опираются в своей работе на так называемых "внутренних рецензентов".

Конечно, редактор не может быть энциклопедистом. Поэтому вполне естественно, если он направляет книгу, затрагивающую вопросы науки или техники, соответствующему специалисту.

Но такая экспертиза производится в редакциях не только по отношению к научным или техническим книгам. Стихи и художественная проза тоже посылаются на отзыв - и не одному, а иной раз двоим или даже троим рецензентам. В этом нет ничего дурного. Коллегиальное обсуждение рукописи может быть только полезно. Плохо только то, что эти "внутренние рецензии" часто бывают сырые, небрежные, необоснованные. Пишут их подчас менее обдуманно и ответственно, чем писали бы для печати.

При этом далеко не всегда рецензентами стихов или прозы являются подлинные ценители литературы - критики, поэты или беллетристы.

Но даже в лучшем случае, если оценка поручена настоящему специалисту, есть ли хоть какая-нибудь гарантия, что отзыв этот в самом деле поможет писателю?

Представьте себе, что стихи направлены на рецензию таким несхожим между собою поэтам, как А. Твардовский и С. Кирсанов или И. Сельвинский и М. Исаковский. Оценки их вряд ли сойдутся. Лежит ли истина где-то посередине между этими оценками? Вряд ли. Что же делать редактору и автору? Кому из рецензентов должны они поверить? А ведь бывают случаи, что рецензий на одну и ту же рукопись набирается чуть ли не до десятка и все они разноречивы. Как же быть?

Ответ один: "внутренние" рецензии пишутся не для автора, а для редактора, а у редактора должно быть собственное мнение, своя голова на плечах. Он может обсудить рукопись с людьми, мнением которых дорожит. Но одно дело - советоваться, чтобы проверить свое суждение. И совсем другое дело - подшивать к рукописи отзывы ради перестраховки.

Сколько-нибудь известные писатели редко страдают от такого рода рецензий. А вот для молодого литератора беглые, противоречивые и подчас невнятные отзывы рецензентов часто являются не помощью, а помехой.

Нередко автор получает из редакции свою рукопись, испещренную черточками, вопросительными и восклицательными знаками или весьма робкими, краткими и большей частью довольно неразборчивыми пометками на полях. Это голос застенчивого редактора, не рискующего выразить свои мысли громко и уверенно. А порой на тех же полях рукописи автор находит и более энергичные отклики на прочитанное: "Вздор!", "Чушь!", "Сумбур!", "Ералаш!", "Ой-ой!", "Ха-ха!"

Этакими критическими восклицаниями приветствует автора какой-нибудь собрат по перу, которому редакция поручила прочесть рукопись.

А ведь литератор, даже неизвестный, безусловно, заслуживает того же вежливого и уважительного отношения, что и всякий советский гражданин.

К тому же это веселое улюлюканье на полях рукописи - верный признак недостаточно серьезного и отнюдь не благожелательного отношения к труду товарища.

Рецензент, который берется судить будущую книгу, должен быть горячо заинтересован в ее судьбе, должен глубоко сознавать, что речь идет не только об участи рукописи (хотя и это совсем не малость!), но иной раз и обо всей дальнейшей работе писателя.

В консультанты следует брать людей не только основательно знающих свой предмет, но и хорошо понимающих задачи, стоящие перед каждым художественным жанром.

Пожалуй, консультанты-историки обнаружили бы не одну погрешность действительную или мнимую - в романе "Война и мир", если бы он был послан им "на предварительную рецензию".

Мы знаем, что писатели-беллетристы не считали в свое время Жюля Верна настоящим художником, а ученые не видели в его романах ни науки, ни техники. Интересно, какой отзыв дали бы они на "Путешествие к центру земли"?

Редакционная работа - один из самых сложных и ответственных видов литературной деятельности. Беречь все талантливое, что накоплено нашей литературой, и в то же время открывать дорогу новому, направлять работу автора, ничего ему не навязывая, но ставя перед ним значительные и увлекательные задачи, могут только люди литературно одаренные, с широким кругозором и подлинной идейностью.

Таким и должен быть советский редактор.

О ПОИСКАХ СВОЕОБРАЗИЯ

Чаще всего начинающих авторов упрекают в том, что они еще "не нашли себя", не проявили своей поэтической индивидуальности.

Это серьезное обвинение. Подлинная поэзия не бывает безличной. Поэт должен иметь свой собственный, отличный от других голос, свой характер, "лица необщее выраженье", как говорил Баратынский {1}.

Но можно ли побуждать человека к тому, чтобы он сознательно и намеренно искал своеобразия?

Я помню, как в предреволюционные годы молодые стихотворцы, старавшиеся быть как можно более модными, спорили между собой, подобно Бобчинскому и Добчинскому, о том, кто первый из них сказал "э", то есть кто первый ввел в обиход какое-нибудь словцо, рифму или размер. Они спешили взять патент на ту или иную едва уловимую манеру или на весьма ограниченный круг тем. Так, некий молодой поэт специализировался на иронически-лирических стихах о парикмахерских куклах с завитками на лбу и не позволял ни одному своему сопернику даже близко подходить к витринам с восковыми манекенами.

Но, несмотря на все ухищрения, большинство этих обладателей патентов на оригинальность в конце концов тонуло в толпе подобных им оригиналов и бесследно исчезало в реке забвения.

Чем богаче подлинная индивидуальность, тем труднее определять ее несколькими внешними чертами, тем меньше поддается она подражанию, пародии, карикатуре.

Подметить характерные черты Кольцова куда легче, чем охватить поэтическую индивидуальность Пушкина.

Личность поэта складывается не сразу. И ничего зазорного нет в том, что в процессе своего развития молодой поэт поддается воздействию и даже прямому влиянию предшественников и современников - отечественных и зарубежных. Ведь это и есть питание, усвоение культуры.

Разумеется, речь здесь идет не о холодном и расчетливом заимствовании чужих образов, ритмов, рифм. Искреннее, глубокое увлечение мастерством поэтов-учителей не может не сказаться на работах учеников. Но в то же время оно постепенно и незаметно способствует возникновению новой, вполне оригинальной манеры письма.

Руководитель литературного кружка должен отличать признаки благородного ученичества от рабского подражания и механического заимствования в стихах или прозе молодого автора.

Кстати, такое заимствование обычно само выдает себя очевидным несоответствием содержания и стиля. К тому же, перенимая стихотворный ритм, подражатель обычно, сам того не сознавая, вырывает из текста то или иное слово или несколько слов чужого лексикона, ибо ритм запоминается чаще всего не отвлеченно, а вместе с текстом, с которым он связан.

От начинающего автора нельзя и не нужно требовать нарочитого и намеренного своеобразия. Но, однако, руководитель может и должен указать ему на те его строки или страницы, где он впадает в штамп, в шаблон. Только не надо при этом пугать его жупелом банальности, ибо это чаще всего ведет к тому, что у автора тормоза становятся сильнее двигателей, и он начинает бояться простоты.

"Словечка в простоте не скажет - все с ужимкой" {2}.

Говоря о "штампах", надо объяснить начинающему, что, банальность почти всегда знаменует отсутствие мысли, чувства, наблюдения.

О чем бы вы ни писали - о родине, о герое, о любви или о природе, - вы неизбежно повторите то, что говорили по этому поводу многие другие, если будете писать без мысли, без страсти, без материала, без своего отношения к предмету.

Надо научиться смело думать и сильно чувствовать. Только этим путем и возможно избежать "штампов" - общих мест.

ОБРАЗ ГОРОДА

Можно без преувеличения сказать, что прекрасный город над Невой создали не только Петр Первый и его сподвижники, не только замечательные архитекторы и оставшиеся безымянными строители-рабочие, но и Пушкин, Гоголь, Достоевский, Некрасов, Александр Блок.

Вряд ли светилась бы так ярко Адмиралтейская игла, если бы ее не озарил блеском своих стихов Пушкин. А какое величие и какую энергию придали пушкинские строфы вдохновенному, полному движения памятнику на Сенатской площади!

Набережные и улицы, по которым ночью скакал Медный всадник и гнался за богатыми санями призрак бедною чиновника Башмачкина, Невский проспект, навсегда неразлучный с "Петербургскими повестями" Гоголя, стали в равной степени достоянием нашей истории и нашей поэзии.

И совсем другой город - иного времени - встает перед нами в стихах Некрасова.

Огни зажигались вечерние,

Выл ветер и дождик мочил,

Когда из Полтавской губернии

Я в город столичный входил {1}.

Это - тот Питер, где толкутся перед тяжелой дубовой дверью парадного подъезда ходоки, пришедшие из деревни за правдой, где на Сенной площади бьют кнутом крестьянку молодую; это - город промышленных хищников, акционеров и биржевых маклеров, типографских наборщиков, извозчиков, рассыльных, город балетных феерий и военных парадов... Не тех блистательных и стройных парадов, которые пленяют нас в стихах Пушкина:

Люблю воинственную живость

Потешных Марсовых полей,

Пехотных ратей и коней

Однообразную красивость,

В их стройно зыблемом строю

Лоскутья сих знамен победных,

Сиянье шапок этих медных,

Насквозь простреленных в бою {2}.

У Некрасова не сияют медные шапки, "кивера не блестят". Парад происходит у него при самой ненастной, промозглой питерской погоде:

На солдатах едва ли что сухо,

С лиц бегут дождевые струи,

Артиллерия тяжко и глухо

Подвигает орудья свои {3}.

Да и Пушкин, создавая образ северной столицы, видел не только ее блеск и стройность. Он писал:

Город пышный, город бедный,

Дух неволи, стройный вид,

Свод небес зелено-бледный,

Скука, холод и гранит... {4}

Эта двойственность образа проходит через всю дореволюционную поэзию.

В памяти старших поколений еще живет Петербург - Петроград Александра Блока:

Вновь оснеженные колонны,

Елагин мост и два огня.

И голос женщины влюбленной.

И хруст песка и храп коня... {5}

А рядом с этим поэтическим Петербургом возникает суровый образ военного Петрограда четырнадцатого года, уже овеянный предчувствием надвигающейся бури.

Петроградское небо мутилось дождем,

На войну уходил эшелон.

Без конца - взвод за взводом и штык за штыком

Наполнял за вагоном вагон {6}.

От этих стихов идет уже прямая тропа к завьюженным переулкам "Двенадцати", к тем настороженным, опустелым улицам, по которым шагает в поисках притаившегося врага патруль:

Революцьонный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг! {7}

Со всей силой, на какую способен подлинный поэт революции, запечатлел в своих четких, резких, как пулеметная очередь, строчках живую хронику Петрограда семнадцатого года Владимир Маяковский:

И снова

ветер,

свежий, крепкий,

валы

революции

поднял в пене.

Литейный

залили

блузы и кепки.

"Ленин с нами!

Да здравствует Ленин!" {8}

В краткой и беглой статье невозможно, конечно, охватить все то, что внесла в наше представление о Питере - Ленинграде современная поэзия. Ленинграду-строителю и Ленинграду-воину посвящали стихи все наши лучшие советские поэты, свидетели и участники его титанического мирного труда, его беспримерного боевого подвига.

Этот строгий и величавый город, дышащий морем, город труда, искусства, науки, навсегда останется славой нашей страны и неиссякающим источником вдохновения для поэтов.

РОБЕРТУ БЕРНСУ 200 ЛЕТ

Минуло двести лет со дня рождения Бернса, но многие из его строк звучат так, будто написаны в наше время.

О мире и братстве между народами говорил он и в торжественных стихах:

Пусть золотой настанет век

И рабство в бездну канет,

И человеку человек

Навеки братом станет {1},

и в стихах шутливых, полных здорового народного юмора:

Я славлю мира торжество,

Довольство и достаток.

Создать приятней одного,

Чем истребить десяток! {2}

У нас в стране Бернс обрел как бы вторую родину. Переводить его начали более ста лет тому назад.

Томик его стихов лежал на столе у величайшего нашего поэта - Пушкина и до сих пор хранится в пушкинской квартире-музее. Четыре строчки из стихотворения Бернса, послужившие эпиграфом к "Абидосской невесте" Байрона, перевел другой великий русский поэт - Лермонтов.

Известно, что поэт Некрасов, не знавший языка, на котором писал Бернс, просил Тургенева сделать для него подстрочный перевод песен шотландского барда, чтобы дать ему возможность перевести их стихами.

И все же первым переводчиком, по-настоящему познакомившим русского читателя с Бернсом, надо считать поэта-подвижника, сосланного царским правительством в Сибирь на каторгу, - М. Л. Михайлова.

Это он впервые подарил своим соотечественникам переводы таких знаменитых стихов, как "Джон Ячменное Зерно", "Полевой мыши", "Горной маргаритке", "Джон Андерсон" и др.

И все же только после революции поэзия великого шотландца была оценена по достоинству в нашей стране. Его стали переводить не только на русский, но и на языки многих народов Советского Союза.

Немало стихов Бернса положено на музыку нашими лучшими композиторами Шостаковичем, Свиридовым, Кабалевским, Хренниковым {3}.

Гравюры к его "Балладам и песням" сделаны таким замечательным русским художником, как В. А. Фаворский {4}.

Я счастлив, что на мою долю выпала честь дать моим современникам и соотечественникам наиболее полное собрание переводов из Бернса. Более двадцати лет посвятил я этому труду и до сих пор еще считаю свою задачу незавершенной.

Русский читатель знает и любит "Тэма О'Шентера" и "Веселых нищих", "Двух собак" и множество лирических стихотворений, послании и эпиграмм, однако все это еще не исчерпывает сокровищницы, оставленной миру Робертом Бернсом.

Много чудесных часов и дней провел я за этой работой, но побывать на родине великого поэта Шотландии довелось мне только недавно - всего три года тому назад.

Я увидел крытый соломой дом, где он родился, поля, по которым он ходил за плугом, полноводную реку Нит, на зеленом берегу которой сочинял он своего бессмертного "Тэма О'Шентера".

Побывал я и в гостинице "Глоб" в Дамфризе, где на стекле поэт вырезал алмазом только что сочиненные им стихи, и в таверне - "Пузи Нэнси", где пили и пели когдато "Веселые нищие".

Возлагая венок у подножия памятника в городе Эйр, я смотрел на статую, изображающую стройного молодого человека со сложенными на груди руками, и думал о том, как много потрудились эти руки при жизни.

Мне приходили на память строки, посвященные Берисом своему собрату по поэзии Фергюссону, погибшему от нужды и лишений в ранней молодости:

Зачем певец, лишенный в жизни места,

Так чувствует всю прелесть этой жизни?

А на другой день, выступая на большом собрании в память великого барда, я сказал, что, может быть, никогда бы не попал в Шотландию, если бы меня не привели туда тропинки, идущие через поэзию Бернса.

И когда я высказал пожелание, чтобы народы ходили друг к другу такими тропинками, а не дорогами войны, весь многолюдный зал отозвался дружными аплодисментами, а лорд-мэр города Глазго, облаченный в горностаевую мантию, поднялся с места и сказал, обращаясь ко всем, кто был в зале:

- Как говорила моя старая бабушка, - пусть слова эти будут для вас уроком!

Продолжая мысль этой умной старушки, я сказал бы: пусть стихи Бернса, щедрые, скромные и великодушные, послужат уроком молодым поколениям всего мира!

"БЕССМЕРТНОЙ ПАМЯТИ"

К 200-летию со дня рождения Роберта Бернса

Мы чтим великих поэтов минувших веков - Шекспира, Гете, Пушкина - не потому, что они были когда-то признаны гениями и навсегда зачислены в разряд классиков, а потому, что эти поэты до сих пор находят живой отклик в душах людей.

Можно сказать, что они держат экзамен у каждого нового поколения и блестяще

выдерживают эти испытания. Иначе бы их сдали в архив или, в лучшем случае, в музей.

Из поэтов прошлого нам в первую очередь нужны те, что в свое время были поэтами будущего. Они оказываются нашими современниками и деятельно участвуют в жизни, несмотря на то, что кости их давно истлели в земле.

Каждая эпоха ищет и находит в прошлом своих любимцев, своих избранников, родственных ей по духу.

Сегодня во весь рост встает перед нами фигура великого барда Шотландии - смелого, веселого и жизнелюбивого Роберта Бернса, неугомонного Робина, голосом которого впервые заговорил простой народ его страны.

Читая стихи Бернса, удивляешься, как могли загрубелые руки землепашца создать все эти непревзойденные по изяществу и тонкости песни, баллады, послания, эпиграммы. И еще удивительнее то, что тяжелый, подчас непосильный труд и постоянная нужда в самом насущном не заглушили в поэте бьющей ключом веселости, веры в человека и в будущее его счастье.

Ведь, в сущности, о себе, о своей судьбе говорит он в скорбных строчках, посвященных Роберту Фергюссону, поэту, тоже писавшему на шотландском диалекте и погибшему от нищеты и голода в ранней молодости.

Бернс на свои скудные средства соорудил ему памятник, а под его портретом написал:

Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,

Дал с голоду поэту умереть. О

старший брат мой по судьбе суровой,

Намного старший по служенью музам,

Я горько плачу, вспомнив твой удел.

Зачем певец, лишенный в жизни места,

Так чувствует всю прелесть этой жизни? {1}

Но наперерез и наперекор этим полным слез и гнева стихам несутся задорные, проникнутые отвагой и силой строчки, написанные тою же рукой:

Мы с горем

Поспорим.

Нам старость - нипочем!

Да и нужда

Нам не беда.

И с ней мы проживем {2}.

Или:

У которых есть, что есть, - те подчас не могут есть,

А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть,

Значит, нам благодарить остается небо! {3}

Кажется, ни один поэт, которого судьба наделила богатством и славой, не знал такой радости, как Бернс. Он никогда не жалуется на судьбу, а бросает ей гордый

вызов.

Не плут, не мошенник,

Не нажил я денег.

Свой хлеб добываю я сам, брат.

Немного я трачу,

Нисколько не прячу,

Но пенса не должен чертям, брат!.. {4}

Поэт знает, что ничего по-настоящему ценного нельзя купить за деньги ни любви, ни дружбы, ни вдохновенья. Он не раз повторяет в различных вариантах дорогую ему мысль:

У нас любовь - любви цена! {5}

А в песне о любимой девушке он говорит:

Она не прекрасна, но многих милей.

Я знаю, приданого мало за ней,

Но я полюбил ее с первого дня

За то, что она полюбила меня! {6}

Немногие народы так ценят и любят поэтов, как шотландцы своего Роби Бернса. Он стал для них как бы символом единства нации, выразителем дум и чаяний простых людей страны.

Когда несколько лет тому назад мне довелось объехать города, городки и деревни, связанные с биографией поэта, меня наперебой угощали чтением его стихов и целых поэм люди самых различных званий, положений, возрастов пожилой шахтер и старый рыбак, странствующий агент компании швейных машин и молодая девушка, так похожая на Highland Mary - строгую и скромную горянку Мэри, как ее изображают художники.

Бернс - поэт народный в самом подлинном и глубоком значении этого слова. В его стихах живет и дышит сама природа Шотландии

Скалистые горы, где спят облака,

Где в юности равней резвится река,

Где в поисках корма сквозь вереск густой

Птенцов перепелка ведет за собой {7}.

В поэмах, проникнутых метким и крепким народным юмором, в "Тэме О'Шентере" и "Веселых нищих", в песнях о ткачах и пахарях шотландцы узнают себя и своих земляков, смеются их шуткам и повторяют вслед за бродячим поэтом бушующие буйным задором строфы из "Веселых нищих":

Вам, милорд, в своей коляске

Нас в пути не обогнать,

И такой не знает ласки

Ваша брачная кровать,

Жизнь - в движенье бесконечном:

Радость - горе, тьма и свет.

Репутации беречь нам

Не приходится - их нет!

Роберт Бернс неотделим от Шотландии, от ее земли и народа. Но кругозор этого национального поэта не был ограничен пределами родной страны.

Бернс, никогда не выезжавший из Шотландии не то что заграницу, но даже в Англию, говорит в одной из своих поэм о путешествии некоего лорда по Испании, Италии, Германии. И говорит он о чужих странах не менее уверенно и метко, чем Байрон, так много постранствовавший на своем веку.

Однако существенное его отличие от Байрона заключается хотя бы в том, что, изображая увеселительную поездку великосветского бездельника по Испании, он не теряет своей, крестьянской, точки зрения. Он пишет про путешествующего лорда так:

Заглянет по пути в Мадрид,

И на гитаре побренчит,

Да полюбуется картиной

Боев испанцев со скотиной {8}.

Описывая бой тореадоров и матадоров с разъяренным быком, никто из поэтов высшего круга не назвал бы это могучее животное так запросто и по-деревенски "скотиной".

Бернс иной раз пугал критиков своего времени непривычной для их слуха простонародностью выражений, но при желании он умел быть не менее изысканным и галантным, чем его светские собратья по перу. Сам он пишет о себе:

Как важная знать,

Не могу я скакать,

По моде обутый, верхом, брат.

Но в светском кругу

Я держаться могу

И в грязь не ударю лицом, брат {9}.

В былое время о Бернсе не раз говорили и писали, как о стихотворце-самоучке. Правда, он, как и наш Горький, не окончил ни одной школы, но за короткую жизнь он добросовестно прошел свои житейские "университеты", отлично разбирался в политике, имел представление о мировой истории, читал Вергилия {10} и французских поэтов, а в области английской поэзии и родного фольклора был настоящим знатоком.

Природный ум, поэтическая интуиция и широкая начитанность вместе с богатым жизненным опытом - все это позволило ему стать на голову выше своей среды и так далеко заглянуть в будущее, чтобы спустя полтора с лишним столетия иметь право считаться нашим современником.

Разве не вполне современны его шутливые я вместе с тем очень серьезные, доходящие до сердца любого простого человека строчки о войне:

Прикрытый лаврами разбой,

И сухопутный и морской,

Не стоит славословья.

Готов я кровь отдать свою

В том жизнетворческом бою,

Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество,

Довольство и достаток.

Создать приятней одного,

Чем истребить десяток! {11}

Как стихи нашего современника, написанные не далее чем вчера, читали мы во время последней войны маленькую лирическую балладу:

Где-то девушка жила.

Что за девушка была!

И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось

И любить друг друга врозь,

Потому что началась война... {12}

И уже музыкой не вчерашнего, а самого сегодняшнего и даже завтрашнего дня звучат сейчас его пророческие слова, призывающие разумные существа на земле к братству и миру.

Забудут рабство и нужду

Народы и края, брат,

И будут люди жить в ладу,

Как дружная семья, брат! {13}

Читая и перечитывая эти написанные в восемнадцатом веке стихи и поэмы, понимаешь, почему шотландцы, провозглашая тост в память своего любимого национального поэта, даже не упоминают лишний раз его имени, а говорят коротко и просто:

- Бессмертной памяти!

- To the Immortal Memory!

И всем присутствующим понятно, что речь идет о Бернсе, о чудесном поэте, который оставил миру такое четкое и властное завещание:

Настанет день, и час пробьет,

Когда уму и чести

На всей земле придет черед

Стоять на первом месте! {14}

ПОЧЕРК ВЕКА, ПОЧЕРК ПОКОЛЕНИЯ

Подвиг тех, кто за несколько десятилетий перевел на родной язык целую библиотеку классической и современной литературы, лучшие образцы величавого народного эпоса и тончайшей лирики, по достоинству оценен читателями.

Еще больше должны ценить его мы, литераторы. Те из нас, чьи книги переведены на другие языки, знают, как редко выпадает на долю автора счастье увидеть свои стихи или прозу в переводах, сделанных рукою настоящего художника, а не ремесленника литературного цеха.

Только такие переводы по праву входят в золотой фонд поэзии, а не остаются мертвыми душами в библиографических списках.

Великая русская литература сохранила и усыновила немало вдохновенных переводов различных времен. Вспомним "Илиаду" Гнедича {1}, "Одиссею" Жуковского {2}, "Горные вершины" и "На севере диком" Лермонтова {3}, Коринфскую невесту и "Бога и баядеру" Алексея Константиновича Толстого {4}, "Не бил барабан перед смутным полком" И. Козлова {5}, "Во Францию два гренадера" М. Михайлова {6}, "Песнь о Гайавате" Ивана Бунина... {7}

Разве не стали русскими стихами полные лиризма и юмора песни Беранже Курочкина: {8}

Как яблочко румян,

Одет весьма беспечно,

Не то, чтоб очень пьян

А весел бесконечно... {9}

или знаменитые стихи ирландца Томаса Мура в переводе И. Козлова:

Вечерний звон, вечерний звон!

Как много дум наводит он...

Правда, речь здесь идет о поэтах, занимавшихся не только переводами. Но ведь именно в переводах проявилось особенно сильно и ярко дарование В. Курочкина и М. Михайлова.

Впрочем, история литературы знает и поэтов, прославившихся исключительно переводами. Таковы, например, переводчики Омара Хайяма англичанин Эдуард Фицджеральд {10} и русский Иван Тхоржевский {11}, или известный ученый Л. В. Блуменау {12}, который посвятил много лет жизни русскому переводу "Греческих эпиграмм". (Эта книга превосходных, поражающих своей остротой и лаконичностью переводов была издана в 1935 году благодаря стараниям я заботам Алексея Максимовича Горького и с тех пор, к сожалению, не переиздавалась {13}.)

Организуя в первые годы революции беспримерное по размаху издательство "Всемирная литература", Горький всячески заботился о том, чтобы переводы стали важной и неотъемлемой областью нашей большой литературы.

Можно с полным правом сказать, что поэты и прозаики, занимающиеся у нас переводом художественной литературы, в значительной степени оправдали надежды и ожидания Горького.

Настоящим искусством, кровно и неразрывно связанным со всей нашей литературой, являются переводы К. Чуковского, М. Лозинского, М. Исаковского, Н. Заболоцкого, М. Рыльского, М. Бажана, П. Антокольского, Л. Мартынова, В. Левика, В. Державина, В. Рождественского, Н. Любимова, М. Зенкевича, Л. Пеньковского, С. Липкина, И. Кашкина, Н. Волжиной, М. Лорие, Евг. Калашниковой, О. Холмской, В. Марковой, А. Адалис, В. Потаповой, В. Звягинцевой, М. Петровых, Аре. Тарковского, Л. Гинзбурга, Е. Благининой, Н. Гребнева, Т. Спендиаровой... Но перечислить все имена выдающихся мастеров художественного перевода, к сожалению или к счастью, невозможно.

И все же нам могут возразить, что далеко не все переводчики прозы и поэзии имеют право называться полноценными писателями, что есть среди них и весьма посредственные мастера и подмастерья переводного искусства, коих и следует, дескать, выделить в особую категорию.

Но ведь не собираемся же мы создавать особые объединения или союзы посредственных поэтов и прозаиков, которых тоже немало среди литераторов.

Каждый трудится в меру своих сил и таланта. Нередко писатель, не суливший нам до сих пор ничего значительного, нежданно-негаданно радует нас превосходными

страницами, и, напротив, недавний призер может глубоко разочаровать своих читателей. То же относится и к переводчикам.

Но будем говорить о переводчиках-художниках, богато или скромно одаренных талантом, а не о простых перелагателях чужих мыслей, чувств и наблюдений.

Ведь стоит - сознательно или бессознательно - подменить одно понятие другим, чтобы окончательно и бесповоротно запутать вопрос или придать ему ложное направление.

Переводя "Гайавату", Бунин отнюдь не занимался механическим переложением поэмы Генри Лонгфелло, простой заменой английских слов и предложений русскими. Он внес в свой труд присущее ему тонкое и свежее "бунинское" - чувство природы, поэтическое видение мира и то богатство образов, красок и звуков, которое заключено в самом русском словаре.

Оттого-то русский "Гайавата" оказался ничуть не слабее английского. Я бы не побоялся сказать больше: русский перевод этой поэмы, при всей его близости к оригиналу, живет своей жизнью и подчас лучше и непосредственнее передает благоуханную прелесть и причудливость народного сказания, чем английский подлинник.

Переводчик поэтических творений неизбежно окажется механическим перелагателем, если для него мысли, чувства, воля переводимого поэта не станут живыми и своими. К такому переложению остается равнодушен и читатель.

Но дело не только в том, чтобы заново глубоко и по-своему пережить то, что переводишь.

Одного этого мало.

Поэт-переводчик (стихотворец или прозаик) не может и не должен быть глух к голосу своего времени. Недаром каждая эпоха переводит наиболее близких и созвучных ей писателей. Одно поколение выбирает Байрона, другое Эдгара По {14}, Бодлера {15}, Метерлинка, третье - Уитмена, Роберта Бернса, Петефи.

Переводчик не стоит вне идеологической борьбы и не освобождается от идеологической ответственности.

Мы знаем, как сильно отличался первый перевод "Коммунистического манифеста", сделанный Бакуниным, от перевода Плеханова и какие значительные, глубоко принципиальные поправки вносил Ленин в плехановский перевод {См.: И. И. Прейс, "Манифест Коммунистической партии" в русских переводах". "Вестник Академии наук СССР", э 2, 1948. (Прим. автора.)}.

Переводя Бернса, В. Костомаров {16} и некоторые другие дореволюционные стихотворцы превращали этого бунтующего поэта в мирного и благочестивого поселянина, певца идиллической "Скоттии":

Но стол накрыт, и уж паррич здоровый,

Родное блюдо Скоттии, их ждет.

И сливки, дань единственной коровы,

Что, чай, траву в хлеву теперь жует...

Нельзя перекрашивать писателя другой эпохи в цвет своего времени - это было бы фальсификацией, подделкой. Однако художественный перевод - не нотариальный. Он не бесстрастен. Внимательный глаз читателя и критика всегда уловит в нем почерк века, почерк поколения, индивидуальный почерк поэта-переводчика.

И глубоко заблуждаются те, кто считает, что переводчику стихов и прозы нужны всего только письменный стол с креслом, самопишущая ручка, знание языка, с которого он переводит (или хороший подстрочник), да еще некоторая степень формального мастерства.

Нет, ему нужны также - и прежде всего! - тесное общение с людьми, с народом,

знание жизни и живого современного языка, богатый опыт чувств. Без всего этого переводимые стихи и проза будут также бескровны и мертвы, как и оригинальные произведения, созданные людьми, заслонившимися от жизни шорами и шторами.

ВЫСОКАЯ ТРИБУНА

В эти дни, когда происходит далеко не заурядное на "улице младшего сына" событие - пленум трех правлений Союза писателей, посвященный детской литературе, мне хотелось бы высказать несколько мыслей о нашем общем деле.

Книга для детей, о которой в разные времена думали и заботились крупнейшие писатели века - такие, как Лев Толстой и Горький, - заняла видное и ответственное место в нашей большой литературе. Она давно перестала зависеть от вкусов и коммерческих целей частных издательств, среди которых лишь очень немногие ставили перед собой воспитательные задачи.

Партия и Советское правительство не только создали небывалое по масштабу государственное издательство детской книги, но и дали нам - после введения в стране всеобщей грамотности - великое множество читателей.

Детские книги выходят в баснословных тиражах.

И вот когда я смотрю на шестизначные и семизначные числа тиражей, обозначенные таким скромным, мелким шрифтом на оборотной стороне обложек, я и в самом деле вижу перед собой это море детских голов и думаю: на какую же высокую трибуну поднимаемся мы каждый раз, выступая перед сотнями тысяч и даже миллионами ребят нашей страны!

Перед тем как взобраться на такую трибуну, надо серьезно подумать, с чем же мы идем к нашим многочисленным читателям, какими мыслями, чувствами, знаниями, наблюдениями можем с ними поделиться; есть ли у нас для них какая-нибудь счастливая находка - интересный, сюжетный, целеустремленный рассказ, в котором идея, мораль не вылезают наружу, как пружины из старого матраца, а заложены достаточно глубоко; или, может быть, мы припасли для них полновесные строчки стихов, не изготовленных холодным способом, а продиктованных настоящим поэтическим чувством и потому запоминающихся надолго; или, наконец, мы хотим порадовать ребят доброй шуткой - веселой и причудливой историей, которая тоже нужна им для питания и здорового роста.

У нас есть несомненные успехи, заметные удачи и в художественной и в познавательной книге (а в детской литературе эти два понятия почти совпадают). Есть писатели, заслужившие прочную любовь детей всей нашей страны. Но что греха таить! - среди авторов детских книжек встречаются еще люди, которые смотрят на работу в этой области как на отхожий промысел, этакие "холостые" (конечно, не в буквальном смысле) дяденьки и тетеньки, которым, в сущности, нет никакого дела до ребенка с его сложным и не слишком доступным для взрослых внутренним миром.

Пора осознать, что книжка, которая учит детей говорить, чувствовать, мыслить, не может быть равнодушной и бесцветной, что браться за нее имеет право только тот, кого Белинский называл "детским праздником" , то есть человек, чья душа открыта детям и кому ребенок охотно открывает свою душу.

Нашей детской литературе часто не хватает поэтического воображения, затейливой выдумки, которою отмечены, скажем, повести и рассказы Аркадия Гайдара и Джанни Родари. А можно ли представить себе детского писателя, лишенного фантазии, да еще в то время, когда действительность открывает беспредельные возможности для смелой романтической повести и не менее смелой сказки.

Без поэтического воображения невозможно говорить с детьми о делах и событиях такой эпохи, когда вся наша страна, даже улица, на которой мы живем, преображается у нас на глазах не по дням, а по часам, когда Земля вступила в общение с космосом, разглядела скрытую от нас сторону Луны, послала Солнцу нового спутника, а на самой Земле идет борьба между старым миром и новым, между дряхлым, жадным Кощеем и молодым богатырем, у которого силы прибывают с каждым часом.

Какое широкий кругозор должен быть у писателя, который берется за современную тему. И вместе с тем как нужен ему богатый жизненный материал!

Если в иных наших повестях и рассказах слабо развит или даже совсем не найден сюжет, способный увлечь юного читателя, то это чаще всего объясняется нехваткой живых и метких наблюдений у автора. Ведь на оригинальный и увлекательный сюжет можно набрести только тогда, когда из множества наблюдений отберешь наиболее примечательные и ценные.

Правда, ребенка и подростка может подчас прельстить и самая легковесная интрига, для которой автору не нужно ни живого воображения, ни подлинного материала.

Это похоже на известный опыт в лаборатории Павлова, где животных, привыкших получать пищу по сигналу - звуковому или световому, - перестают после сигнала кормить, а у них все еще "слюнки текут" и происходит отделение желудочного сока, едва только послышится звонок иди вспыхнет свет.

Таково же воздействие книжек, соблазняющих ребят одной только голой фабулой, приманкой легко придуманных приключений. Это - тот же звонок без питания.

К сожалению, подобные повести и романы у нас еще иногда издаются и пользуются большим спросом.

Детская книга нуждается в двойной проверке: ее должен оценить не только ребенок или подросток, но и требовательный, обладающий хорошим вкусом и слухом взрослый человек.

Если книга нравится только взрослым, - значит, она направлена не по адресу.

Если же она имеет успех только у детей, это отнюдь не гарантирует ее идейного и художественного качества.

Ведь вот прислушайтесь к игровым "считалкам", широко распространенным среди ребят.

Например:

Вышел месяц из тумана,

Вынул ножик из кармана.

Буду резать, буду бить.

Все равно тебе ловить.

Или:

Пришла курица в аптеку

И сказала: кукареку.

Дайте пудры и духов

Для приманки петухов.

Эти озорные, порочные по своему содержанию стишки имеют успех именно потому, что они озорные, неожиданные. А еще потому, что детская литература не удосужилась или не сумела противопоставить им другие считалки - не менее забавные и лихие, но без хулиганских мотивов и без пошлой "приманки петухов".

Сорняки буйно разрастаются там, где культурные растения слишком слабы, изнежены и в то же время лишены настоящей заботы.

Пресные, хилые, чрезмерно назидательные и благонамеренные стихи для детей всегда уступят дорогу грубым и наглым сорнякам.

Казалось бы, детская литература, рассчитанная на самого жизнерадостного читателя (или слушателя), должна искриться самым непосредственным, счастливым юмором.

Между тем детских писателей, умеющих весело смеяться или хотя бы улыбаться, не

так уж много.

К сожалению, у меня нет сейчас возможности заняться оценкой отдельных книг.

Я мог бы сказать много добрых слов по адресу целой плеяды детских писателей - старых и молодых. Но думаю, что гораздо важнее разговоре наших нуждах и пробелах.

Сейчас вся страна занята решением серьезной задачи - проведением в жизнь идеи трудового воспитания.

Разумеется, и детская литература не может пройти мимо этого жизненно важного вопроса или отделаться торопливым изготовлением примитивно нравоучительных книжек, моральных прописей.

По-настоящему ведет за собой та книга, из которой читатель делает выводы сам. Только такая книга влияет на его поведение.

Надо писать о труде как можно менее назидательно, как можно более увлекательно. Труд может и не быть единственной и даже главной темой книги. Повесть, рассказ, стихи теряют силу своего воздействия, если становятся программными. Но там, где автор говорит с детьми о труде, он должен увидеть в нем столько же интересного и заманчивого, сколько читатель находит в книгах о далеких путешествиях или о полетах в космос.

И это вполне достижимо.

Кстати, и космические полеты требуют, как известно, огромного труда множества людей.

О работе ученых, изобретателей, авиаконструкторов у нас написано немало книг для детей. Есть среди них однодневки, есть и книги, которые, несомненно, проживут долго.

Но, пожалуй, ничуть не легче, а может быть, даже труднее, писать о той работе, которая повседневно и повсечасно идет на наших улицах и дорогах, на полях, заводах и в шахтах, - о труде земледельцев, строителей, шахтеров, Электриков, металлистов, сталеваров, нефтяников, ткачей.

Вспомним, как искусно, по-лесковски рассказал об удалом и тонком мастерстве русского плотника Борис Житков.

С полным, почти профессиональным знанием дела и с уважением к его мастерству написан рассказ Александра Твардовского "Печники".

Это не производственный очерк, а настоящий рассказ с живыми человеческими характерами.

Но каждый, кто прочтет его, не только подивится хитрому и ловкому искусству старого мастера печного дела, но и поймет, что у любого мастерства есть свои строгие законы, порядок и уклад, своя сноровка.

В наше время, несмотря на широкое распространение автоматизации, труд квалифицированных рабочих-мастеров становится все более сложным, умным, творческим.

И разве не интересно было бы рассказать в книгах для подростков о слесарях-инструментальщиках, которые даже на крупнейших заводах насчитываются единицами, о наладчиках сложнейших автоматических линий, об искусных стеклодувах и кварцедувах, о модельщиках обуви, кожевенных изделий, об электромеханиках и радиомеханиках, разрабатывающих опытные образцы тончайших приборов.

Слово "штамп" в художественной литературе стало презрительным, даже бранным словом.

Но совсем по-иному относятся к штампу в технике.

От хорошо сделанных штампов зависит подготовка массового производства новых

сложных изделий, например, электронно-лучевых трубок для современного телевизора, всевозможных деталей из пластмасс и многого другого.

Для того, чтобы изготовить такой штамп, мастер должен приложить к делу весь свой опыт, изобретательность, сноровку.

Я думаю, что Детгиз мог бы затеять целую библиотечку рассказов и очерков, которые сумели бы заинтересовать ребят, готовящихся к трудовой жизни, работой не одних только инженеров, но и тех мастеров, без которых самые талантливые инженеры не могли бы создать первые образцы приборов новейшей техники.

В этом предложении есть только одна опасность: в литературе "серийность" ведет иной раз к тому, что некоторые из книг, входящих в серию, оказываются слабее других и носят печать не вдохновенья, а "штампа" (прошу прощения за то, что я опять употребляю это слово без должного уважения).

Впрочем, редакция может предотвратить эту опасность, позаботившись о том, чтобы все книги такой библиотечки делались руками надежных, одаренных и знающих людей.

Детские книги о науке и технике возникают у нас довольно случайно. Для этого нужно, чтобы автор предложил издательству свою работу или чтобы издательство по собственной инициативе заказало ему книгу на какую-нибудь тему, являющуюся злобой дня.

А ведь познавательную литературу для детей и юношества гораздо легче планировать, чем повести, рассказы, стихи.

С помощью талантливых и достаточно авторитетных ученых и техников издательство может заранее - перед составлением плана - придумать темы, интересные не только для читателей, но и для авторов книг. Мы знаем, что хорошая тема - это настоящее изобретение, это иной раз ядро будущей книги. Вспомните, что значили для Гоголя темы "Мертвых душ" и "Ревизора", которые дал ему Пушкин.

Но, конечно, писателя могут увлечь, наряду с замыслами, которые приходят в голову ему самому, только близкие его дарованию и талантливо придуманные темы.

Когда по просьбе Горького я и мои товарищи по работе составляли проект плана будущих детских книг, нашей работе очень помогли ленинградские ученые, подсказавшие нам несколько интересных и оригинальных тем. Помню одну из них, предложенную весьма почтенным профессором-физиком: "Для чего ничего?" (о значении вакуума в науке).

Детская литература не может и не должна быть делом одних только детских писателей и Детгиза. Слишком большое и ответственное это дело, чтобы о нем заботился сравнительно узкий круг людей.

К заботам о книге, имеющей огромное влияние на характеры и судьбы наших наследников, должны быть привлечены лучшие писатели, талантливейшие инженеры и ученые, самые одаренные из педагогов.

Для осуществления широкой программы детского чтения, основы которой заложил когда-то Горький, найдется много дела и для детских писателей, и для так называемых писателей "взрослых", и для художников, и для людей науки.

Детская литература должна и в самом деле стать "большой литературой для маленьких".

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения нашего выдающегося художника - блестящего графика и превосходного живописца - Владимира Васильевича Лебедева.

Я уверен, что вместе со мною его сердечно поздравят и пожелают ему долгих лет счастливого труда и те поколения, которым его рисунки прививали с детских лет любовь к искусству, благородный вкус и способность остро видеть действительность.

Многим обязана ему и наша литература, ибо немало времени, сил, любви и таланта

вложил он в советскую книгу.

Мне довелось работать с ним в той области, где рисунок ближе всего соприкасается со словом - в книге для детей. Такое длительное содружество художника и писателя - явление довольно необычное {1}.

В. В. Лебедев никогда не был ни иллюстратором, ни украшателем книг. Наряду с литератором - поэтом или прозаиком - он может с полным правом и основанием считаться их автором: столько своеобразия, тонкой наблюдательности и уверенного мастерства вносит он в каждую книгу. И вместе с тем его рисунки никогда не расходятся со словом в самом существенном и главном. Они необычайно ритмичны и потому так хорошо согласуются со стихами или с такой прозой, как, например, народные сказки и сказки Льва Толстого.

У Лебедева зоркий и наблюдательный глаз. Как нельзя более применимы к нему слова Маяковского:

И мы реалисты,

но не на подножном корму... {2}

Лебедев - всегда новатор, искатель новых путей.

Помню, как восторженно встретили ценители искусства и у нас и за рубежом его книги "Цирк", "Вчера и сегодня", "Сказку о глупом мышонке".

От души радовался лебедевскому "Цирку" В. В. Маяковский.

Лаконичность, меткость, остроумие, подлинная красочность (при наличии немногих красок) - все это сделало детскую книгу произведением большого искусства.

Еще в 1927 году А. М. Горький, называя в письме ко мне из Италии наиболее талантливых авторов нашей новой книги для детей, особо отметил В. В. Лебедева {3}.

Всем памятна целая галерея замечательных лебедевских рисунков, запечатлевших с предельной остротой и правдивостью эпоху нэпа.

К сожалению, в этой краткой газетной статье я лишен возможности остановиться сколько-нибудь подробно на его прекрасных портретах и натюрмортах, в которых высокая культура и строгое мастерство так счастливо сочетаются со свежестью и непосредственностью восприятия жизни.

Более полувека Лебедев остается непревзойденным мастером - ищущим, требовательным, неутомимым - во всем, что бы он ни делал.

Его семидесятилетний возраст - не старость.

Человек, любящий жизнь и знающий в ней толк, по-спортивному бодрый, строго заботящийся о порядке в своей мастерской и в своей работе, никогда не утратит молодости, составляющей основу его таланта.

ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ

Почти у каждой книги для детей, особенно у книги для маленьких, - два автора. Один из них - писатель, другой - художник.

Когда называют книгу, знакомую нам с детства, мы прежде всего вспоминаем милые, смешные, затейливые рисунки, часто раскрашенные от руки, а потом уже и текст.

Такую существенную роль играет в детской книжке рисунок.

Когда я и мои ровесники были дошкольниками, самого этого слова "дошкольник" еще не существовало, а книги для маленьких были редкостью. Я знал в детстве одну только детскую книгу, переведенную с немецкого русским немцем, который, по всей видимости, был не слишком силен в русском языке. Но его бойкие стишки о Степке-растрепке запомнились на всю жизнь. И, пожалуй, еще глубже запечатлелись в памяти четкие и выразительные картинки, изображавшие мальчика с шапкой

спутанных и дико взъерошенных волос и удалого портного, услужливо отстригающего ножницами у маленького неряхи пальцы.

Книжку с картинками можно было найти в те времена только в городской интеллигентской семье.

Впоследствии возникли дошкольные книги двух сортов: нарядная, доступная по своей цене лишь детям состоятельных родителей, и дешевая, лубочная, рассчитанная на деревню и фабричный пригород.

Перед самой революцией детской книгой занимались виднейшие художники главным образом из "Мира искусства" {1}.

Одна за другой выходили книги с рисунками Чехонина {2}, Добужинского {3} и других видных мастеров графики. Помню интересную художественную азбуку Александра Бенуа {4}. Едва ли не самым младшим по возрасту был в этой плеяде Владимир Михайлович Конашевич - ныне один из старейших советских художников.

Но и лучшие образцы детской художественной книги не вытесняли той дешевой, безвкусной, безымянной, а подчас и безграмотной книжки, которую выбрасывали на рынок, минуя все заставы литературной и художественной критики, предприимчивые издатели.

Все больше разрасталась пропасть между сравнительно дорогими книгами для избранных и грошовыми книжками "для народа". Заполнила ЭТУ зияющую пропасть - да и то далеко не сразу - революция.

Теперь нам даже странно представить себе деление детской литературы на различные сорта. Не все наши книжки одного и того же художественного уровня, у нас есть удачи и неудачи. Но в нашей массовой детской книжке, издаваемой миллионными тиражами, участвуют те же художники, что и в более дорогой книге с ограниченным тиражом.

Всей нашей стране известны имена художников, создающих вместе с писателями датскую книгу.

Это большой и сильный отряд. А первые места занимают в нем и по степени таланта, и по уровню культуры, и по своему влиянию на развитие детской книги два замечательных и очень различных по характеру дарований художника Владимир Лебедев и Владимир Конашевич.

Им обоим за семьдесят лет. Оба они прошли долгий творческий путь и достигли высокого мастерства. Без них трудно и даже невозможно представить себе историю советской литературы для детей.

Они оба - и В. В. Лебедев и В. М. Конашевич - не только художники-графики, не только мастера детской книги. Мы знаем их как превосходных живописцев.

И все же значительным делом их жизни, подлинной работой во имя будущего остается книга для детей.

Сейчас в Москве открыта выставка В. М. Конашевича.

Охватывая единым взглядом эту выставку - эту "жизнь в искусстве", видишь, как разнообразно и многогранно мастерство нашего художника, неустанно и вдохновенно работающего почти полвека.

Ему известна тайна лаконичного и тонкого лирического пейзажа. Вспомним, как музыкально решена им труднейшая задача - рисунки к стихам Фета. Глубоким лиризмом проникнуты и его иллюстрации к "Первой любви" Тургенева.

Но у того же художника хватает фантазии, причудливой выдумки, щедрого юмора для участия в "Мухе-цокотухе" и других забавных играх, которые затевает, с детьми в своих книжках Корней Чуковский.

С благодарностью и гордостью могу отметить, что первые мои книги для детей, вышедшие около сорока лет тому назад ("Дом, который построил Джек", "Пожар", "Сказка о глупом мышонке"), были украшены рисунками В. М. Конашевича.

Сравнивая их с его же рисунками к моим книгам последних лет ("Плывет, плывет кораблик", "Веселый счет", "Веселое путешествие от А до Я"), мы видим, как окрепло его мастерство, ничуть не теряя своей молодой непосредственности и свежести.

Рисунки Владимира Конашевича пленяют детей своей праздничностью. Он хорошо знает, что для ребенка под обложкой каждой книги таится еще неведомый, обещающий радость спектакль.

Немногие художники так глубоко, как он, понимают законы, по которым строится книга, в частности ее переплет или обложка. Детская книжка часто похожа по своему внешнему виду на номер еженедельного журнала. Обложка В. М. Конашевича придает самой тонкой детской книжке вид настоящей книги.

Выставка В. М. Конашевича, охватывающая и самые последние работы художника (чудесные рисунки к сказкам Пушкина), показывает, сколько еще сил и возможностей таит в себе его не стареющее с годами мастерство.

ПОМНИТЬ НАДО!

В одном из горьковских рассказов есть замечательные слова о том, как надо помнить людей, которые недаром прожили свой век.

Старик, герой этого рассказа, говорит, протянув руки к могилам:

"Я должен знать, за что положили свою жизнь все эти люди, я живу их трудом и умом, на их костях, - вы согласны?"

И дальше:

"...Я хочу, должен знать жизнь и работу людей. Когда отошел человек... напишите для меня, для жизни подробно и ясно все его дела! Зачем он жил? Крупно напишите, понятно, - так?.." {1}

В беседах со мною и с другими Алексей Максимович не раз возвращался к этой теме, не раз говорил, что мы должны наконец научиться помнить людей, которые жили и работали среди нас, их дела и мысли.

Строго и настойчиво повторял он:

- Помнить надо!

Я рад, что деятели литературы, театра и представители обществ дружбы с зарубежными странами организовали сегодня этот вечер, посвященный памяти нашего друга и товарища, выдающегося шекспироведа М. М. Морозова.

Десять лет прошло со дня его смерти, немало работ о Шекспире написано за это время у нас и за рубежом, а воззрения Михаила Михайловича до сих пор остаются передовыми, книги и статьи его до сих пор действенны, ибо они говорят о народности и реализме Шекспира, борясь с реакционно-романтическими истолкованиями творчества великого драматурга.

Еще убедительнее, чем прежде, звучат сейчас, в свете новых работ, слова М. М. Морозова о том, что теории, отрицающие авторство Шекспира, лопаются, как мыльные пузыри.

Десять лет прошло со дня Смерти Михаила Михайловича, а нам кажется, что еще вчера он был среди нас. Так свежа память о нем в аудиториях, где он выступал с докладами и лекциями, в театрах, где он бывал не только на спектаклях, но и на репетициях, во Всероссийском театральном обществе, где он руководил кабинетом Шекспира и проводил памятные шекспировские конференции.

Многие из нынешних литературоведов и театроведов студентами слушали его увлекательные лекции, в которых богатая эрудиция так счастливо сочеталась с мастерством изложения.

Мы не помним ни одной московской театральной премьеры, ни одного вернисажа, где бы нам не бросалась в глаза крупная и такая заметная фигура Михаила Михайловича.

Все в нем было броско и ярко: остро глядящие, черные с блеском глаза, звучный голос, громкий смех.

Несмотря на его большой рост, мы неизменно узнавали в нем того жадно и пристально вглядывающегося в окружающий мир ребенка - "Мику Морозова", которого так чудесно изобразил когда-то великий русский художник Валентин Серов.

В те дни, когда я работал над сонетами Шекспира, и позже, во время нашей совместной с ним работы над переводом "Виндзорских насмешниц" для Театра имени Моссовета, Михаил Михайлович чуть ли не каждый день бывал у меня. Помню, какое сильное впечатление производили его внешность и голос на моего маленького внука.

Однажды, сидя за общим столом в писательском доме отдыха, мальчик с чувством гордости и даже не без некоторого хвастовства во всеуслышанье объявил:

- А у моего дедушки и бабушки есть Михаил Михайлович!

Вероятно, он казался моему пятилетнему внуку добрым сказочным великаном.

Михаил Михайлович был не только замечательным литературоведом и знатоком театра, но и подлинным языковедом.

Он глубоко знал родной язык. Русская речь звучала в его устах вкусно, свежо и сочно - недаром он был коренной москвич, да и английским языком он владел в совершенстве.

Удивительно, как удавалось ему сочетать сосредоточенный, иной раз кропотливый труд по изучению языка и стиля Шекспира, его эпитетов и метафор со множеством публичных докладов и лекций, с деятельным участием в создании истории английской литературы, с постоянной работой в журналах и газетах.

А как широк был круг тем его книг и многочисленных статей! Значительная часть их посвящена драматургу, которого он любил глубоко и неизменно, Шекспиру. Но наряду с этой основной своей работой он писал и о современнике Шекспира Кристофере Марло, и о шотландском поэте Роберте Вернее, и об английских народных балладах, и об А. Н. Островском, как о переводчике Шекспира, и о наших русских знаменитых актерах - таких, как Андреев-Бурлак, Иванов-Козельский, Модест Писарев.

Неоценим скромный и самоотверженный труд М. М. Морозова по созданию дословных, подстрочных переводов "Гамлета" и "Отелло" и комментариев к ним.

При жизни Михаила Михайловича эти дословные переводы были изданы Охраной авторских прав и напечатаны на стеклографе всего только в количестве 150 экземпляров. Только после его смерти по настоянию его друзей и почитателей эти переводы были включены в сборник его избранных статей и переводов.

Да, в сущности, Михаил Михайлович Морозов на протяжении многих лет был неизменным помощником и советчиком всех, кто переводил, ставил или играл на советской сцене Шекспира. Он принимал самое близкое и деятельное участие в постановке шекспировских пьес не только в Москве, но и во многих городах Советского Союза - Ярославле, Горьком, Минске, Ереване, Тбилиси, Ташкенте, Риге, Воронеже...

Умный и талантливый исследователь, лингвист, теоретик художественного перевода, блестящий лектор, щедрый учитель молодежи, М. М. Морозов оставил после себя светлый и глубокий след в истории нашего литературоведения, в истории советского театра.

А те, кому довелось знать его лично, никогда не забудут милого Михаила Михайловича, до конца, до последних своих дней так сильно, по-детски любившего жизнь.

ПОЭЗИЯ ПЕРЕВОДА

Вероятно, с тех пор, как существуют переводы, идет спор о пределах точности и вольности.

У нас и в наше время этот спор выходит из рамок теоретических рассуждений и приобретает особую актуальность и остроту.

Целая армия переводчиков знакомит наших читателей со стихами и прозой всех народов Советского Союза и чуть ли не всех народов мира.

Мы успели накопить богатый опыт, который убеждает нас, что стремление к буквальной точности ведет к переводческой абракадабре, к насилию над своим языком, к потере поэтической ценности переводимого.

С другой стороны, чрезмерно вольное обращение с текстом подлинника, так облегчающее работу переводчика, сплошь и рядом приводит к искажению оригинала, к обезличке, стирающей его индивидуальные и национальные черты.

Мне рассказывали, что некий старик, тонкий знаток духов, критикуя парфюмерию, которая выпускалась у нас два десятка лет тому назад, говорил:

- Ах, все эти духи пахнут одинаково! Недаром же на флаконах так и написано: "Те-же", "Те-же" и "Те-же". То есть "ТЭЖЭ".

Эту остроту можно отнести не только к духам, но и к стихам.

Нивелировкой многих произведений национальных литератур объясняется равнодушие читателей почти ко всем издаваемым у на" антологиям. Несмотря на то, что в состав этих объемистых сборников подчас входят - наряду с бесцветными - и замечательные, истинно поэтические переводы, мертвый груз тянет их ко дну, и они устилают кладбища Книготорга. Об этом красноречиво говорят цифры, показывающие, как мало разошлось у нас экземпляров казахской и других антологий.

Что же, неужели наша читающая публика не ценит богатой поэзии народов Советского Союза? Нет, вся беда только в недостаточно тонком и строгом отборе.

Я убежден, что каждая издаваемая книга может и должна стать событием.

В области перевода событиями были не только стихи Жуковского, но и стихотворения, созданные менее крупным, но настоящим поэтом Михаилом Илларионовичей Михайловым (например, его перевод из Гейне "Гренадеры"). Как события были встречены народом переводы Ивана Козлова "Не бил барабан перед смутным полком" и "Вечерний звон". Я не говорю уже о переводах Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, В. Курочкина, Ивана Бунина.

Нет никакого сомнения в том, что, если отжать из наших современных антологий всю ремесленно-переводческую водянистую сыворотку, если работа над их составлением будет любовной, серьезной и творческой, каждая из них тоже окажется событием, а все они вместе внесут в нашу поэзию еще невиданное богатство и разнообразие красок.

Ведь мы располагаем большими силами. В наши дни уже трудно перечислить видных мастеров поэтического перевода. Да и что может дать такое перечисление имен, обязательное на всех писательских съездах и пленумах! Для того, чтобы оценить огромную, я бы сказал, богатырскую по своей трудности и удаче работу этих мастеров, - следовало бы посвятить каждому из них критическую статью, а в ином случае и целую книгу.

Какие замечательные переводы дали нам Борис Пастернак {1}, Анна Ахматова {2}, переводчик греческих эпиграмм - профессор Л. В. Блуменау.

А кто из наших критиков оценил, например, по достоинству поэтический труд Наума Гребнева - "Песни безымянных певцов" и "Песни былых времен"? Гребнев не только чудесно переводит песни народов, но и сам разыскивает их, как ищут клады.

Успела ли наша критика заметить и отметить трудную и большую победу, одержанную Верой Потаповой, которая дала нам прекрасный перевод "Энеиды" Ивана Котляревского! {3}

Не оценены или недостаточно оценены критикой достижения даже наиболее известных и заслуженных поэтов-переводчиков, таких, как Вильгельм Левик, Владимир Державин, Михаил Зенкевич, Леонид Мартынов, Павел Антокольский, Иван Кашкин, Лев Пеньковский, Вера Звягиндева, Николай Чуковский, Борис Слуцкий, Александр Межиров, Давид Самойлов, Инна Тынянова, Яков Козловский, Татьяна Спендиарова.

Но, простите, совершенно нечаянно я занялся здесь все тем же перечислением имен. И перечисляю их не в порядке чинов и рангов и даже не по размерам дарований и заслуг. Может быть, очень талантливые поэты случайно не пришли мне в эту минуту на память и не попали в этот список.

Но дело не в списках.

Было бы лучше поговорить подробно и бережно хотя бы о нескольких поэтах, подаривших нам отличные переводы. Сказать, например, о том, какие чистые поэтические голоса, какое тонкое чувство языка и стиля у Марии Петровых, Веры Потаповой, Веры Марковой, как сильны и мускулисты Семен Липкий и более молодой поэт-переводчик Лев Гинзбург. Или сказать едва ли не впервые о талантливых и совсем еще молодых поэтах, которые порадовали нас прекрасными переводами, - о Белле Ахмадулиной, о Юрии Вронском, которые переводят грузинскую поэзию, о Юнне Мориц и ее переводах с еврейского.

К сожалению, я пишу это письмо после очень тяжелой болезни и поневоле должен ограничиться только несколькими бегло набросанными строчками.

Но вернусь к первоначальной теме моего письма.

Как я уже говорил, в переводах мы иной раз наблюдаем порочную точность и столь же недопустимую - я бы сказал даже - преступную вольность.

Прочитав перевод из Гейне, из Шиллера, Горация или Расула Гамзатова, читатель должен быть уверен, что он и в самом деле прочел стихи Гейне, Шиллера, Горация и Расула Гамзатова, что поэт-переводчик донес до него подлинные мысли и чувства поэтов, не утеряв ничего главного, основного, существенного. При этом степень вольности и точности перевода может быть различная - есть целый спектр того и другого. Важнее всего передать подлинный облик переводимого поэта, его время я национальность, его волю, душу, характер, темперамент. Переводчик должен не только знать, что сказал автор оригинальных стихов, - например, Гейне или Бернс, - но и что, какие слова этот автор сказал бы и чего бы он сказать не мог.

Актер может быть свободен, а не скован своею ролью, "ели он глубоко, всем существом войдет в нее. То же относится и к переводчику. Он должен как бы перевоплотиться в автора и, во всяком случае, влюбиться в него, в его манеру и язык, сохраняя при этом верность своему языку и даже своей поэтической индивидуальности. Безличные переводы всегда бесцветны и безжизненны. Отнюдь не насилуя и не искажая автора, хороший переводчик невольно и неизбежно отражает и свою эпоху, и себя самого.

Очень важно передать в переводе интонации и ритм подлинника.

Иной переводчик - даже самый точный - может оболгать автора самим ритмом.

Вот пример. Талантливый поэт К. Д. Бальмонт перевел Знаменитые стихи великого английского поэта второй половины XVIII и начала XIX века Вильяма Блейка. Стихи эти - о тигре - написаны четырехстопным хореем. Бальмонт сохранил в своем переводе этот размер, но у Блейка хорей звучит веско, величаво, даже грозно:

Tyger! Tyger! burning bright

In the forests of the night...

А у Бальмонта получилось:

Тигр, тигр, жгучий страх,

Ты горишь в ночных лесах...

Почти:

Чижик, чижик, где ты был?

На Фонтанке водку пил.

И читателю непонятно, почему же эти легковесные стишки стали так знамениты, считаются классическими.

Так был упрощен и ограблен в переводе не один великий поэт.

К счастью, мы можем с уверенностью сказать, что лучшие образцы переводов русской школы передают не только душу, но и форму стихов, форму, которая является их плотью, - то, что Гейне называет "материей песни".

Перевод стихов - высокое и трудное искусство. Я выдвинул бы два - на вид парадоксальных, но по существу верных - положения:

Первое. - Перевод стихов невозможен.

Второе. Каждый раз это исключение.

Если переводчик именно так относится к своей работе (да, в сущности, не только переводчик, но и всякий поэт), - у него может что-то получиться.

И какое это счастье, когда и в самом деле получается!

Тем более бывает обидно, когда эта нелегкая, но счастливая удача не находит отклика у критики, а еще раньше - у издательств.

А что греха таить! Нередко самая большая художественная удача переводчика остается незамеченной, тонет в массе невыразительных и посредственных переводов.

Поэт-переводчик, помещая стихи в собрании какого-нибудь переводимого автора, в одной из антологий или в каком-нибудь другом сборнике переводов, остается как бы комнатным или даже угловым жильцом.

Пора бы издательствам подумать о том, чтобы дать наконец каждому из достойнейших переводчиков отдельную "квартиру", то есть выпустить отдельно его избранные переводы или издать книгу какого-нибудь национального или зарубежного поэта целиком в его переводе, даже в том случае, если эта книга будет невелика по объему.

Такое же свое отдельное и достойное место должны занимать талантливые поэты-переводчики и в статьях наших критиков. А ведь чаще всего их имена даются в статьях скопом, как и в этом моем письме.

Нечего и говорить о том, какое значение имеют переводы в сближении национальных культур, в развитии и упрочении дружбы между народами.

Критики, издатели, редакторы да и сами переводчики отлично знают это, но часто забывают.

Пусть же нынешнее совещание внятно и громко напомнит всем нам, какое важное, значительное и ответственное дело - наша работа над поэтическим переводом.

КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА

Тридцать лет тому назад возникло небывалое по характеру и размаху учреждение. Сначала его называли Детиздатом, а потом - Детгизом.

В сущности, Детгиз не одно, а множество издательств под общей крышей. Это и Гослитиздат для детей, и детское научное издательство, и детский госполитиздат, и много других издательств. Книги выпускаются здесь не на одном, а, по крайней мере, на трех языках: на дошкольном, на языке младших школьников и, наконец, на языке старших.

Задача у всех этих издательств одна: познакомить юных, непрестанно растущих людей с большим миром, в котором им предстоит жить и действовать, воспитать из

них хороших, честных, отзывчивых и бесконечно любознательных людей, которым по плечу будет продолжать великое дело отцов и дедов.

Сейчас мы все привыкли к тому, что у нас есть Детгиз. Это знакомый нам каменный дом в Малом Черкасском переулке, где находятся редакции, и другое здание на улице Горького - Дом детской книги. Есть отделение издательства и такой же Дом детской книги в Ленинграде.

А было время, когда Детгиз был только идеей, только мечтой его инициатора - большого русского писателя Алексея Максимовича Горького.

Я вспоминаю, как ранней весной 33-го года он пригласил меня к себе в Италию, в Сорренто, чтобы обдумать программу будущего издательства и подготовить письмо - докладную записку в Центральный Комитет партии.

Помню часы, которые мы проводили за работой в горьковском кабинете, из больших окон которого был виден на фоне синего неба - дымящийся Везувий.

В письме было предусмотрено все, без чего не могло бы жить и развиваться большое издательство, - полиграфическая база, бумажные фабрики и т. д.

Но временами, отрываясь от обсуждения моего проекта письма, Горький позволял себе и помечтать вслух о том, какие книги - о замечательных путешествиях и о еще более удивительных путях человеческой мысли - даст будущее издательство детям нашей страны. Вероятно, Алексей Максимович ни на минуту не забывал при этом, как трудно доставалась книга Алеше Пешкову в товремя, когда он служил поваренком на пароходе или работал в казанской пекарне. Всем, чего ему недодала жизнь, хотел он одарить наших ребят.

Мы и не думали тогда, что эта идея осуществится так скоро, что в этом же году решением партии будет создано Издательство детской литературы.

Мне хотелось бы, чтобы нынешние и будущие сотрудники Детгиза и работающие в нем писатели навсегда запомнили, с каким молодым волнением обдумывал в уже преклонные годы своей жизни Горький нужды нового издательства и его читателей.

Пусть каждый из нас, приступая к работе, сохраняет тот же сердечный жар, с каким относился к делу издания книжек для детей Алексей Максимович в те весенние дни 33-го года.

Мы помним, что все это время было полно значительными в истории детской литературы событиями: появление статьи Алексея Максимовича в "Правде" "Литературу - детям", а потом его письмо в той же газете "Пионерам" - о том, какие книги ребята читают и о чем еще хотели бы почитать.

Отвечая на тысячи писем со всех концов Советского Союза, Горький писал:

"Теперь "Детиздат" знает, что нужно ему делать, и, наверное, вы скоро получите интересные книги.

О ваших требованиях будет сделан доклад на съезде писателей, а сейчас для осведомления писателей и родителей о ваших желаниях друг мой, Маршак, печатает часть обработанного им материала, данного вами" {1}.

И вот Детгиз родился на свет. Сегодня я хочу от всей души поздравить весь экипаж Детгиза во главе с его опытным капитаном Константином Федотовичем Пискуновым, а также и всех писателей - в том числе и себя самого - с этим замечательным днем рождения.

Но и в день праздника мы не должны забывать, что нами сделана только малая часть великого дела, что запросы и потребности младших поколений читателей гораздо шире и глубже того, что уже охвачено вышедшими книгами.

По-настоящему воспитывает юного человека только подлинно художественная, поэтическая книга - в прозе и в стихах. Каждая книга, выходящая для детей, должна быть событием.

В заключение мне хотелось бы особо упомянуть тех замечательных деятелей

литературы, которые не дожили до этого дня, - "Чей глас умолк на братской перекличке? Кто не пришел? Кого меж вами нет?" {2}

И в первую очередь, - Алексея Максимовича.

Я не хотел бы, чтобы в этом перечислении потонуло любое из упоминаемых мною имен, - ведь о каждом из них можно сказать очень много.

Это - Владимир Маяковский, который оставил в наследство детям целый раздел в своем собрании сочинений.

Это - Аркадий Гайдар, всесоюзный пионерский вожатый, который умел быть и веселым товарищем нашим ребятам, и чуть лукавым, себе на уме, воспитателем, обходящимся без поучений. Смерть Гайдара так же доблестна, как его жизнь. Он пал на поле боя и похоронен на берегу Днепра, неподалеку от могилы Тараса Шевченко.

Нельзя не вспомнить такого замечательного поэта природы, как Михаил Пришвин.

И одного из виднейших русских писателей Алексея Николаевича Толстого, подарившего детям нашим чудесное "Детство Никиты" и затейливые "Приключения Буратино".

Большое, совсем особое место занимает в нашей литературе тонкий художник, который сочетал в себе и "бывалого человека", и мастера на все руки, Борис Житков.

Все дети нашей страны помнят человека, знавшего язык птиц и зверей, автора "Лесной газеты", Виталия Бианки.

В истории нашей детской литературы навсегда останется поэт-ученый, зачинатель нашей научно-художественной книги - Илья Яковлевич Ильин, автор всемирно известного "Рассказа о великом плане".

В этом году наша литература понесла тяжелую, невозвратимую потерю в лице Владимира Михайловича Конашевича, талантливого художника, человека большой культуры, который до конца сохранил в своих рисунках веселую и причудливую игру, близкую пониманию самого требовательного и разборчивого ценителя - маленького ребенка.

Наконец, я хочу упомянуть еще трех замечательных писателей, которые к тому же были в свое время редакторами Детгиза.

Это - Тамара Григорьевна Габбе, автор высокопоэтических пьес-сказок и в то же время тонкий критик и превосходный редактор, неизменный друг писателей.

Много лет работали в издательстве и Евгений Шварц - ныне широко известный драматург, и погибший на фронте Великой Отечественной войны Леонид Савельев {3}, один из самых образованных литераторов, написавший первую детскую книгу об Октябре "Штурм Зимнего" и книгу "Следы на камне", показывающую - запечатленную на камне историю растительного и животного мира.

Все эти имена не должны быть забыты.

Оглядывая тридцатилетний путь, пройденный Детгизом, а также годы, предшествовавшие его возникновению, видишь, как много таланта, мысли, знаний внесли за это время в книгу для детей люди, ее создававшие.

По счастью, многие из ее талантливейших представителей, прославленных и у нас в стране, и за ее рубежами, во главе с ветераном детской литературы Корнеем Ивановичем Чуковским, ныне здравствуют и продолжают работать в полную силу, а им на смену приходят все новые и новые пополнения. Никогда еще детская литература не была окружена таким вниманием и любовью общества, как в наше время. Книга для детей навсегда вышла из тесного мирка прежней "детской" и стала достоянием миллионов читателей.

Но от больших тиражей, немыслимых в прежнее время и в других странах, у нас не должна кружиться голова.

С каждым новым десятком, с каждой новой сотней тысяч экземпляров все выше растет трибуна, на которую мы поднимаемся для разговора с читателем.

Детская литература у нас давно уже отказалась от какой бы то ни было скидки на художественное качество. Детская литература не должна уступать лучшим образцам взрослой литературы в мастерстве, в тонкости, в свежести мыслей и образов.

Таково было напутствие, данное Детгизу в день его рождения Алексеем Максимовичем Горьким. Это напутствие нам следует вспомнить и сейчас - в дни, когда Детгиз отмечает свое тридцатилетие.

"НЕДРАЛИТЕТ"

Это было так.

Двое ребят дрались, а трое или четверо их товарищей стояли в стороне и спокойно смотрели на их поединок. Кто-то из взрослых спросил у этих юных зрителей:

- Что же вы их не разнимаете?

- А чего нам разнимать. Это у них драка, а у нас недралитет.

Мне очень нравится это русское простое слово "недралитет" - оно как-то выразительнее, понятнее и свежее, чем старый иностранный термин "нейтралитет", от которого оно происходит. Впрочем, в слове "недралитет" соединились два слова, означающие совершенно противоположные понятия, а именно: "нейтралитет" и "драка".

Я заговорил об этом для того, чтобы высказать одну очень простую мысль: я не сторонник нейтралитета - и особенно в тех случаях, когда на моих глазах дерутся не дети, а взрослые, и не за игрушку, а за что-нибудь очень серьезное.

Возьмем, к примеру, вопрос о художественном воспитании наших детей самых маленьких, четырехлетних и пятилетних, - тех, которые еще только учатся связно выражать мысли и называть вещи своими именами. Казалось бы, о каком художественном воспитании может идти речь в применении к этому возрасту?

Однако этот возраст является самым жадным потребителем картинок, коротеньких стихов, песенок, присказок, считалок. Эти жадные потребители требуют от своих бедных матерей, чтобы те по двадцать раз подряд читали им одну и ту же сказочку или стихи из двадцати строчек. Матерям иной раз становится очень скучно, и они рады бы почитать ребятам что-нибудь новенькое, но под рукой часто ничего новенького нет, и вот приходится припоминать что-нибудь очень старенькое, в таком роде:

Ты лети, мой петушок,

Есть такие дети,

У которых близко нет

Никого на свете.

Мама ласковой рукой

Их не приголубит,

И игрушки никакой

Им никто не купит.

Я сам слышал, как одна родительница учила ребят на детской площадке петь эту песенку. Родительница, верно, никогда не задумывалась над тем, хорошая ли это песенка или плохая. Ничего озорного в песне нет, - она вызывает даже некоторое сочувствие к бедным сироткам, слова в ней понятные, а главное, покуда дети ее поют, они заняты, не шалят и не разбивают носов ни себе, ни другим. Значит, ничего плохого в песне нет.

Я слушал, как женщина напевала вместе с детьми убогие слова этих уныло-приютских стишков, и с грустью думал о том, как трудно доказать ей, что стихи плохи, слащавы, фальшивы по мысли и чувству.

Такие вещи объяснять очень трудно, если твой собеседник никогда в жизни не задумывался над тем, какие стихи хороши и какие плохи.

Человеку, который знает и любит стихи Пушкина, стихи Некрасова, стихи Маяковского, какой-нибудь убогий "Петушок" вряд ли понравится.

Но беда в том, что и Пушкина и Некрасова люди знают только по далекой памяти школьных лет.

Гонимы вешними лучами,

С окрестных гор уже снега... {1} - и т. д.

Или:

Ну, пошел же, ради бога!

Небо, ельник и песок

Невеселая дорога...

Эй! садись ко мне, дружок!.. {2} - и т. д.

А такое знание стихов, конечно, ровно ничего не стоит. Ко мне часто приходят поэтессы разных возрастов. Приходят или присылают по почте свои рукописи.

Наш разговор - письменный или устный - обычно начинается так:

Поэтесса говорит или пишет: "У меня есть двое детей - мальчик семи лет и девочка пяти лет. Мне решительно нечего им читать, это и натолкнуло меня на мысль написать для них стишки. Стишки эти ребятам очень нравятся. Вот они..."

Дальше следуют сто - двести рифмованных строчек о чем попало: о плюшевом медведе, о пауках, о жуках, о том, как

Шура чистила зубочки,

или о том, как

Котик вымазался сажей,

Лапочки покрасил даже,

и так далее, и тому подобное.

Иногда бывает, что на сотню самых небрежных, неряшливых и необдуманных строк попадется две - четыре, даже шесть строчек, не лишенных живости, темперамента и остроумия.

Но эти удачи так случайны, нечаянны и редки!

Критиковать произведения этих поэтесс почти невозможно. У них всегда готовы возражения.

1) Дети обожают эти стихи.

2) Стихи очень нравятся всем знакомым.

3) В детских журналах печатаются иной раз стихи гораздо хуже этих.

4) Стихи предназначены для самых маленьких детей, которые предъявляют к стихам гораздо менее строгие требования, чем я, Маршак.

Возражения, конечно, убедительные. Ничего не скажешь.

Действительно, и рассказы в журналах печатаются иногда плохие, действительно, маленькие дети не слишком разбираются в качестве стихов, а среди добрых знакомых всегда найдутся люди, которые будут в восторге от ваших произведений.

Одни будут в восторге, другим стихи просто понравятся. Наконец, третьи примут стихи без всякого удовольствия, но и без возражений - то есть совершенно нейтрально. "Стихи как стихи, - скажут они. - Вон в некоторых местах даже рифма есть, и как будто размер чувствуется, отчего же не дать их детям?"

Эти люди забывают о том, что первые детские книги учат ребенка мыслить, чувствовать, говорить.

А на такую роль имеет право далеко не всякая детская книга.

Отбор и создание лучшей детской литературы - вот какую задачу поставила перед нами партия. Каждый удачный шаг на этом пути - это большая и радостная победа.

Но для того, чтобы победы эти были не случайны, надо преодолеть то холодное безразличие, тот нейтралитет, с которым относятся к выбору детского чтения многие матери и отцы.

Они должны быть в курсе тех споров, которые ведутся у нас вокруг детской литературы, должны стать настоящими ее ценителями, а не только покупателями детских книг.

Для этого им следует проделать серьезную и основательную работу. Работа эта, в сущности, очень приятная, и бояться ее не стоит. Если вашему ребенку через год предстоит счастье читать сказки Пушкина, Андерсена или народные сказки, прочтите их заранее, и не только для того, чтобы объяснить ребенку непонятные слова, но и для того, чтобы самому себе дать отчет, что хорошего в этих сказках.

Надо читать и лучшее из того, что есть в современной детской литературе. И читать не только ради контроля, придирчиво и опасливо, - ас тем напряжением и вниманием, какого требует к себе всякое произведение искусства, даже если оно представляет собою всего только одно четверостишие или рисунок пером.

У нас на заводах от всего работающего персонала требуется так называемый техминимум. Я думаю, что не худо было бы потребовать от родителей, занимающихся воспитанием и развитием своих детей, определенного "литминимума". И тогда сам собой кончится этот обидный для всякого искусства нейтралитет.

О ПУШКИНЕ, О ДЕТЯХ И О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1

Страна читает и перечитывает Пушкина. А вместе со всей страной его читают те, кто знакомится с ним впервые - дети.

Проходя по залам пушкинского музея, наши ребята узнают на портретах не только самого Александра Сергеевича, но и его родных, и друзей, и даже современников.

- Это Дельвиг, - говорят они, еще не взглянув на подпись. - Это Пущин. Это Кюхля... А вот это Шаховской {1}.

Мы в свое время писали школьные сочинения о Пушкине, но самые начитанные из нас не знали, как отзывалась о "Полтаве" "Северная пчела" {2} и что сочинил Пушкин в 1826 году.

А нынче множество наших школьников это знает. Давно ли они стали пушкинистами? О нет, всего только в этом году - после юбилея.

Скоро будет издан сборник лучших сочинений ленинградских школьников.

Эти сочинения безо всякой снисходительности можно назвать маленькими исследованиями или, во всяком случае, статьями. Их прочтет с интересом не только учитель, который обязан читать школьные работы и подчеркивать в них красным карандашом ошибки.

Я уверен, что широкий читатель найдет в них для себя что-то новое и неожиданное. Дети работали серьезно, подбирая и проверяя факты, пользуясь многочисленными источниками, добросовестно изучая пушкинские тексты.

Из всех этих сочинений вместе может составиться биография Пушкина, в достаточной степени обстоятельная и правдивая (одно сочинение - "Детство и лицейские годы", другое - "Пушкин и декабристы", третье - "Южная ссылка", четвертое-"Село Михайловское" и т. д.).

Вот возьмем к примеру сочинение "Пушкин в пути". Тут и маршруты всех пушкинских поездок, и все почтовые станции, на которых Пушкин останавливался, и сопоставление его путешествий с путешествиями его героев, и все, что говорил Пушкин в своих стихах и в прозе, в письмах и дневниках о трактирах, ямщиках, кибитках, станционных смотрителях и колокольчиках.

Есть среди школьных сочинений и темы более сложные, теоретические: "Взгляды Пушкина на поэзию", "Политические воззрения Пушкина", "Пушкин и народное творчество".

Но гораздо больше, чем сочинений, написали в нынешнем году ребята стихов, посвященных Пушкину.

Многие из этих стихов очень хороши. Их, пожалуй, тоже следовало бы издать отдельным сборником. Когда-нибудь через много лет этот сборник был бы замечательным документом 1937 пушкинского года.

Я бы не побоялся даже включить в него стихи, которые не имеют к Пушкину никакого отношения, но показывают, как усердно в этом году читали ребята Пушкина.

Десятилетний мальчик начинает свои стихи о возвращении с дачи в город такими словами:

В крови горит огонь желанья

Скорее ехать в Ленинград.

А девочка, про которую рассказывает писательница Ильина в журнале "Костер", сочинила вот такие "стансы":

Я помню чудное мгновенье:

С тобой ходили мы гулять...

Гимназические поэты тоже писали когда-то стихи, посвященные Пушкину, о Пушкине, по поводу Пушкина.

Но в этих стихах не было ни живого Пушкина, ни его времени, а было большей частью одно только излияние самых восторженных и неопределенных чувств.

А вот посмотрите, как ощущает далекую эпоху наш четырнадцатилетний поэт Новиков.

Я приведу из его стихов только две строчки - портрет Александра I тех времен, когда победоносный император вернулся из Парижа.

Новиков пишет:

Он сам сиял, мундир сиял,

И плешь сияла на затылке.

Другой четырнадцатилетний поэт Шура Гольдберг описывает поездку Пушкина из села Михайловского в Святогорский монастырь.

Дорогу дали хилые монахи,

Отвел слепцов в сторонку поводырь.

В крестьянской шляпе и простой рубахе

Какой-то всадник въехал в монастырь.

И дальше:

Он весел искренне, бродя между рядами,

И у него такой счастливый вид,

И Лазаря поет он со слепцами,

С крестьянами, как равный, говорит.

Но в небе запылал огонь закатный,

Базарного конец приходит дня,

И нехотя, сбираясь в путь обратный,

Опять садится Пушкин на коня.

Вероятно, наши дети на всю жизнь запомнят пушкинские торжества 1937 года.

Дело тут не только в том, что они участвовали в концертах, карнавалах, написали множество стихов и внимательно прочитали Пушкина.

Нет, этот пушкинский год сыграл в жизни наших детей серьезную роль. Он, несомненно, наложил свою печать на литературные вкусы тех поколений, которые не сегодня-завтра будут решать судьбы советского искусства.

Это о детях.

А теперь несколько слов о Пушкине и о датской литературе.

В последний месяц во всех городах и колхозах, на фабриках и в красноармейских полках шля многочисленные небывалые собрания читателей.

Собрание, которое происходит здесь сейчас, несколько отличается от других. В нем участвуют не читатели, а писатели, то есть люди, которым имя Пушкина должно быть особенно близко. Ведь они заняты тем делом, которым занимался и сам Пушкин: пишут книги.

Наши поэты могут - с большим или меньшим правом - претендовать на звание наследников Пушкина по поэтической линии.

Наши повествователи - по линии прозаической.

Писатели-историки могут вести родословную своих повестей и романов от "Капитанской дочки" и "Арапа Петра Великого".

А вот какое отношение имеет к Пушкину детская литература? Как известно, Пушкин детским писателем не был.

Естественнее всего было бы тут ухватиться за пушкинские сказки. Ведь сказка - это излюбленный и основной жанр детской литературы. Но я пока подожду говорить о сказках - тем более что написаны они были не для детей, а для всех читателей без различия возраста.

Итак, сказки мы оставим пока в стороне.

2

27 января 1837 года, за несколько часов до своей дуэли, Пушкин написал несколько слов детской писательнице А. О. Ишимовой.

Кончается его записка так:

"Сегодня я нечаянно открыл Вашу _Историю в рассказах_ и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!.."

Это письмо было последним из его писем, а детская книга, о которой он упоминает, была последней, или, во всяком случае, одной из последних раскрытых Пушкиным книг.

Говоря здесь об этом, я вовсе не хочу сказать, что литература для детей была настолько близка сердцу Пушкина, что он отдал ей последние часы своей жизни.

Конечно, он раскрыл книгу Ишимовой случайно. Конечно, в этот день ему могла подвернуться под руку и какая-нибудь другая книга - роман, поэма или драма.

Но как бы то ни было, он взялся за детскую книжку. Она оказалась в числе других у него на столе, и что-то в ней его, несомненно, заинтересовало. Ведь не стал бы он читать в такие минуты то, что ему было совсем чуждо, безразлично и скучно.

Для того, кто знает Пушкина, понятен его интерес к этой книге, которая только тем и знаменита, что Пушкин читал ее перед смертью.

Он был литератором в настоящем и большом смысле этого слова.

Его внимание привлекали все жанры отечественной литературы, в том числе и рассказы из русской истории для детей.

И не только литератором был он. Его интересы простирались значительно дальше. Он был государственным человеком, несмотря на то, что в николаевском государстве не было места для таких людей, как он.

3

Нам, людям, которые работают над созданием литературы для детей, над исторической, географической, сказочной, научно-фантастической книгой нашего времени, - нам следует помнить не только того Пушкина, которого забыть невозможно, не только Пушкина-поэта.

Мы должны помнить, что Пушкин был одним из самых разносторонних людей своего времени. Его интересовал весь мир - и английская паровая машина, и камчатские дела, и быт североамериканских индейцев.

В 1836 году он частью перевел, частью пересказал для своего журнала записки Джона Теннера {3}, - человека, прожившего тридцать лет среди индейцев. Читая эту историю, не знаешь, чему удивляться: редакторской ли самоотверженности Пушкина, который не поленился перевести на русский язык документальную, непритязательную прозу Теннера, или замечательной политической остроте и меткости пушкинского предисловия.

Пушкин был настоящим селекционером литературных жанров. В его журнале "Современник" нет случайных компромиссных статей. Каждая напечатанная там вещь, - будь это повесть, или заметка, или рецензия, - прокладывает дорогу новым видам литературного искусства.

Литературу он понимал так широко, как не понимал почти никто из людей его поколения. Он считал прямым делом литератора занятие историей, географией, этнографией.

Все, за что брался Пушкин, сразу становилось искусством. Казалось бы, что может быть скучнее примечаний? Но откройте "Историю Пугачевского бунта", и вы увидите, что можно сделать из самых служебных приложений и примечаний.

В одном из своих "анекдотов" ("table talk" {4}) Пушкин рассказывает о том, что Екатерина Вторая обыкновенно говаривала:

"Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, - и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано".

В наше время, когда литература стала таким сложным и многосторонним делом, когда ей приходится ежесекундно соприкасаться и с политикой, и с наукой, и с проблемами воспитания, - нам следует как можно чаше заглядывать в пушкинский архив, потому что многое из того, что мы в литературе начинаем, "было им уже обдумано".

И, пожалуй, больше всего это относится к писателям, непосредственно связанным с делом воспитания миллионных масс, - к детским писателям. Они найдут для себя образцы в любом из пушкинских жанров.

4

Теперь несколько слов о пушкинских сказках.

Дети больше всего любят сказку о "Царе Салтане", хоть и она, как и все остальные, была написана Пушкиным не для детей.

Любят ее за то, что она справедлива, весела и легка, как настоящая народная сказка.

За то, что ее герой Гвидон молод и хорош собой.

За то, что сказка счастливо кончается.

Но не только в этом ее сила. Сказка полна движения.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна

К царству славного Салтана.

Вот такой веселый, легкий ветер подгоняет действие во всех сказках Пушкина.

Дети и сами любят двигаться, и вещи они любят двигать, и в сказках любят движение.

В детстве человек бывает нетерпелив. Пушкин как бы рассчитывает на это в своих сказках. Действие у него нигде не замедляется и не застаивается. И даже внешнее построение сказок таково, что кажется, будто они состоят из отдельных, законченных звеньев, все время сменяющих друг друга.

Детским писателям следует учиться у Пушкина этому замечательному умению придавать отдельным двустишиям, четверостишиям, восьмистишиям смысловую и ритмическую завершенность и цельность.

Если бы вся сказка о царе Салтане не была бы написана, а существовали бы только четыре ее строки:

В синем небе звезды блещут,

В синем море волны хлещут,

Туча по небу идет,

Бочка по морю плывет,

то и они были бы замечательным и законченным произведением искусства.

Народная сказка во времена Пушкина еще не имела прав гражданства. Жила она где-то под спудом, и только первые пионеры, вроде Сахарова, рисковали рыться в этой еще не исследованной и не очищенной руде.

Пушкин не ждал, чтобы фольклористы и присяжные собиратели сказок вложили ему в руки нечто готовое.

Он добыл сказку сам, добыл из первых рук, и с тех пор, как он к ней прикоснулся, она стала достоянием сознательного и культурного искусства.

Пушкин подарил нам сказку как литературный жанр, и мы не имеем права выпустить этот подарок из рук.

Сейчас нам предстоит труднейшее дело - добыть и создать сказку нашего времени. Не будем же и мы рассчитывать на фольклористов и собирателей.

Это должно быть делом поэтов - так же, как во времена Александра Сергеевича Пушкина.

ДЕТИ-ПОЭТЫ

1

Недавно я слышал интересный маленький рассказ. Сочинила его семилетняя девочка, Таня Кротова. Вот он:

На море был остров. На острове сидела жаба. Пришел ослик. Ходил, ходил и жабу раздавил. Пришел лев. Ходил, ходил и ослика раздавил. Пришел слон. Ходил, ходил и льва раздавил. Пришел мамонт. Ходил, ходил и слона раздавил. И остался один. Ходил, ходил и целый остров раздавил. Не стало ни мамонта, ни острова. Одно море осталось.

Этот рассказ запоминается с первого раза, как стихи - так лаконична его форма.

У рассказа есть _начало_ и _конец_ (что не всегда бывает в произведениях взрослых писателей). Продолжать рассказ дальше - после того, как мамонт потопил остров и одно только море осталось, - немыслимо.

Когда читаешь детям книжки, написанные взрослыми, часто приходится присочинять к сказке или повести новый конец. А еще чаще ребенок сам придумывает окончание к рассказу. Это бывает в двух случаях: когда книжка кажется ребенку незаконченной или когда она кончается "грустно".

Ребенок спешит исправить автора. Заключение рассказа во что бы то ни стало должно быть оптимистическим!

Правда, история "про жабу и про мамонта" кончается гибелью всех действующих лиц и даже декорации (остров погибает), но вряд ли кто-нибудь пожалеет героев этого рассказа - жабу, ослика, льва, слона и мамонта. Все они упоминаются мельком и выведены только для того, чтобы можно было сравнить их силу и вес.

Путем таких сравнений (Кто больше? Кто сильнее?) ребенок познает мир.

Та же тема, но в гораздо более сложной и тонкой трактовке звучит в драматической поэме "Человек все победит". Поэму эту написал двенадцатилетний мальчик. Но о ней речь впереди.

Из стихотворений, сочиненных детьми, самым характерным для маленьких поэтов Советской страны я считаю следующее:

ЧелюскИнцы-дорогИнцы,

Как боялся я весны.

Как боялся я весны.

Зря боялся я весны:

ЧелюскИнцы-дорогИнцы,

Все равно вы спасены.

Существительного "дорогинцы" в русском языке до этих стихов не было. Слово это образовано от прилагательного "дорогой" и звучит очень ласково. Гораздо ласковее, чем "дорогой".

А "челюскинцы" - это участники нашей полярной Экспедиции, высадившиеся с погибшего парохода "Челюскин" на льдину и спасенные летчиками - Героями Советского Союза.

Вся наша страна принимала участие в спасении челюскинцев, - начиная с ее правительства и кончая каждым отдельным рабочим, который срочно ремонтировал ледокол и снаряжал аэропланы, посланные на выручку героической Экспедиции.

Наши дети - даже самые маленькие - тоже не были безучастны к судьбе челюскинцев.

Когда ребенок говорит, что он "боялся весны" (а ведь мы знаем, с каким нетерпением и с какой радостью все Дети мира обычно ждут весны), это значит, что весна грозила ребенку каким-то личным горем.

Я уверен, что очень немногие профессиональные поэты могли бы отозваться на далекое от них событие такими горячими, такими непосредственными стихами.

Как прекрасен этот неожиданный переход от глубокого отчаяния к радости и торжеству в стихах маленького поэта:

Как боялся я весны...

Зря боялся я весны:

ЧелюскИнцы-дорогИнцы,

Все равно вы спасены!

В этих стихах чувствуется настоящий детский голос, искренний и звонкий.

2

Мне кажется, никогда и нигде нельзя было встретить среди ребят такого множества стихотворцев и прозаиков, как в нашей стране и в наше время. Правда, и в пору моей юности в каждой гимназии был обязательно свой поэт, чаще всего самонадеянный рифмоплет, выступавший с декламацией на всех торжественных, актах и вечерах.

Но такие поэты-лауреаты были украшением только классических гимназий и кадетских корпусов. В школе, где учились дети "простых" людей, - в городском училище и * сельской школе, - стихописанием занимались редко. Может, там и были никому не ведомые сочинители песен или частушек, но это было творчество устное, которое трудно поддается учету.

Сейчас вы не найдете класса без своих поэтов и прозаиков.

У нас нет больше ни гимназий, ни кадетских корпусов. Все дети учатся в "единой советской трудовой школе". И эта школа необыкновенно богата поэтическими дарованиями. На детский литературный конкурс, организованный Ленинградским советом, было представлено около 12 000 рукописей.

Чем объяснить такой урожай?

Мало сказать, что воздух революции рождает поэтов и героев.

Должны быть еще какие-то простые, конкретные причины. А их-то не так легко установить.

Может быть, это влияние наших обыкновенных школьных "стенгазет" с отчетами о лагерях и с шуточными стихами.

Может быть, это влияние радио, выездных концертов и спектаклей в колхозах и заводских клубах.

А вернее всего, расцвет школьной поэзии - прямое следствие того демократического объединения городских, окраинных и деревенских ребят, которое стало возможным только в советской школе.

У одних ребят в этой школе есть какие-то наследственные книжные навыки, у других еще жива традиция народной песни или частушки.

Я думаю, что это хорошее сочетание. Оно много обещает в будущем.

На одном из детских собраний я слышал, как читали свои стихи разными голосами и разным говором ленинградские, пригородные и деревенские, вологодские ребята.

Один из школьников, недавно приехавший из колхоза, читал такие стихи про старую русскую деревню:

Избенка наша маленька,

В ней сыро и темно,

Я не один у маменьки,

Нас семеро былО.

Другой мальчик, из интеллигентской семьи, торжественно скандировал:

...И над вершиной Кара-Дага

Летают горные орлы,

И Чертов Палец, точно шпага,

Вонзен средь неба синевы.

Я слушал обоих и думал о том, как несовместимы были бы раньше, в годы моего детства, эта "избенка маленька" и "вершина Кара-Дата".

Не знаю, из всех ли ребят, которые сидели передо мной на собрании, выйдут настоящие поэты.

Но сейчас они учатся в какой-то новой поэтической школе, - в единой советской трудовой поэтической школе.

3

Мы все знаем, что наши школьные библиотеки еще не очень богаты. Ведь наша детская литература молода, как наша революция. Тем удивительнее видеть, что у нас есть ребята, рядовые советские школьники, которые сами находят пути к подлинным богатствам мировой культуры.

Мы еще не успели ввести их в права наследства, а они уже выбирают из большой литературы для себя то, что им нужно на сегодняшний день.

Им нужна героическая эпопея, нужна трагедия, нужна комедия нравов, философская лирика, баллада.

И нужно им все это потому, что их занимают серьезные, ответственные темы.

"Человек все победит" - так называется драма в шести частях, написанная школьником, которому двенадцать лет.

Тема не новая. Она легла в основу множества весьма холодных и дидактических аллегорий. Но автор шестиактовой драмы верит в эту тему всерьез, как верит в нее революция.

Поэтому у него возникают не схематические, а живые и причудливые образы - наивные, но зато величественные. "Действующие лица драмы": лев - царь; Парамона - царь Вестигмона и брат льва (необходимое примечание автора: "Вестигмон - дружественное льву царство"), тигр, слон, лиса, человек, жена человека, заяц -

гонец из Вестигмона, звери, собаки.

Вот несколько стихов, показывающих, как говорят и ведут себя эти разнообразные действующие лица.

Действие пятое

Поляна, окруженная лесом. В скале – пещера, из которой

видна голова льва, лежащего там.

Лев

Хоть царь зверей я, но скрываюсь,

Хоть род мой знатен, но бегу;

От человека я спасаюсь,

Вести войну с ним не могу.

Пусть я красив, громаден, мощен,

Пусть я свиреп, могуч, силен,

Пусть человек так слаб, немощен,

Но ум зато имеет он.

И потому он побеждает

Зверей и все, что на пути,

И потому он сокрушает

Все, что не даст ему пройти.

С такими торжественными монологами выступают только главные герои драмы – лев и человек.

Лиса, как ей и подобает, говорит рассудительным и простым языком басни.

Лев

(озабоченно)

Но отчего твой мрачен взгляд?

Лиса

Он мрачен потому, что я не победила.

Лев

Проклятие! Но почему?

Лиса

Да потому,

Что там вкруг домика собачья стая,

Не помогла мне хитрость никакая.

Нельзя же к домику пройти,

Когда собаки на пути.

Героям вторит почти классический хор - остальные звери. Они жалуются льву на человека.

Палкой громовою

Множество зверей

В день он убивает

И еще грозит,

Что тебя убьет он,

Что с тебя сдерет он

Шкуру и продаст;

Кости ж с мясом даст

Острозубым псам.

Горе! Горе нам!

Даже по этим отрывкам можно сказать, какие литературные воздействия прямые или косвенные - испытал двенадцатилетний драматург. Тут есть и отзвук гетевского "Рейнеке-Лиса", и, вероятно, влияние шекспировских трагедий.

Недавно я слышал, как на одном из библиотечных собраний один школьник 5 или 6 класса говорил другому почти таинственно: "Ты хочешь, я дам тебе "Отелло"? Вот интересная вещь. Я уже знаю, где ее достать".

Гете, Шекспир - мальчик выбрал себе хороших учителей. Вряд ли многие из наших взрослых поэтов могут похвастаться такими.

Чем же это объяснить? Как набрел двенадцатилетний школьник на первоклассные образцы поэзии? Случайно ли это? Нет, не случайно.

В стихах и прозе его сверстников и товарищей тоже чувствуется влияние крупнейших поэтов. Мы имеем в виду не то вредное, засушливое воздействие классики, которое приводило когда-то поэзию к убожеству, к эпигонству или стилизации. Нет, у ребят это влияние выражается в стремлении к торжественному и вескому слову, к строгому синтаксису, а главное - большой героической теме.

Именно она, большая тема, указывает двенадцатилетним ребятам дорогу к одам, трагедиям и философским стихам.

О чем эти ребята пишут?

Один о водном пути, прорезавшем массивы Карелии и соединившем два моря, - о Беломорском канале:

Теснились гор угрюмые громады,

Озера разливалися весной,

Потоками струились водопады

В Карелии - стране лесной...

В тот край нетронутый, в озера и болота.

Пустынные от века в век,

Пришел с машиною разведчиком работы

Решительный и смелый человек...

. . . . . .

Ожили гор угрюмые громады,

Бараками долины поросли.

Ручьи гремучие, крутые водопады

В размеренные русла потекли.

. . . . . .

Вчерашние вредители и срывщики работы

Теперь строительства отважные борцы,

Защитники Страны Советов

И полноправные ее творцы.

Они - в числе ударников-героев

Страны озер, лесов и рек...

Гигантский водный путь построен

И крепко перекован человек.

(Мальчик 12-ти лет)

Другой школьник, его ровесник, пишет о штурме горных богатств Советского Севера. Его стихи, посвященные Хибинам, - это настоящая ода геологии и социалистическому строительству:

В далекой юности земли

Цветы кристаллов расцвели.

Эпохи там они лежали.

Теперь веселый молоток

Дробит блестящей сталью скалы,

Срывает за куском кусок...

. . . . . .

Бесстрашно прыгая по скалам,

Но штайгер впереди идет...

Грозя горам своим запалом,

Геолог свой маршрут ведет,

Глядит на каменные стены

Обрывов. Там читает он

Историю времен нетленных,

Архея сумрачных времен.

(Мальчик 12-ти лет)

Кажется, после поэта XVIII века Ломоносова у нас еще никто не писал таких пламенных од науке и природе.

Третий юный поэт, тоже ровесник предыдущих, пишет всего только о паровозе. Но послушайте эти стихи, и вам станет ясно, чего требует вся ваша страна от всех своих паровозов, машинистов и кочегаров.

Паровоз, паровоз,

Силы в тебе сколько!

Ты везешь тыщи тонн,

Как не лопнешь только!

Ты идешь день и ночь.

И идешь ты быстро.

Нету друга у тебя

Лучше машиниста.

. . . . . .

Впереди откос

И на рельсах балки,

Стой, стой, паровоз,

Коль не хочешь свалки!

Опозданья целый час

Разве это можно?

Полетишь вперед сейчас

Ты, гудя тревожно.

. . . . . .

И в Москву ты прилетел,

Обливаясь паром,

С машинистом удалым,

С черным кочегаром.

Может явиться мысль, что все эти маленькие поэты учатся в одной какой-нибудь исключительной школе, где умный, очень культурный словесник воспитывает ребят на строго подобранных образцах. Но это совсем не так. Стихи, которые я цитирую, присланы учениками самых разнообразных школ города и области на конкурс, устроенный Ленинградсоветом.

Достаточно просмотреть все листки и тетради, исписанные детским почерком, чтобы убедиться в том, что авторы стихов и прозы - вовсе не воспитанники Петербургского аристократического лицея прежних времен, а самые настоящие советские ребята.

Они растут вовсе не в какой-то особой теплице, а в обычной школе, где рядом с сыном профессора и инженера учится сын рабочего и крестьянина.

Я спросил у одного из мальчиков, который собрал редкую коллекцию горных пород, что увлекает его в этом коллекционировании. Он мне ответил:

- Я все время изучаю землю снаружи и внутри.

- Почему ты заинтересовался этим делом?

- Я прочел когда-то путешествие "К центру земли" Жюля Верна.

- А чем занимается твой отец?

- Кочегар. Работает на "Красном Гвоздильщике".

Эти ребята роются на полках детских библиотек в поисках утоляющей книги.

Они учатся у классиков, но они вовсе не изолированы и от современной советской поэзии.

Из всех песен они больше всего любят партизанскую песню, которую сейчас поют красноармейцы.

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед,

Чтобы с бою взять Приморье,

Белой армии оплот.

Они бережно хранят в памяти детские стихи, которые читали еще до школы.

Среди длинных и торжественных стихов попадаются такие:

Бортмеханик

И пилот

Быстро входят

В самолет.

. . . . .

Завертелся

Винт мотора,

Затрещал он

Скоро-скоро.

Быстро двинулся

На взлет

По площадке

Самолет.

Набирая

Быстроту,

Поднимаясь

В высоту.

Алюминиевые

Птицы

СССР

Хранят границы.

(Мальчик 11-ти лет)

В этих стихах, несомненно, сказалось влияние нашей советской поэзии для детей. Тут есть и словесная скупость (почти одни глаголы и существительные), и ритмическая четкость, и тема движения, очень характерная для тех наших поэтов, которые пишут стихи для маленьких читателей.

Но все то, что ребята берут от современной поэзии, и взрослой и детской, они как бы устанавливают на прочном постаменте классического стиля, если понимать этот стиль в самом широком смысле, включая сюда и большую, значительную тему, и строгую, чистую форму.

Это радостное и замечательное явление.

Значит, правда, что у нас уже создается большая и самая демократическая из всех культур, если даже первая прививка, первые годы всеобщей грамотности дают такие ростки.

ШУТ КОРОЛЯ ЛИРА

В трагедии "Король Лир" песенки шута занимают не слишком большое месте. Да и вся роль шута невелика. Она почти ничего не вносит в сюжетное движение шекспировской пьесы. Шут только откликается на то, что происходит и на сцене, и за пределами сцены - в современном ему обществе, - откликается то краткой эпиграммой, то целой обличительной тирадой.

Переводить эти песенки нелегко.

Меткость и ясность суждений, продиктованных народным здравым смыслом, сочетаются в них с причудливой, нарочито дурашливой формой. Философское, этическое и даже политическое содержание песенок шута почти всегда замаскировано, упрятано в загадку, в пословицу, в шутку, как будто бы простодушную и ребячливую. По существу же самый взрослый персонаж в трагедии - именно шут, видящий подоплеку всех отношений и трезво их оценивающий.

Для того чтобы перевести его стихотворные реплики, нужно сначала раскрыть, расшифровать подчас загадочный смысл подлинника, а потом вновь замаскировать его, облечь в уклончивую, игривую форму прибаутки.

Пословица, поговорка трудно поддаются переводу. Они своеобразны и сопротивляются пересадке на чужую почву. Буквальный перевод - слово за слово - может их убить.

Для каждой шутки, для каждой пословицы, для каждой присказки нужно найти в своем языке равноценную шутку, пословицу, присказку. Только тогда перевод будет точен не в школьном, а в поэтическом смысле этого слова. Только тогда в нем можно будет узнать подлинник.

В этом-то и, заключалась сложность перевода песенок шута.

Мне хотелось сохранить в переводе и предельную лаконичность подлинника, и его свободную непринужденность, которая заставляет верить в то, что каждая реплика шута рождается тут же на сцене, как острое словцо, сказанное вовремя и к месту, как счастливая импровизация.

Шут не лезет за словом в карман. Не задумываясь, он бросает как будто бы первые пришедшие ему на язык слова, но эти слова бьют метко, клеймят беспощадно.

В его песенках редко можно найти прямое обращение к тому или другому герою трагедии, но и сценическим персонажам, и зрителям совершенно ясно, кого имеет в виду шут, когда в присутствии неблагодарной королевской дочки он произносит насмешливые стихи:

Вскормил кукушку воробей

Бездомного птенца,

А та возьми да и убей

Приемного отца!

А иной раз реплики шута направлены не против персонажей трагедии, находящихся тут же на сцене или за кулисами, а метят дальше и шире. Голос шута становится громким и патетичным:

Тогда-то будет Альбион

До основанья потрясен,

Тогда ходить мы будем с вами

Вверх головами, вниз ногами!

Живую и разнообразную импровизацию, врывающуюся в текст трагедии Шекспира, мне хотелось донести до советского зрителя, не утратив ее непосредственности и остроты.

В поисках того варианта, который был бы наиболее выразителен и более всего соответствовал бы требованиям театра, я переводил каждую из песенок шута по три, по четыре раза.

О том, удалось ли мне справиться со всеми трудностями, пусть судят читатель и зритель. Мне же эта работа, сделанная по предложению Малого театра в Москве и Большого драматического в Ленинграде, доставала немало забот, но и немало радости.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Много раз случалось мне за эти четырнадцать месяцев войны видеть на железнодорожных станциях, на рельсовых путях длинные цепи вагонов, из окон которых выглядывали только дети, - множество белокурых, темных и золотисто-красных головок в каждом окне.

Издали эти поезда казались веселыми. Дети - всегда дети. Детские вагоны полны шума и суеты, полны какого-то нетерпеливого ожидания. Маленькие пассажиры кого-то зовут, кому-то машут руками, выскакивают на площадки, высовываются из окошек.

Но если приглядеться к каждому ребенку в отдельности, нельзя не заметить, что многие из этих шести-семилетних путешественников перестали быть детьми, оставили свое детство где-то далеко - там, где сгорели их дома, где у них на глазах были убиты их отцы и матери.

С такими детьми нелегко заговорить. Страшно разбудить в них память, которая вновь заставит их пережить то, что не по силам перенести и взрослому.

Детей увозят от войны в края, куда не долетают самыо мощные самолеты врага, где земля не вздрагивает от взрывов фугасных бомб и артиллерийских снарядов, где дома стоят совершенно целые и невредимые, со всеми стеклами в окошках и вечером за этими стеклами беспечно зажигается свет.

По нынешним временам даже трудно себе представить, что есть такие края. Дети едут туда, веря и не веря рассказам взрослых.

А в этих сказочных краях их ждут. Освобождают для них, достраивают и приводят в порядок просторные дома.

Тысячи детей найдут приют в этих домах. Но многие из ребят растекутся по городам и деревням, попадут в семьи врачей, учителей, кузнецов, колхозников. И эти семьи станут для них родными.

В плодоносном Советском Узбекистане, где почти круглый год что-нибудь цветет и зреет, пожилой кузнец Ахмед Шамахмудов за один последний год стал отцом четверых детей. И дети у него все разных национальностей и разных фамилий: Рая Мальцева - белорусска, Малика Исламова - татарка, Володя Урусов - русский, а четвертый сын Ахмеда - безымянный двухлетний мальчик неизвестного происхождения. Ахмед сам дал

ему имя - Ногмат, что значит "дар".

Весть о большой семье кузнеца Шамахмудова разнеслась по всей нашей стране, дошла и до фронта.

Ахмед получил письмо и денежный перевод с передовых позиций. Старший лейтенант Левицкий прислал ему несколько сот рублей - большую часть того, что получает в месяц командир его звания - и обещал посылать столько же ежемесячно до тех пор, пока будет жив. Ему хочется помочь Ахмеду хоть чем-нибудь в воспитании детей.

Ахмед не знал, как поступить с деньгами. Всех четверых детей он уже привык считать своими, а брать у кого-то деньги на то, чтобы кормить и одевать свою семью, ему казалось странным. Отказать же хорошему человеку он тоже не хотел - зачем обижать его!

Ахмед Шамахмудов подумал и взял на воспитание еще одного сына - пятого - украинца Саню Брынина.

У Сани - два приемных отца: узбекский кузнец, которого он только что увидел, и русский лейтенант, которого он, может быть, не увидит никогда.

У этого русского лейтенанта были и свои дети. Теперь их нет - их совсем недавно убили немцы.

Человек, так жестоко и бессмысленно ограбленный, сохраняет в душе только большие простые чувства. Эти чувства - любовь и ненависть. Они тесно переплетаются между собой и питают друг друга.

Лейтенанту Левицкому не нужно было видеть своего маленького приемного сына, чтобы отдать ему нерастраченную нежность, чтобы по первому порыву взять на себя заботу о нем.

С такой же силой ненавидит русский лейтенант того неизвестного ему немца, с которым он завтра или даже сегодня, - может быть, через какой-нибудь час встретится в бою лицом к лицу. Этот неизвестный немец родной брат того, который убил детей лейтенанта, и соучастник его преступления. Оба они послушны одной и той же злой воле, которая снесла с лица земли столько теплых домашних очагов и уничтожила на этой земле счастье.

Вот уже несколько лет люди чуть ли не на всей вашей планете лишены самых простых и самых драгоценных своих прав. Им мешают любить, создавать семью, воспитывать детей, возводить дома и города, заниматься наукой, путешествовать, строить планы будущего. Люди перестали верить в прочность своего дома, своей семьи, своей собственной жизни.

И чем дороже нам прелесть земного бытия во всем его разнообразии, чем сильнее мы любим жизнь, тем глубже ненавидим мы смертоносную машину, работающую день и ночь для ограбления, уничтожения и порабощения человека.

В наши дни у нас нет и не может быть других желании, кроме желания остановить и уничтожить эту машину, кромсающую жизнь.

Во время защиты Севастополя пятеро черноморских моряков обвязали себя гранатами и бросились под гусеницы неприятельских танков, чтобы ценой своей гибели задержать и сломить напор врага.

А на Балтийском море краснофлотец Сидоренко бросился в воду и руками отвел мину от своего корабля. Четыре часа он провел в соседстве со смертью, предупреждая проходящие суда.

- Осторожно! Мина!

На Южном фронте летчик, у которого во время боя загорелся самолет, бросил его, как зажигательный снаряд, на немецкие цистерны с нефтью и бензином.

Это - не единственный случай.

Другой летчик, подбитый над вражеским аэродромом, спокойно и трезво выбрал цель

- несколько "мессершмиттов", стоявших рядом на линейке - и обрушился на них с высоты. Его раненый истребитель при падении вспыхнул, а вместе с ним загорелись ярким, высоким пламенем фашистские "мессершмитты".

Гибель этих молодых людей и тысяч им подобных, всех этих юношей, которые без оглядки отдают свою единственную, свою неповторимую жизнь, возлагает на нас, на каждого из нас, огромную ответственность.

Не ради разрушения нескольких цистерн с горючим или трех-четырех "мессершмиттов" обрекли они себя на смерть, - слишком велика бы была цена этим цистернам и "мессершмиттам"! - а для того, чтобы силой своей любви и ненависти сломить жестокую, темную волю, направленную на уничтожение всего, что нам дорого на земле.

В Москву, через линию огня, привело письмо из отдаленного района, в котором уже целый год хозяйничают немцы.

Таких писем приходит из глубокого немецкого тыла немало, а сколько их, вероятно, пропадает в пути, вместе с теми людьми, которые берутся их доставить. Но это письмо трогает и волнует больше многих других - не менее замечательных - писем.

Эти несколько страничек представляют собой скромный и добросовестный отчет о простых делах, в которых не было бы ничего удивительного, если бы они не совершались под дулом вражеского автомата. В конце письма стоят подписи нескольких десятков деревенских девушек.

"Вы знаете, - пишут они, - что почти все наши юноши ушли в Красную Армию и партизанские отряды. На нашем собрании присутствует только один молодой парень, а все остальные - девушки. За время нашей работы мы приготовили больше 750 подарков для партизан и для Красной Армии, сшили 250 рубашек, выстирали 1500 пар белья, ухаживали за ранеными бойцами, помогали в сборе продуктов..."

Письмо спокойное и обстоятельное. Шили рубашки, стирали белье, ухаживали за ранеными...

Недосказано в письме только одно: в какой смертельной опасности делались все эти простые дела.

Раненые бойцы или партизаны, за которыми ухаживали девушки, лежали не на лазаретных койках, а где-нибудь в сарае, в погребе или в лесу.

Перевязать им раны или выстирать их окровавленное белье в деревне, занятой немцами, было не менее опасно, чем руками отвести мину от борта корабля.

"У нас в селе, - говорится в этом самом письме, - расстреляно 25 девушек и парней, а одну девушку - Нюру Казанову - закопали в землю живьем за то, что она отказалась работать на фрицев..."

И все-таки девушки собираются и пишут в Москву это тайное письмо, которое может стоить им жизни, и берут на себя новые обязательства, и клянутся их выполнить.

Нет никакого сомнения - они выполнят свою клятву!

Их поддерживает уверенность в том, что они не напрасно рискуют и жертвуют своей жизнью. Пусть только случайно, только урывками доходят до них правдивые вести о тех великих битвах, которые идут на "большой земле" - за вражеским кольцом, окружившим их родной край. Они и без вестей знают, что кольцо это рано или поздно будет прорвано, и делают все, что в их силах и даже больше их сил, чтобы пробиться изнутри навстречу тем, кто идет к ним на выручку.

Работая ночью над рубашкой для бойца или укрывая от немцев собранный в поле хлеб, они сознательно и ответственно борются с бездушной и враждебной всему человеческому гитлеровской системой. Они знают, что с ними их родина, с ними лучшие люди "большой земли".

Их надежды должны быть оправданы. Их подвиг не будет напрасным!

Сегодня у нас в Доме писателей новый год.

Мы начинаем рабочий год нашей комиссии по детской литературе.

Какие задачи ставим мы перед собой?

Лучше и проще всего они выражены в памятном постановлении ЦК партии.

"Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства.

Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее вопросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия..." {1}

Если эти слова постановления относятся ко всей литературе в целом, то, разумеется, прямее всего они относятся к литературе, встречающей человека на самом пороге жизни, то есть к детской и юношеской.

Что же мы должны делать для того, чтобы и в этой области советской литературы способствовать осуществлению стоящих перед нами больших целей?

Каждый из писателей решает эти задачи по-своему за своим письменным столом.

Каждый педагог повседневно решает задачи коммунистического воспитания у себя в школе, в детском саду, в детском доме.

Каждый библиотекарь - у полки с книгами.

Но у всех у нас есть потребность и даже необходимость, пройдя какой-то, хотя бы небольшой, участок пути, оглядеться, сделать выводы, обменяться скопившимися мыслями с товарищами, идущими бок о бок с нами.

Вот для этой-то дели мы и создали этот наш так называемый лекторий.

Собственно говоря, я не думаю, что название это вполне соответствует задаче.

Когда мы, группа писателей, собирались в соседнем доме или на Спиридоновке лет пятнадцать тому назад для встреч с Алексеем Максимовичем Горьким и слушали его живые, практичные и в то же время всегда высоко принципиальные, философски направленные замечания и мысли по поводу детской литературы, - мысли, вызывавшие непосредственный ответ слушателей, - нам и в голову не приходило, что мы находимся в каком-то лектории.

Но дело не в названии. То, что мы называем здесь лекциями, есть попытка продолжить эти живые беседы людей, непосредственно и горячо заинтересованных в судьбах нашей детской литературы, занимающихся ею изо дня в день.

Писатель, педагог, библиотекарь, студент, изучающий эту область литературы, должны найти здесь товарищескую; среду, с которой они могут поделиться результатами своей работы, если эта работа касается боевых, сегодняшних наших задач.

Мы начинаем наши занятия словом, посвященным Виссариону Григорьевичу Белинскому.

"В. Г. Белинский и детская литература" - так называется нынешнее выступление Ивана Игнатьевича Халтурина {2}.

Мы вспоминаем сегодня великого русского критика не только в связи с его юбилейным годом.

Белинский - это не вчерашний день.

Он для нас непревзойденный образец критика, сочетавшего в себе публициста, борца, педагога в самом высокими смысле этого слова, философа и поэта.

Его статьи о детской литературе полны мыслей о воспитании, которые и до сих пор

не утратили своей действенности, свежести и остроты.

Прочтите его статьи и рецензии, в которых он касается отдельных детских книг, и вы найдете целый поток мыслей - и не только о литературе для детей, но и о воспитании в целом.

Вы найдете страстную и беспощадную критику, направленную не только против ремесленников, стряпающих по скучному рецепту "плохо склеенные рассказы, приправленные резонерскими сентенциями" {3}, но и против родителей, беззаботно и бездумно относящихся к ответственной задаче воспитания растущего человека.

Читая горячие, взволнованные строки Белинского, где одна мысль обгоняет другую, видишь, что эти мысли родились не в процессе писания статьи, а задолго до того - вместе с мыслями о путях развития русского общества, о судьбах родины. Да иначе и быть не может, Вопросы воспитания неотделимы от всех больших, боевых вопросов современности.

Не надо быть профессиональным педагогом, чтобы думать о воспитании юношества.

Не надо быть специально детским писателем, чтобы думать о детском чтении, - и лучшим примером этому может служить Горький,

Не надо быть критиком - специалистом по детской литературе, чтобы писать о ней с живейшим интересом и пониманием ее большого значения и задач, - и этому пример - Белинский.

Перед памятью Белинского да смутятся и покраснеют многие из наших критиков, которые с академической важностью заявляют:

"Разумеется, детская литература - дело весьма, почтенное, но мы в ней ничего не понимаем. Пусть об этом пишут специалисты!"

И если наши журналы - толстые и тонкие, если наши газеты - большие и маленькие, молчат о детской литературе, только изредка прерывая свое молчание краткими сообщениями ТАСС о результатах конкурса в Министерстве народного просвещения, то это означает, что критики не помнят ни Белинского, от которого они как будто бы ведут свою родословную, ни постановления: ЦК партии, так четко говорящего о воспитательных задачах советской литературы.

Белинский нам дорог не как материал для удобных цитат, не как позолоченная икона. Он бы не простил нам такого отношения.

Мы чтим в нем страстного полемиста, пробивавшего рыхлую толщу косности, равнодушия и благополучия.

Мы чтим в нем критика, умевшего от частности, от разговора об одном стихотворении, рассказе или детской сказке переходить к большой социальной и философской теме, видеть в малом целый мир.

Пожалуй, статья Белинского о "Сказках дедушки Иринея" дороже и ценнее для нашей литературы, чем самые сказки, о которых идет речь в статье. Сказки-то к нашему времени несколько устарели, а статья о них до сих пор горит живой мыслью и вдохновляет нас на работу сегодняшнего дня.

Ведь именно в этой статье о детских сказках дедушки Иринея сказаны им знаменитые слова, так удивительно перекликающиеся с одной из важных тем нашего сегодняшнего дня:

"Давайте детям больше и больше созерцание общего, человеческого, мирового, но преимущественно старайтесь знакомить их с этим чрез родные и национальные явления: пусть они сперва узнают не только о Петре Великом, но и об Иоанне III, чем о Генрихах, Карлах и Наполеонах. Общее является только в частном: кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству".

Белинский с пренебрежением говорит о назидательных или слащавых книжках, которые дарят детям богатые литературы англичан, французов и немцев.

"У французов, например, - говорит Белинский, - писали для детей Беркен, Бульи,

Жанлис и прочие, написали бездну, но дети от этого нисколько не богаче книгами для своего чтения".

Любопытнее всего, что на Западе до сих пор кормят детей книжками, которые значатся у Белинского под рубрикой "Жанлис и прочие".

Полтора десятка лет тому назад в Париже я видел в руках у детей и повести мадам Жанлис, и книжки мадам Сегюр, от которых, по словам Белинского, дети не стали богаче.

В противовес "дурно склеенным рассказам, пересыпанным моральными сентенциями", цель которых "обманывать детей, искажая в их глазах действительность", Белинский бережно отбирает для детей книжку за книжкой из русской и мировой литературы, как это делал на наших глазах основоположник советской литературы Алексей Максимович Горький.

Оба они боролись с попытками холодных резонеров убить в детях воображение, "живость, резвость и шаловливость, которые составляют необходимое условие юного возраста".

Оба они говорили о высоком призвании детской литературы.

У нашей советской литературы для детей замечательные традиции. Она взлелеяна великим писателем-революционером Горьким и окружена заботой партии и Советского правительства. Ей предстоит светлое будущее, а наш долг - долг поэтов, прозаиков, критиков и педагогов - собирать ее день за днем, отмечать ее успехи и неудачи, не забывая ни на минуту, что детская книга не в меньшей степени, чем школа, призвана воспитывать строителей нашего будущего.

Я не профессиональный педагог. Но мне хотелось бы поделиться с вами, теоретиками, методистами и практиками педагогического дела, некоторыми соображениями, накопившимися у меня, литератора, за долгие годы моего общения с детьми.

Как известно, игра - одна из существенных потребностей растущего человека. Но играет он всегда всерьез. Если бы вы убедили его, что деревянная лошадь или палка, на которой он ездит верхом, не настоящий конь, игра потеряла бы для него всякий смысл. И если бы вам удалось внушить подростку, жадно глотающему фантастическую повесть или сказку, что "это все про неправду написано", вы неизбежно охладили бы читательский пыл.

Подлинный секрет детской книги в том, что автор ее умеет играть со своим читателем и в то же время быть с ним вполне серьезным. Без этой серьезности детская книга впадает в фальшь и сюсюканье, а без игры - в назидание.

Лучшим примером очень серьезной и очень увлекательной игры с читателем была всесоюзная игра в тимуровцев, которую затеял когда-то Аркадий Гайдар.

Дети любят большие, смелые и ответственные затеи.

В последние годы своей жизни Алексей Максимович Горький сговорился с пионерами - жителями далекой Игарки, о том, что они напишут при его помощи и поддержке историю родного края. Многие из этих пионеров были ровесниками своего заполярного города, а иные из них даже могли вспомнить, первые его улицы и дома.

414

Горький написал пионерам Игарки замечательное, глубоко поэтическое ниеьмо, благословляющее и вдохновляющее авторов на это необычное дело.

Он предложил им самый общий, самый краткий план, полагаясь на собственную инициативу юных историков.

И ребята вполне оправдали надежды Горького. Они основательно поработали и выпустили памятную книгу "Мы из Игарки".

Дело воспитания требует терпеливой и кропотливой работы с детьми. Но наряду с этой кропотливостью нужен и широкий размах, нужно полное доверие к силам и

возможностям юного человека.

А главное, ребенок должен видеть перед собой цель, ради которой стоит мобилизовать все силы.

Цель - близкую или далекую - ему непременно надо видеть или угадывать и тогда, когда он играет гаммы, обучаясь музыке, и тогда, когда он решает задачи, учась арифметике или алгебре.

Я часто думал о том, как медленно и вяло обучаются ребята в школе иностранным языкам. Целые годы пишут они упражнения, учат слова, читают стишки и рассказцы, а в конце концов выходят из школы, так и не зная языка.

А между тем я встречал людей, которые в течение года так овладевали английским языком, что свободно читали Диккенса и даже Шекспира.

Но у этих людей была ясно осознанная цель. Они очень хотели знать язык, они стремились запомнить как можно больше слов и как можно лучше усвоить обороты чужой речи.

Надо поставить перед собой большую задачу, чтобы идти к ее разрешению широким, а не черепашьим шагом.

Я отнюдь не предлагаю прибавить лишнюю тяжесть к той школьной нагрузке, которую несут наши ребята. Для того, чтобы больше успевать, не всегда надо тратить больше времени. Труд, окрыленный интересом к делу, легче, а не тяжелее труда, выполняемого по обязанности.

Учение в школе и пионерская работа должны быть для ребенка и подростка не только подготовкой к жизни, но и самою жизнью в полном смысле слова, В игре да и в решении интересной, увлекательной задачи дети живут этой полной жизнью и готовы преодолевать любые трудности.

Чтобы пионерская работа была достаточно заманчивой, она, как и детская литература, должна стать разнообразнее, если можно так выразиться, "сюжетнее".

Я уже упоминал о чудесной инициативе Горького, сплотившей ребят вокруг интересного дела - истории города.

Такого рода затеи, способствующие углублению школьных знаний, - по истории, географии, родному языку, физике, математике, естествознанию, прямое дело пионерской дружины. Но не надо забывать, что Горький не просто посоветовал ребятам изучать свой край, а дал им сюжет, придумал занятную задачу - создание книги.

Целый поток вполне конкретных и вполне осуществимых дел показал детям их умный друг Гайдар, затеяв тимуровское движение.

Конечно, нам незачем создавать среди ребят какую бы то ни было новую организацию, параллельную пионерской.

Но в самом пионерском движении должна постоянно проявляться живая, свежая, новая инициатива, питающая это движение, как бьющие со дна ключи питают реку.

Как много инициативы и выдумки может проявить пионерская организация, стремясь помочь юному ленинцу стать умелым, ловким мастером на все руки, человеком, не теряющимся ни при каких обстоятельствах. Пусть дружины спорят между собой о том, какая из них лучше подготовит своих пионеров к ботанической, геологоразведочной или археологической экспедиции.

В городе Аксае, еще недавно бывшем станицей, я видел великолепный краеведческий музей, созданный руками педагогов и ребят. Собирание экспонатов - образцов краевой флоры, раскопки, в результате которых были найдены кости ископаемых животных, старинные монеты и утварь, - все это дало ребятам не только новые знания, но и прекрасную техническую подготовку к будущим экспедициям. Процесс подготовки иной раз ценнее конечной цели, но без увлекательной цели не будет и подготовки.

В каждом маленьком деле целесообразность и целеустремленность - залог успеха.

Но не только расширение кругозора ребят и приобретение ими практических, полезных для деятельной жизни навыков может и должно быть содержанием воспитательной работы среди пионеров. Пожалуй, существеннее всего - воспитание чувств, моральное воспитание.

Поверхностные беседы на всякого рода нравоучительные темы, чтение беглых и схематичных книг, в которых герои легко делятся на "положительных" и "отрицательных", а моральные проблемы решаются чрезвычайно просто и легко - по "шпаргалке" автора, - во всем этом мало проку.

Недавно директор одной из московских школ рассказал на совещании в Центральном детском театре такой эпизод. В классе писали сочинения на тему "Кем я хочу быть". Это было в конце войны. Юноша, числившийся хорошим учеником и неплохим комсомольцем, написал несколько патетических страниц о том, что у всякого истинного патриота в эти дни одна дорога - на фронт.

Сочинение всем очень понравилось, произвело впечатление.

Однако, окончив школу, автор сочинения избрал для себя такое учебное заведение, которое бронировало его от призыва на военную службу. И только по окончании войны он перевелся в институт, более соответствовавший его влечениям, но не защищавший в свое время от фронта.

На поверхностный взгляд юноша не совершил ничего предосудительного. Формуляр его в полном порядке. Но, может быть, именно такие внешне "безобидные" факты дают более содержательный материал для обсуждения, чем случаи явного нарушения дисциплины или этики.

Книга, конечно, может послужить прекрасным поводом или трамплином для начала горячего спора о разных проблемах поведения. Но для этого она должна быть достаточно сложной, без подсунутых под руку ответов на все возникающие вопросы. Надо уметь находить такие книги в классической и современной литературе, уметь связывать их с сегодняшним днем.

Подрастающий человек воспитывается не только в школе и в отряде. В сущности, у большинства городских ребят три различных облика, три обособленных одна от другой жизни: в школе, дома и на дворе или на улице.

И, конечно, активнее всего ребенок именно на улице, на дворе. Иные родители, наблюдая своих ребят в уличной обстановке со стороны, издали, не узнают их. Повадки, голоса, обороты речи - все это у них на дворе другое, недомашнее, незнакомое. Оттуда, со двора, с улицы, ребята приносят домой такие лихие и зазвонистые словечки, что родители подчас только диву даются, - откуда это взялось? На дворе, на улице ребят подстерегают самые серьезные испытания и опасности, самые неожиданные впечатления и влияния.

Я далек от мысли, что детей следует опекать и в школе, и дома, и даже на дворе. Наоборот, им всюду надо предоставлять достаточную долю свободной инициативы. Но нельзя упускать из виду ту значительную часть их жизни, кото-" рая протекает вне стен класса, пионерской комнаты и дворца пионеров, - жизнь во дворе, на лестнице, у ворот гаража, на каком-нибудь пустыре, который служит им импровизированной футбольной площадкой, у дверей кино или в маленьком скверике - подальше от глаз взрослых.

Хотелось бы, чтобы пионерская работа проникала глубже в быт наших ребят. Настоящие педагоги-общественники, талантливые вожатые должны идти навстречу жизни - именно туда, где они особенно нужны.

Я знаю, что для ребят, не имеющих возможности выехать за город, во дворах больших, густонаселенных домов устраивают кое-где летние городские лагеря. Это хорошая затея. Но таких лагерей пока еще мало, и далеко не всегда они успешно справляются со своей задачей - стать центром жизни слоняющихся по двору или по улице ребят. В лучшем случае эти лагеря организуют за лето несколько загородных экскурсий или прогулок по городу. В худшем - во дворе устраивают что-то вроде

площадки, посреди которой появляется беседка в виде гриба, качели да передвижная библиотечка, которая раз в неделю выдает книги.

А между тем было бы очень хорошо, если бы двор большого дома превратился бы в форпост пионерской работы, который мог бы служить заслоном, предохраняющим ребят от многих опасностей улицы.

Но нужно найти настоящее, живое и крупное дело, чтобы оно могло отвлечь ребят от досужего пересмешничества, драки или картежной игры на лестнице.

Этим делом могут быть и какие-нибудь очень интересные чтения, и драматическая постановка, и спорт, и создание сада там, где его до сих пор не было.

Прошлым летом мне довелось познакомиться с любопытным и достойным всяческого уважения начинанием.

В одном из самых населенных районов Москвы талантливая и энергичная женщина - деятельница общества озеленения Москвы - создала на клочке земли среди двора, где прежде сваливали мусор, замечательный цветник. Этот крошечный ботанический сад, в котором велась серьезная селекционная работа, привлек к себе внимание ребят чуть ли не всего района. Получая от садоводов семена, рассаду, а также советы и указания, многие ребята завели и у себя во дворах цветники, ютящиеся между домами, гаражами, сараями и водосточными канавами. Нелегко им это далось: они выдержали долгую и упорную борьбу не только с бесплодной, окаменевшей почвой, но и с хищниками - соседскими ребятами, которые, подобно диким ордам, то и дело вытаптывали и разоряли грядки.

Но эта непрестанная борьба воспитала в маленьких мичуринцах такую любовь к природе и к своему делу, какую редко можно наблюдать на благоустроенных станциях юных садоводов.

Юннатская работа приобрела здесь характер боевой, почти героический.

А ведь мобилизовать волю ребят, увлечь их каким-нибудь делом, легче всего именно тогда, когда они чувствуют себя партизанами, участниками идейного, боевого движения.

Всесоюзная пионерская организация - это большая сила. Стоит положить много труда и много мысли, чтобы обогатить содержание ее работы.

Алексей Максимович Горький мечтал когда-то о созыве большого съезда, посвященного делу воспитания подрастающих советских людей. В этом съезде, по его мысли, должны были принять участие не только профессиональные, но и не профессиональные педагоги, то есть люди самых разнообразных специальностей, объединенные интересом и любовью к детям и желающие передать свой опыт будущим поколениям. Быть может, со временем эта идея Горького осуществится. А пока было бы чрезвычайно важно расширить круг людей, способных проявить в деле воспитания живую инициативу, то есть привлечь к делу именно тех "непрофессиональных" педагогов, о которых говорил Горький.

С помощью наших газет и журналов можно поднять, всколыхнуть педагогическую мысль страны, вызвать к деятельности новые, свежие силы и получить множество ценных практических предложений и советов.

Я вовсе не театральный деятель, но, будучи писателем, в какой-то мере связан с театром. И сегодня я бы хотел поделиться с вами несколькими мыслями, которые, может быть, найдут у вас некоторый отклик.

Это была очень хорошая идея - собрать нас вместе для того, чтобы мы смогли сообща оглядеть, что представляет собой подготовленная предшествовавшими поколениями театральная культура нашего времени, что внес и вносит в нее, каждый народ.

Искусство обладает волшебной способностью преодолевать преграды расы, национальности и традиции, заставляя людей сознавать свое всемирное братство. Научные и технические успехи какого-нибудь народа завоевывают ему уважение и

восхищение, но творения искусства заставляют всех полюбить этот народ.

Каждая нация вложила свой вклад в могущественное Здание мирового искусства. Свод за сводом возводятся над краеугольными камнями Шекспира, Лопе де Вега и Гольдони. Эти своды перекрывают океаны и континенты. Чем серьезнее и честнее художник творит для собственного народа, тем интернациональнее могут стать результаты его творчества, ибо настоящее искусство достигает других частей мира, только если оно пустило глубокие корни в почву народной культуры. Такие подлинно национальные драматурги, как Шекспир, Мольер, Бомарше, Гольдони, Шеридан и Бернард Шоу или Гоголь, Толстой, Чехов и Горький, стали достоянием всего человечества.

Наш великий поэт Александр Пушкин, русский до глубины души, которому было свойственно тончайшее проникновение в искусство и литературу других народов, с нежностью говорил: "Отец наш Шекспир" {1}. А сколько сегодняшних драматургов, в каком бы государстве они ни жили, могли бы сказать о Чехове "Отец наш"?

Но художники не копируют друг друга. Они влияют один на другого так, как итальянцы влияли на Шекспира или как Шекспир влиял на драматургию Пушкина.

Такое влияние необходимо для расцвета искусства. Как невозможно при закрытых окнах проветрить комнату, так нельзя уловить свежих дуновений искусства, если окна стран не будут распахнуты навстречу друг другу.

Этой встречей в Лондоне мы открываем окна и проветриваем комнату. И, быть может, никогда еще проветривание не было более своевременным. Духота и напряженность атмосферы современного мира не могут не действовать на художника. К счастью, появляются признаки ослабления этой напряженности, которому нам, деятелям искусства, следует всячески способствовать. Кто же несет большую ответственность, кто же сильнее влияет на мысли людей, чем писатель, поэт, артист?

Человеческими сердцами в собственной стране и за рубежом драматургу легче завладеть, чем другим писателям. Он говорит не только словами, но и действием - языком, понятным всем людям, независимо от их опыта. Вот почему у Шекспира такая большая, такая долгая мировая история. Французский, немецкий, русский Шекспир - как он различен на каждом языке и как в то же время един.

Когда я переводил лирику Шекспира, его бессмертные сонеты, я понял, насколько медленнее просачивается лирическое слово, чем слово, произнесенное со сцены и подкрепленное живым действием. Я был далеко не первым переводчиком сонетов на русский язык {2}, но только в наше время они наконец дошли у нас до сотен тысяч читателей. А между тем самые первые, давние, робкие и приблизительные переводы и даже пересказы трагедий и комедий Шекспира (они появились у нас в середине XVIII века) сразу вышли на русскую сцену и завоевали сердца зрителей. Чуть ли не каждое поколение создавало у нас свои новые переводы Шекспира, все более близкие к подлинникам и все более поэтические.

И это не только победа великого драматурга, но и победа жанра, пользующегося звучащим словом, жестом, движением.

Драматургия, даже сложная, скорее окажется понятной и доступной самому наивному в неподготовленному зрителю. Но такая доступность ответственна и ко многому обязывает.

Тот, кто умеет говорить громко, должен говорить хорошо и о достойных предметах.

Конечно, бывают случаи, когда громким голосом пользуются для того, чтобы браниться, злословить, клеветать или рекламировать с экрана и со сцены дурной товар. Но этот шум - не искусство, и он никогда не удерживается на долгое время.

Если оглянуться на произведения искусства, которые пережили, не потеряв свежести и обаяния, хотя бы два поколения, видишь, что они построены на крепкой этической основе. Такое искусство человечно в самом прямом смысле Этого слова.

У Чехова и Горького, как и у Бернарда Шоу, было много современников-драматургов, пьесы которых пользовались успехом. Однако эти пьесы сошли со сцены и забыты, и дело здесь не в недостатке таланта. Или, вернее сказать, недостаток таланта -

это неумение говорить о главном, о самом существенном для жизни человечества.

В наше время самое важное для жизни человечества - это мир и дружественное общение между народами и странами, какой бы политической системы и веры они ни придерживались. О чем бы ни говорил художник сегодня, он не может и не должен этого забывать.

В конце концов самая высшая оригинальность достигается тогда, когда художник различает в беглой смене дней движение истории, когда он видит в тысяче противоречивых мелочей одну большую и простую правду. И быть может, более всего художник отвечает перед молодежью, которая будет продолжать наше дело, когда нас не станет.

В 1916 году, когда мир был охвачен пламенем первой мировой войны, Максим Горький, смело борясь с царившим тогда военным психозом, написал Ромену Роллану письмо, в котором предлагал ему написать книгу для детей о жизни Бетховена {3}. Тогда же он просил Уэллса написать биографию Эдисона, а Нансена - биографию Христофора Колумба. Сам он брался писать о Гарибальди, обещая организовать издание всех этих книг.

"Наша цель, - писал Горький Роллану, - внушить молодежи любовь и веру в жизнь".

Разве в наши дни рта цель не является столь же важной?

Больше, чем когда бы то ни было, молодежь всего мира, та молодежь, -которая еще помнит последнюю войну и слишком много слышит о будущей, нуждается в том, чтобы ее учили любить жизнь и верить в нее.

Лучший учитель в этом деле - искусство. Искусство учит по-своему: радостью, игрой, эстетическим наслаждением. И настоящее искусство никогда не отрывает красоту от правды, эстетику от этики.

Правда, все мы знаем, что искусство нередко низводят до роли изнеженной, праздной, прихотливой любовницы, у которой одна забота - быть обольстительной. Но гораздо больше искусству идет величавая и скромная роль хозяйки дома, полной материнской заботы о судьбах растущих поколений.

Я отнюдь не хочу сказать, что эта хозяйка дома должна ходить в переднике, не расставаться с пыльной тряпкой и читать по каждому поводу плоские наставления.

Подлинная мораль искусства слишком сложна для того, чтобы преподноситься по заказу в готовом виде.

Невозможно уложить в какую-то формулу или часто даже расшифровать мораль комедий или трагедий Шекспира. И все же они не лишены морали. Торжество ума, бескорыстия и благородства в комедиях и те катастрофы, которые так потрясают зрителя в трагедиях, - разве они не ведут нас к моральному выводу, хоть мораль здесь не плавает на поверхности, а обнимает нас, как вдыхаемый нами воздух. И то же самое можно сказать о театре совсем другого времени и характера, - например, о пьесах Ибсена, Гауптмана, Чехова и Горького.

Недаром же все эти пьесы так широко идут во всех странах. После 1917 года театры появились там, где так недавно были непроходимые чащи и голые пустыни. Можно с уверенностью сказать, что Шекспир, Мольер, Лоне де Вега, Толстой и Чехов нигде не располагают такой огромной и такой непосредственной аудиторией, как в нашей стране.

Театр стал частью и участником нашей жизни. В каждой из республик Советского Союза растут свои драматурги, режиссеры, актеры, художники сцены. Жители даже самого маленького города с гордостью покажут вам свой театр. А в деревне, в колхозе, вы почти повсюду найдете любительские театры, в которых идут классические и современные пьесы.

Среди всех этих театров я хотел бы отметить одну категорию, возникшую после революции. Я говорю о театре для детей, который обладает, быть может, самым ответственным воспитательным влиянием.

До революции столичные и крупные провинциальные театры ставили иногда утренние

спектакли для детей. Эго делалось по большим праздникам, чаще всего с коммерческой целью. Репертуар этих утренников был случаен и беден, участниками их были большей частью второстепенные и третьестепенные актеры, а зрителями - главным образом дети узкого состоятельного круга, которые, кстати сказать, охотнее ходили в цирк.

Чуть ли не с самых первых лет революции, еще в годы гражданской войны и интервенции, суровой бедности и разрухи, молодое Советское государство не жалело сил и средств на то, чтобы наряду с многочисленными и многонациональными школами и библиотеками создавать театры для детей. Это были театры со своими специальными сценами, труппами, режиссерами и драматургами. Они были избавлены от всяких коммерческих интересов. Зато на них была возложена ответственная, почетная обязанность: радовать и воспитывать самых активных и чутких зрителей - детей. Эту обязанность они приняли с горячим воодушевлением и самоотверженностью. В этом они были продолжателями лучших традиций прогрессивного русского театра, который устами замечательного режиссера Станиславского так определил свои задачи и цели в 1898 году, когда еще только складывался Московский Художественный театр. "Мы, - сказал Станиславский, - приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, а общественный характер... Мы стремимся создать первый разумный, нравственный, общедоступный театр. Этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь" {4}.

В наше время общественным, общедоступным стал не только Московский Художественный театр, основанный Станиславским и Немировичем-Данченко, а все наши театры. У театров есть, конечно, свои удачи и неудачи, но все они свободны от двух зол, которые нередко губили и губят самые лучшие художественные начинания, а именно - от меркантильности и от снобизма.

Только при таких условиях и стал возможен тот буйный рост театров для детей - в том числе и кукольных, какой мы наблюдали у нас в стране. Они пользуются государственной дотацией и повсеместно признаны одним из важнейших средств воспитания. Сейчас в Советском Союзе существует 31 театр юного зрителя и 68 кукольных театров - главным образом для зрителей самого младшего возраста. И если детские театры, на сцене которых играют живые профессиональные актеры, возникли в самых разных концах страны (на Украине, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, в Узбекистане, Казахстане, Латвии, Эстонии, Татарии, Чувашии и т. д.), то кукольные театры в своей передвижной работе проникают туда, где еще никогда не зажигались огни рампы. Они расставляют свои ширмы на необозримых полях, где работают трактора, в бараках сплавщиков леса, в тайге и в тундре, куда кукловоды и ящики с игрушечными актерами и сложенными ширмами пробираются на собачьих упряжках.

Создание театра для детей, соответствующего своему назначению, было делом не простым и не легким. Ведь речь идет не только о том, чтобы построить театральное здание, оборудовать сцену и организовать труппу. Надо было научиться говорить с детьми без сюсюканья и без проповеднической наставительности. На вопрос, как играть для детей, Станиславский ответил когда-то: "...так же, как для взрослых, только лучше".

И, однако же, драматург, пишущий для детей, и актер, играющий для них, не должны забывать, что перед ними зритель особенный.

Когда бываешь в детском театре, не знаешь порой, куда смотреть - на сцену или в зрительный зал. Зрительный зал отражает сцену, как увеличительное зеркало. Горят глаза, пылают щеки, десятки голосов предупреждают героя о западне, которая ему готовится, буря аплодисментов встречает подоспевшую к нему подмогу.

Однажды мне пришлось разговаривать с мальчиком, который только что видел на экране широко известный фильм о Чапаеве.

- Тебе понравилось? - спросил я.

- Нет, - хмуро ответил мальчик. Я удивился:

- Почему же?

- Потому, что Чапаев утонул. Завтра я пойду смотреть эту картину в другой кинематограф. Может быть, там он выплывет!

Конечно, это был маленький мальчик. Но и зрители постарше, - которые уже не сердятся на театр за то, что герой гибнет, и вполне способны оценить качество пьесы и мастерство актера, - даже эти зрители умеют так горячо и быстро отзываться на всякую мысль, чувство и образ, что невольно приходит в голову вопрос: не для них ли сочинил Шиллер "Коварство и любовь", не для них ли написана история Ромео и Джульетты?

Бесконечно увлекательна задача написать пьесу для зрителя с таким пылким и отзывчивым воображением. Недаром один из опытнейших и старейших советских драматургов Николай Погодин, никогда прежде не писавший для детей, с горячностью взялся за детскую пьесу после того, как побывал в детском театре, где шла комедия молодого драматурга Виктора Розова "В добрый час".

Что ж, в добрый час! Это доказывает, что наша молодая драматургия театра для детей уже способна оказывать влияние не только на юных зрителей, но и на своих учителей, давно забывших, что такое детство.

И если театр для детей хорош тем, что он готовит своих юных зрителей к большому будущему, то взрослому зрителю он не менее полезен, так как напоминает ему об истоках жизни, о детстве.

Мы считаем знаменательным для нашего времени тот факт, что театр все чаще берет на себя воспитательные задачи, все чаще обращается к детям.

Из многих стран приходят к нам вести о талантливых, бережно подготовленных спектаклях для детей. Мы слышим об успехе таких спектаклей в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Китае, а в последнее время и в Японии.

Правда, мы еще не располагаем достаточными сведениями обо всех странах, где театр ставит перед собой эту благородную задачу, но уже то, что мы знаем, обещает очень многое.

Не будем забывать, что забота о молодежи, об ее эстетическом и моральном воспитании более всего гарантирует непрерывность культуры и ее расцвет в будущем.

Один из крупнейших писателей нашего века Максим Горький сказал:

- Только дети бессмертны.

О ЧТЕЦАХ И ДЕКЛАМАТОРАХ

Стихи часто читают с эстрады. Но для того чтобы верно читать стихи, надо их прежде всего верно прочесть. А это далеко не всем удается. У чтеца нет перед глазами нот, как у певца, - вот ему и кажется, что он совершенно свободен в выборе темпа, интонации, смыслового ударения. Так любителю, играющему по слуху, кажется, что он свободен в интерпретации музыки. Но это счастливое заблуждение невежества. Ритм, темп, смена интонации, даже дыхание чтеца - все это предопределено в стихах (разумеется, в хороших стихах) текстом. Актер или чтец не могут придать ни одной строчке скорбную, тревожную, торжественную или ироническую интонацию, если они не нашли ее в самом ритме и стиле стиха, в его звуковом строе. Иначе всякая актерская экспрессия поневоле окажется фальшивой, деланной, надуманной.

Актерам и чтецам, неспособным прочесть стихи так, как требует текст, в сущности, следует читать плохие стихи, оставляющие гораздо больше простора для произвола. Именно такой репертуар предлагали в былые времена бально-эстрадные сборники, печатавшиеся на глянцевитой бумаге и носившие пышное название "Чтец-декламатор".

Чтение хороших стихов требует строгой дисциплины и большой, вдумчивой работы. Чтец должен понять сложные законы, управляющие стихом. И далеко-далеко не все эти законы можно найти в книгах по теории поэзии. Несравненно больше в стихах законов, еще не обнаруженных и не сформулированных, чаще всего относящихся лишь к данному стихотворению. Понять их может только человек, умеющий вслушиваться и вдумываться в то, что читает, - в ту или иную форму строфы, представляющей собой довольно сложную постройку, в сочетание звуков, в стихотворный размер и ритм, регулирующий дыхание.

Даже большие актеры, тщательно отделывающие каждую свою роль, гораздо менее строги к себе, когда выступают в качестве чтецов. Помню, как один из таких актеров читал строчки Лермонтова:

Моей любви ты знала ль цену?

Ты знала, - я тебя не знал! {1}

Во второй строчке он делал ударение на слово _"тебя"_, придавая этому слову адвокатски обличительную интонацию и даже трагически указуя перстом на воображаемую особу, которой посвящены стихи.

Ты знала, - я _тебя-я-я_ не знал!

Но у Лермонтова нет ритмического ударения на слове "тебя", нет этого театрально-эффектного обличения, которое придумал актер. С глубоким огорчением и разочарованием, но очень сдержанно и тихо произносит поэт слова:

Ты знала, - _я_ тебя не знал.

Стихи написаны ямбом, и словом "я" кончается вторая стопа. Следовательно, и стихотворный размер требует, чтобы ударение - ритмическое и смысловое - падало на слово "я".

Нарушение ритма ведет не только к искажению смысла. Оно мешает чтецу, а заодно и слушателю понять, в чем настоящая сила стихов, в чем их поэтическая прелесть. Чтец "украшает" стихи вместо того, чтобы почувствовать и передать их подлинную красоту. Любуясь собственным голосом и эффектно демонстрируя его, чтец очень часто как бы заглушает слова поэта, мешает слушателю воспринять всю их серьезность и реальность.

В таких случаях происходит не сложение, а вычитание сил. Если у автора и чтеца не сходятся интонации, темп, ритм, исполнитель не дополняет и не обогащает произведение, а только грабит его, лишает здравого смысла и подлинного чувства.

Шаляпин не был ни драматическим актером, ни чтецом. Но как чуток был он к слову, как умел он проявлять каждое слово, а не заглушать его своим великолепным голосом, как строго выверена* и точна была у него каждая интонация.

Казалось бы, чтец должен не менее бережно относиться к слову, должен чутко чувствовать его силу, вес, возраст. Таким чтецом был покойный Яхонтов. Временами он достигал такой силы, что нам казалось, будто у нас на глазах рождаются поэмы Пушкина и стихи Маяковского. Строго и чутко относился к стиху Антон Шварц. Есть и в наше время хорошие чтецы. Игорь Ильинский не только превосходно чувствует подлинную интонацию поэтической речи, но и умеет жить в ритме, сохраняя в то же время прелесть свободной импровизации.

Но все это - только исключения из общего правила. В большинстве же случаев мы слышим со сцены и с эстрады искаженное или слабое подобие стихов. И хорошо еще, если исполнитель не перевирает и не путает текста. Уже за одно это можно простить ему многие прегрешения.

От актера и чтеца часто зависит судьба стихов. Правда, люди не только слушают стихи, но и читают их сами. Однако при этом большинство читателей теряет очень много. Поэтическое слово требует полного и внятного звучания. Чтение вслух нельзя заменять чтением про себя. Нам нужны хорошие поэтические концерты, которые оживили бы умолкнувшие голоса Шекспира, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Гете, Гейне, Бернса, Беранже, Шевченко, Фета, Тютчева, Блока, Маяковского - и заставили бы чаще и громче звучать голоса современных поэтов. Какое огромное поэтическое богатство таим мы под спудом, богатство, которое так жизненно необходимо идущим нам на смену поколениям.

Об устройстве серьезных и надолго запоминающихся концертов поэзии должна позаботиться не одна только Госэстрада. Эту почетную задачу должны взять на себя наши большие академические театры, которым такое дело и по плечу, и по пути.

В этот прекрасный старинный город - столь дорогой для сердец всех почитателей

Шекспира - я приехал не как шекспировед, а как поэт, один из тех, кто посильно потрудился, чтобы Шекспира узнали и полюбили во всех уголках обширной России.

Я нахожусь здесь благодаря человеку, чьи имя и слава собрали нас вместе, - благодаря Шекспиру, которого тоже связывала с его произведениями не теория, а практика, ибо при всем своем величии он не был профессором литературы, а был поэтом.

И я прибыл сюда для того, чтобы передать вам самый горячий привет и лучшие пожелания от моих соотечественников-литературоведов, актеров, режиссеров и всех ценителей Шекспира.

Я счастлив и горд тем, что могу сообщить вам о непрерывном и быстром росте популярности Шекспира в моей стране от поколения к поколению.

На сценах наших театров, даже в самых отдаленных маленьких городках, Шекспир - не редкий гость, а постоянный жилец. И о талантливости наших актеров судят по тому, насколько успешно они справляются с шекспировскими ролями.

Но если до революции тех, кто знал и ценил Шекспира, насчитывались тысячи, то теперь их уже - миллионы. Даже в самые трудные времена гражданской войны любой московский театр, ставивший шекспировский спектакль, наполнялся до отказа. Недавно мне довелось увидеть старую афишу, извещавшую о шести пьесах Шекспира, представленных в один и тот же вечер 1920 года, - а поверьте мне, 1920 год не был для нас легким годом.

За сорок лет существования Советского Союза общее количество изданных у нас на различных языках томов с произведениями Шекспира только на одну или две тысячи не дошло до трех миллионов.

С сонетами познакомились старики и молодежь городов и деревень всех наших республик.

Первой и простейшей причиной роста у нас популярности Шекспира является всеобщее образование, открывшее широкий доступ к литературе народным массам по всей стране, включая многие нации, которые сорок лет тому назад не имели даже своего собственного алфавита.

Другая причина заключена в самом Шекспире. Его могут понять самые простые, не умудренные культурой люди, и в то же время он обогащает и тех, кто способен видеть дальше и глубже.

Когда я переводил его сонеты, такие прекрасные и мудрые, я не раз задавал себе вопрос: Почему эти стихи (так же как и многие отрывки из пьес) действуют на меня сильнее, чем самые мудрые и глубокие строчки всех других поэтов давних времен - поэтов, также, как и Шекспир, говоривших о жизни, смерти, любви, вечности? Шекспир, подобно им, видел светлые и темные стороны жизни, постоянство и непостоянство человеческих характеров. Но его конечный вывод всегда оптимистичен - в подлинном смысле этого слова. Ромео и Джульетта могут погибнуть, и все же они торжествуют над холодной старостью с ее холодными старыми предрассудками.

Оптимизм Шекспира - оптимизм, сознающий все опасности и ужасы жизни и все же имеющий смелость смотреть на них с широко открытыми глазами - высшее проявление человеческой сущности. Без него люди не смогли бы жить, не смогли бы любить, не смогли бы бороться за лучшую жизнь на земле,

То, что сближает людей, лежит не на поверхности душ, которая у всех человеческих существ разная. Поверхностное скорее разделяет, нежели объединяет людей. Сближают нас наши более сокровенные мысли и чувства. Тончайший, показанный Шекспиром пример этого - борьба между глубокой любовью, объединившей Ромео и Джульетту, и мелкими предрассудками Монтекки и Капулетти, которые силились их разъединить.

Свойство, лежащее глубоко в нашем сердце, - любовь к красоте и правде в искусстве и литературе (а оно присуще нам всем), - одна из величайших, связывающих нас сил. И доказательством этому служит место, занимаемое Шекспиром в мире и в сердце человека.

Дорогие товарищи,

Я очень жалею, что по нездоровью не могу быть сегодня у вас на вечере, посвященном памяти поэта Велимира Хлебникова {1}.

О нем редко вспоминали критики и литературоведы за последние три десятка лет,

Почему же его так усердно замалчивали? Не был ли он нам политически чужд и враждебен?

Нет, мы знаем, что Хлебников предчувствовал и предсказывал революцию задолго до ее наступления {2} и был одним из первых поэтов, приветствовавших ее приход. В годы революции были написаны его лучшие стихи и поэмы {3}.

С глубоким уважением и благодарностью говорил о нем Владимир Маяковский {4}.

Но, может быть, ему ставят в вину чрезмерную сложность, необычность и непонятность его стихов?

Но ведь очень многие обвиняли (да и до сих пор обвиняют) в тех же грехах, то есть в сложности, непонятности, необычности, и Владимира Маяковского.

Да, Хлебников сложен и часто непонятен. Есть у него стихи, для которых нужен ключ - знание того, когда и при каких обстоятельствах стихи были написаны.

Но бОльшая часть его стихов становится вполне понятна, если в них пристально _вглядишься, вслушаешься, вдумаешься_.

А есть у него и совсем простые и ясные стихи, как например:

Мне мало надо

Краюшка хлеба

И капля молока,

Да это небо,

Да эти облака {5}.

Или, скажем, стихи о Кавказе или о букве "Л".

А сложной его форма бывает часто оттого, что сложно содержание.

Вы знаете, конечно, что я люблю в стихах предельную ясность.

Но это ничуть не мешает мне ценить Хлебникова, поэта большой силы, глубоко чувствующего слово, владеющего необыкновенной меткостью и точностью изображения (вспомните его "Сад").

Конечно, к Хлебникову, как и ко всем поэтам, надо подходить критически. На некоторых его стихах лежит печать временных и случайных влияний, характерных для тех лет, когда они были написаны.

Иной раз усложненность формы была у него протестом против трафаретных, гладких, прилизанных и бедных мыслью стихов, про которые можно было сказать то же, что говорил художник Татлин {6} по поводу многих столь же трафаретных и поверхностных рисунков:

- Одна только пленка, а существа никакого нет!

Надо уметь отличать Хлебникова, поэта глубокого и серьезного, от тех его современников, которые превращали высоко организованную человеческую речь в набор нечленораздельных звуков или в язык дикаря. Хлебников не из их числа. У него - своя система мысли и слова, сложная и своеобразная.

Я много слышал о юных годах Хлебникова от его профессоров и товарищей по Казанскому университету. Они рассказывали, что еще в студенческом возрасте

Хлебников был полон достоинства и вызывал к себе всеобщее уважение. Профессора находили у него замечательные математические способности.

А по рассказам близко знавших его людей можно заключить, что это был человек редкой душевной чистоты, бескорыстия, серьезности.

Да все это видно и по его стихам.

Москва, 19-IV-1961 г.

О МАРИИ ПАВЛОВНЕ ЧЕХОВОЙ

В Ялте жили цари, богатые купцы, фабриканты, генералы, опереточные дивы, эмир бухарский... Бывали здесь, отдыхали и лечились и замечательные писатели, художники, артисты - сам Лев Толстой, Горький, Бунин, Куприн, Найденов, Шаляпин, Станиславский, Коровин, - всех и не перечислишь. Под ялтинским солнцем коротали свои последние дни чудесный молодой художник Федор Васильев и поэт безвременья, кумир тогдашней молодежи, бедный Надсон.

И все же, говоря о Ялте, прежде всего вспоминаешь одно имя - Антона Павловича Чехова. С этим именем Ялта связана навеки. Мелькают годы, десятилетия, а до сих пор кажется, что в белом чеховском доме на краю города по-прежнему живет его хозяин. На входной двери дома - скромная медная дощечка: "А. П. Чехов". В каждой из небольших комнат, на верандах и дорожках сада - невидимые следы его ног. Здесь он думает, пишет, читает, грустит, смеется, покашливает, сажает в саду деревья.

И еще один человек живет и будет всегда жить в этом доме - сестра Чехова и его лучший друг, Мария Павловна. Она появилась здесь впервые еще до постройки дома, наблюдала за его постройкой, а потом подолгу жила в комнатке наверху и при жизни своего брата, и многие годы после его кончины.

И пока она по-хозяйски ходила по этим комнатам или сидела в своей светелке, дом оставался жилым, по-настоящему чеховским, хоть и был уже учреждением - музеем. Таким он встретил великую революцию, таким пережил и Великую Отечественную войну, и многие годы после нее.

И дело было не только в том, что тут живет сестра Чехова, беззаветно посвятившая ему всю свою жизнь. Нет, Мария Павловна была хранительницей его памяти, частицей его живой души. Да и очень похожа она была на своего брата. Похожа не только внешне, но и многими чертами характера - скромностью, чуждой какой бы то ни было фальши и ложного пафоса, редкой наблюдательностью и юмором.

Помню один из разговоров с ней. Мы долго ходили по дому, и я, старый курильщик, не мог удержаться от вопроса:

- Мария Павловна, где тут у Вас разрешается курить?

- Да курите, курите! - сказала она.

- А разве можно?

- В доме у Чехова все можно - и курить, и танцевать, в даже на голове ходить!

Этот шутливый ответ сразу дал мне почувствовать характер чеховского дома - не музея, а именно дома.

Еще больше я это почувствовал, когда Мария Павловна у себя в верхней комнатке, напоминавшей капитанский мостик корабля, рассказывала мне - не подряд, не обстоятельно, как любят рассказывать старые люди, а урывками, отдельными чертами и эпизодами - о жизни брата.

Бывало, он пишет внизу, в кабинете или примостясь у подоконника в своей спаленке, а в верхней комнате у Марии Павловны соберутся подруги, разговаривают, смеются. Услышав краем уха отголоски смеха, брат прервет на минутку работу и, неслышно ступая по крутой лестнице, придет послушать, о чем болтает молодежь.

Вспоминала она и таганрогские годы, времена юности и ранней молодости Антона

Павловича. Еще гимназистом он очень любил ходить в театр, на что требовалось особое разрешение инспектора. Но он ходил и без разрешения, сменив гимназическую форму на штатское платье. Любила театр и мать Чехова. И когда в конце действия опускался занавес и зрители, аплодируя, шумно вызывали популярных актеров, она слышала в хоре голосов и юношеский голос своего сына сверху, с галерки. Но называл он из озорства не актерские фамилии, а фамилии известных всему городу тузов, солидных местных фабрикантов и банкиров. Тут только мать, обернувшись назад, замечала на галерке его худощавую и рослую фигуру.

Никто не мог лучше, живее, чем Мария Павловна, нерв дать черты прихотливого и всегда неожиданного юмора, свойственного Антону Павловичу во все периоды его жизни, но особенно бурного в юности.

И самой Марии Павловне никогда не изменяло чувство юмора. Не изменяла ей и необыкновенная общительность.

До самых последних лет она любила принимать гостей и устраивать у себя в чеховской гостиной за широко раздвинутым столом ужины, длившиеся до поздней ночи. Она сидела во главе стола, прямая и стройная, живо откликаясь на все, о чем шла речь. Трудно бывало поверить, что ей уже девяносто и даже за девяносто лет.

Кстати, она терпеть не могла упоминания о ее возрасте и во время игры в лото шутливо, а может быть, и всерьез сердилась, когда выпадало ненавистное ей число 90.

Мария Павловна была неутомимой и зоркой хозяйкой. Несколько раз в день поднималась она и спускалась по лестнице, ведущей в ее комнату. Помню, как после долгого ужина, бережно, как ребенка, брал ее, легкую, почти невесомую, на руки Иван Семенович Козловский и, несмотря на ее протесты, уносил наверх.

Я знал немало стариков, хорошо помнивших далекое прошлое. А Мария Павловна отлично помнила не только давно прошедшие, но и недавние годы.

За несколько лет до ее смерти я как-то побывал у нее со своим другом, драматургом и критиком, ныне покойной Тамарой Григорьевной Габбе, блестящей собеседницей, живым и остроумным человеком. Посидели мы у Марии Павловны всего только полчаса. Она не запомнила имени моей спутницы, но в продолжении двух-трех лет каждый раз при нашей встрече спрашивала:

- А где сейчас эта белокурая и такая острая?..

До последних своих дней Мария Павловна любила жизнь, любила радость и шутку. К одному из моих приездов, чтобы порадовать меня, она даже выучила наизусть одно из моих шутливых стихотворений. В ее возрасте это было настоящим подвигом.

После смерти Марии Павловны дом Чехова в Ялте второй раз осиротел. Но до тех пор, пока он стоит, в нем будет жить вместе с Чеховым его самоотверженная, чистая душой, умная и наделенная долей чеховского таланта сестра.

Ялта, 12 октября 1963 г.

Книги, как и люди, не переходят из класса в класс без экзамена. Даже самым знаменитым книгам приходится держать экзамен у каждого нового поколения в каждой стране. И бывает, что книга, мирно и спокойно стоящая на полке, как-то незаметно теряет свою жизненность и остроту. С ней происходит какой-то невидимый химический процесс. Проступает ее скелет-схема, которая была замаскирована недолговечными покровами. Но, к счастью, есть книги, не поддающиеся разоблачающему воздействию времени.

Столетия, прошедшие со дня смерти Шекспира, - достаточный срок для самой строгой и многократной проверки. И какие столетия это были, как много великих событии уместилось в них. В таком бурном океане времени мог бы потерпеть крушение и пойти ко дну самый устойчивый и хорошо оснащенный корабль. Этого не случилось с Шекспиром. Его чествует весь мир, так сильно изменившийся после него. В праздновании его 400-й годовщины наряду с народами старой культуры принимают участие племена, которые в его эпоху были "dull and speechless tribes" {Непросветленные и бессловесные племена (англ.). Шекспир, сонет 107-й.} и

которые наконец заговорили.

Даты юбилеев не назначаются по произволу. Они предопределены. Но для юбилея Шекспира нельзя было бы выбрать более подходящего времени, чем наши дни - время великих подвигов и великих преступлений, время решительной борьбы за гуманизм.

Если многим людям прошлого и начала нынешнего века казались преувеличенными и неправдоподобными характеры шекспировских трагедий и хроник - Калибан {1}, Макбет, леди Макбет, Ричард Третий, Клавдий {2}, Яго и другие, - то последние десятилетия полностью оправдали самую мрачную фантазию великого драматурга. И тем дороже стали человечеству образы Гамлета, Ромео, Джульетты, Корделии {3} - всех тех, кто противостоит людям низменных страстей и темных предубеждений.

Перечитывая Шекспира, с грустью думаешь: как это могло случиться, что до сознания человечества до сих пор не дошли такие простые, четкие, вещественно осязаемые слова о равенстве людей всех рас и национальностей, вложенные Шекспиром в уста Шейлока: {4} "...я жид. Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть - разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать - разве мы не смеемся? Если нас отравить - разве мы не умираем?" {Монолог Шейлока в автографе - по-английски. Здесь - в переводе Т. Щепкиной-Куперник. (Прим. ред.)}

Разумеется, эти слова не могут дойти до слуха фашистов или южноафриканских расистов, но они остаются на знамени всего передового человечества и ждут своей полной победы.

И чем больше становится у Шекспира читателей (а число их растет с каждым годом), тем больше основания надеяться, что он дойдет наконец до сердец всех людей на земном шаре, что он не будет только развлекать зрителей в театре и служить материалом исследований и лекций, а будет воздействовать на жизнь всей силой своего светлого и могучего таланта.

Я рад, что в нашей стране Шекспир становится достоянием миллионов зрителей и читателей даже в тех отдаленных краях, где население до революции не умело читать. В наших среднеазиатских республиках его читают и смотрят в театрах не меньше, чем в Москве, Ленинграде, Киеве.

Молодой актер Смоктуновский, которого в Англии и других странах знают по фильму Козинцева "Гамлет", сумел дать в своем Гамлете образ современного молодого человека, не модернизуя этот образ и оставаясь верным стилю подлинника.

Смоктуновский имел на это право. Шекспировские образы потому и живы, что люди каждого поколения находят в них себя.

И не только Шекспир-драматург нашел у нас - можно смело сказать вторую родину, но и Шекспир-поэт, автор поэм и сонетов.

Переводы сонетов, неоднократно издававшиеся у нас, вышли отдельными изданиями, а также в собраниях произведений Шекспира с 1946 года по 1964 общим тиражом девятьсот шестьдесят тысяч экземпляров. Книгу сонетов можно увидеть в руках у рабочего или шофера такси. Такая судьба редко выпадала на долю книги стихов.

Наши виднейшие композиторы - Прокофьев, Шостакович - создали на темы Шекспира замечательную музыку. Достаточно вспомнить балет Прокофьева "Ромео и Джульетта" и музыку Шостаковича к фильму "Гамлет".

Во всех краях Советского Союза так же благоговейно и благодарно чествуют английского драматурга и поэта, как и у него на родине.

На большой карте мира ярко сверкает в эти дни едва заметная на ней точка - Стратфорд-на-Эйвоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

В этот раздел включены статьи, не вошедшие в книгу "Воспитание словом" и либо не переиздававшиеся с момента первой публикации, либо до сих пор не печатавшиеся.

Театр для детей. - Впервые в журнале "Просвещение", Краснодар, 1922, э 3-4 (7-8), январь - март.

О работе С. Я. Маршака в Краснодарском театре для детей подробнее см. комментарий к т. 2 наст. изд.

1 Труппа Чистякова - детская балетная труппа, которая в начале века выступала под руководством балетмейстера и антрепренера Ивана Александровича Чистякова на детских утренниках в театре "Пассаж".

2 Лидия Чарская (псевдоним Чуриловой Лидии Алексеевны, 1875-1926) автор повестей и романов из институтского и "великосветского" быта. О судьбе Чарской в послеоктябрьскую эпоху см. ""Дом, увенчанный глубусом") (т. 7, наст, изд.), а также книгу В. Шкловского "Старое и новое", "Детская литература", М. 1966.

3 Речь идет о цикле феодально-рыцарских романов, сложившихся вокруг имени легендарного вождя бриттов V-VI веков, героически защищавшихся от англосаксов. Романы о короле Артуре и его рыцарях (Ланселоте, Тристане и др.) появляются сначала на французском, а затем (XIII-XIV вв.) на английском языке. Произведения на этот сюжет создавались и позднее. В частности, им воспользовался в цикле своих поэм английский поэт Альфред Теннисон (1809-1892).

4 Обераммергау - селение в Германии, где с XIX века осуществляется постановка мистерий - жанра западноевропейского религиозного театра XIV-XVI веков (показ "Мистерии страстей господних").

5 Имеется в виду бульварная разновидность литературы о детективах, излюбленным героем которой был Нат Пинкертон. Его прототипом является американский сыщик А. Пинкертон, основавший в 1850 году) сыскное агентство. Низкий идейный и художественный уровень "пинкертоновщины" не мешал многим издателям дореволюционной России поощрять ее выпуск из коммерческих соображений.

6 Андерсен Ханс Кристиан (1805-1875) - датский писатель. Известность приобрел своими "Сказками для детей" (1835-1837), "Новыми сказками" (1844-1848), "Историями" (1852-1853).

7 Уайльд Оскар Фингалл О'Флаэрти (18561900) - английский писатель, прозаик и драматург, автор 2-х сборников сказок для детей: "Счастливый принц" (1888) и "Гранатовый домик" (1891).

8 Роман испанского писателя Мигеля Сервантеса де Сааведра (1547-1616).

9 Речь идет о романе английского писателя Даниеля Дефо (1660-1731).

10 Роман английского писателя-сатирика Джонатана Свифта (1667-1745).

11 Роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811-1896).

12 Воинов Ростислав Владимирович (18811919) - русский скульптор и художник, много работавший в области создания детской игрушки.

13 "Аленький цветочек" - приложение к повести Сергея Тимофеевича Аксакова (1791-1859) "Детские годы Багрова-внука" (1856-1858). Это сказка, которую герой книги Сережа слышал от ключницы Пелагеи.

14 Сб. пьес "Театр для детей", написанный С. Я. Маршаком в соавторстве с Е. И. Васильевой, вышел в Краснодаре в 1922 году.

Печатается по тексту журнальной публикации.

Издали и вблизи. - Впервые в сб.: "Горький", Госиздат, М. -Л. 1928.

К воспоминаниям о своих первых встречах с А. М. Горьким С. Я. Маршак возвращается также в статье "Две встречи в Крыму" (см. т. 7 наст. изд.).

1 Стивенсон Роберт Льюис (1850-1894) - английский поэт и прозаик, автор приключенческих романов: "Остров сокровищ" (1883, русск. пер. -1889), "Черная стрела" (1888, русск. пер. - 1914), "Похищенный" (1886, русск. пер. - 1901) и др. Перевод баллады Стивенсона "Вересковый мед" см. в т. 3 наст. изд.

Печатается по тексту первой публикации.

О большой литературе для маленьких. - Впервые под тем же названием (как текст доклада I Всесоюзному съезду писателей) на правах рукописи с подзаголовком "Материалы к I Всесоюзному съезду советских писателей", ГИХЛ, М. 1934.

В отрывках в "Литературной газете", 1934, э 41, 20 августа; в газетах: "Правда", 1934, э 229, 20 августа, "Комсомольская правда", 1934, э 194, 21 августа.

Полностью в книге: "Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934 г.". Стенографический отчет, "Художественная литература", М. 1934; в том же году издан отдельной брошюрой - "Художественная литература", М. 1934.

В 1957 году С. Я. Маршак переработал текст своего доклада на I Всесоюзном съезде писателей. Позже материал разделов IV и VI был использован автором в статьях "О кораблях и караванах" и "Сказка крылатая и бескрылая", вошедших в книгу "Воспитание словом".

В данном издании редколлегия, учитывая последнюю волю писателя, сочла возможным опубликовать доклад в виде статьи полностью, как его переработал автор в 1957 году.

По предложению А. М. Горького, выступившего на I Всесоюзном съезде писателей с основным докладом о советской литературе, С. Я. Маршаку было поручено сделать вслед за ним содоклад о советской детской литературе. Как пишет Лидия Чуковская: "Мысли Маршака о литературе для детей, исходные положения его редакторской практики были Горькому близки и родственны. Всякий, кто даст себе труд внимательно сопоставить высказывания о детской литературе Маршака с высказываниями Горького, не может не заметить этом близости, этой идейной родственности, и не только в общеидеологическом смысле".(Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, "Искусство", М. 1960, стр. 302-303), Маршак и близкие ему писатели сыграли значительную роль в предыстории "Большой литературы для маленьких". В конце 1922 года при библиотеке детской литературы Педагогического института дошкольного образования в Петрограде организовался кружок детских писателей (С. Я. Маршак, Б. С. Житков, В. В. Бианки, О. И. Капица, Е. П. Привалова и др.). Члены кружка затем вошли в состав редколлегии журнала "Новый Робинзон" (бывший "Воробей"), издававшийся в 1923-1925 годах.

С. Я. Маршаку, вдохновителю дружного творческого коллектива, удалось привлечь к детской литературе талантливых писателей, педагогов, "бывалых" людей, художников. Л. Ф. Кон отмечает, что "Новый Робинзон" "был творческой лабораторией, где создавалась советская литература для детей, новая и по содержанию, и по форме. Там рождались новые темы, вовне жанры, новые писатели. Вклад "Нового Робинзона" в детскую литературу огромен" ("Советская детская литература. 1917-1923", Детгиз, М. I960, стр. 305). О "Новом Робинзоне" см. также в очерке С. Я. Маршака ("Дом, увенчанный глобусом") (т. 7, наст. изд.).

Когда издание журнала было прекращено, С. Я. Маршак с группой бывших сотрудников перешел в редакцию детской литературы в Ленинградском отделении Госиздата. Горький высоко оценивал работу Маршак" и его коллег, В частности, в статье "О безответственных людях и о детской книге наших дней" Горький писал, что работники детского отдела ГИЗа, "сумели выпустить ряд весьма талантливо сделанных книг для детей" ("Правда, 1930, э 68, 10 марта). Весной 1933 года Горький пригласил Маршака-в Сорренто, с тем чтобы разработать проект специального издательства детской книги и подготовить докладную записку в ЦК ВКП(б). После того как 9 сентября 1933 года было принято постановление об организации издательства детской литературы, Горький опубликовал "Обращение к пионерам СССР." ("Правда", 1933, э 192, 14 июля), в котором просил ребят сообщить, какие книги они читают и желали бы прочитать. Анализ детских писем А. М. Горький доверил Маршаку, написавшему статью "Дети отвечают Горькому" ("Правда", 1934, э 135, 18 мая - см. .т. 7. наст. изд.). Выраженные в ней идеи в значительной мере предваряли основные теоретические положения доклада.

1 Речь идет о подвигах героя французского героического эпоса "Песнь о Роланде".

2 Имеется в виду герой романа французского писателя Ж юл я Верна (1828-1905) "Пятнадцатилетний капитан".

3 Русские популяризаторы научных сведений нередко использовали в качестве образца детской книги известный в свое время французский роман "Отчего и почему маленькой Сюзанны".

4 Анализ сказок и детских рассказов Л. Н. Толстого см. в статье "Мир в картинах" (т. 7 наст. изд.).

5 В дореволюционные годы А. М. Горький написал ряд сказок для детей: "Утро" (1910), "Воробьишко" (1912), "Случай с Евсейкой" (1912), "Самовар" (1913), "Про Иванушку-дурака" (1916).

6 Такие произведения Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (псевдоним Д. Мамина, 1852-1912), как "Аленушкины сказки" (1894-1896), "Емеля-охотник" (1884), "Зимовье на Студеной" (1892), "Серая Шейка" (1893), переведены на многие языки мира и вошли в фонд классической детской литературы.

7 Александру Ивановичу Куприну (1870-1938) принадлежат такие известные рассказы для детей, как "Белый пудель" (1904), "Чудесный доктор" (1897), "Слон Зембо", (1913), "В зверинце" (1905).

8 Александр Александрович Блок (1880-1921) выпустил две книги для детей: "Круглый год. Стихи для детей", [М.], [т-во И. Д. Сытина, Детск. отд.] 1913 г., и "Сказки. Стихи для детей", [М.], тип. т-ва И. Д. Сытина, [1913].

9 "Тропинка" (1906-1912) - детский журнал. В нем печатались поэты - А. Блок, А. Белый, К. Бальмонт, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб. "Цель и задачи журнала, - говорилось в редакционной статье первого номера, - развивать в детях художественное чутье, давать им занимательное и полезное чтение, включающее религиозный и сказочный элемент". Более подробную характеристику журнала см. в статье "О наследстве и наследственности в детской литературе" (т. 7 наст. изд.).

10 Allegro - псевдоним поэтессы, драматурга и художницы Поликсены Сергеевны Соловьевой (1867-1924). Выступала на страницах журнала "Тропинка", издательницей которого она была. Перевела повесть Л. Кэрролла "Алиса в стране чудес" (журнал "Тропинка", 1909, ээ 2-5, 7-20). В последние годы сотрудничала в журнале "Воробей" ("Новый Робинзон").

11 Саша Черный (псевдоним Гликберга Александра Михайловича, 1880-1932) - печатал произведения для детей в альманахе "Жар-птица" (Детские сборники изд-ва "Шиповник", СПБ. 1911, т. I), в сборнике "Елка" (Парус, П. 1918), в ежемесячном иллюстрированном приложении к журналу "Нива" - "Для детей" (Пг. 1917, э 1-12), а также издал "Живую азбуку", изд. "Шиповник", СПБ. 1914. В 20-30-х годах неоднократно издавались сборники его произведений для детей (сб. "Дети", изд. "Культура", Киев, 1929; "Детский остров", Гос. изд-во, М. - Л. 1928; "Трубочист", Гос. изд-во, М. - Л. 1930, и др.).

12 Речь идет о книге немецкого писателя Генриха Гофмана.

13 См. прим. 4 к повести "В начале жизни".

14 Речь идет о "Nursery Rhymes" - сборнике английских народных детских потешек, загадок, считалок. Пересказ этих песенок вышел в 1910 году в издании И. Кнебеля под названием "Гусиные песенки". Переводы С. Маршака из "Nursery Rhymes"см. т. 2 наст. изд.

15 "Чуковский Корней Иванович (1882-1969) начал работать в детской литературе еще до революции, выступив сначала с критикой повестей Чарской и других образцов бульварного чтива для детей ("Лидия Чарская", газ. "Речь", 1912, 9 сентября; "Матерям о детских журналах", "Русская скоропечатня", СПб. 1911; "Нат Пинкертон и современная литература", изд-во "Современное товарищество", М. 1908). Кроме того, им была создана имевшая большой 'успех современная сказка "Крокодил" (1916). После революции появились "Мойдодыр" (1923), "Тараканище" (1923),

"Мухина свадьба", издававшаяся впоследствии под названием "Муха-цокотуха" (1924), "Бармалей" (1925) и др. В 20-30-е годы К. И. Чуковский неоднократно подвергался нападкам вульгаризаторской критики. Горький, уделявший много внимания развитию детской литературы, накануне I Съезда писателей в докладной записке "О детской литературе", направленной членам комиссии по вопросу о программах школ и школьном режиме, называл имена Чуковского, Пришвина, Григорьева и указывал, что они "были осуждены на бездействие или не были использованы в достаточной мере из-за ошибочной политики литературных организаций, критики и издательств" (сб. "М. Горький о детской литературе", "Детская литература", М. 1968, стр. 111).

16 Имеется в виду статья Е. Я. Данько "О читателях Чарской" (журн. "Звезда", 1934, э 3).

17 От "Аскольдовой могилы" до "Белого генерала". - "Аскольдова могила" (1833) - произведение Михаила Николаевича Загоскина (1789-1852). "Белый генерал" - повесть-хроника А. И. Красницкого из жизни генерала М. Д. Скобелева.

18 Арсеньев Владимир Клавдиевич (18721930) - ученый-географ, путешественник и писатель. Две книги Арсеньева - "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала" (19211923) в 1926 году были переработаны им и изданы под общим названием "В дебрях Уссурийского края". В 1931 году эта книга была выпущена в редакции, рассчитанной на детское чтение. Под заглавием "Дерсу Узала" она выдержала несколько изданий.

19 В 30-е годы литература для детей пополнилась лучшими произведениями советской литературы в специальных изданиях для юного читателя. В сокращенном для детей варианте вышли "Чапаев" и "Мятеж" Д. Фурманова, переработанные главы фадеевского "Разгрома" ("Амгуньский полк" и "Метелица"). А. Толстой и А. Новиков-Прибой подготовили для детей сокращенные редакции своих романов "Петр I" и "Цусима".

20 Марк Твен (псевдоним Самюэля Ленгхорна Клеменса, 1835-1910) американский писатель. В круг детского чтения вошли его произведения "Приключения Тома Сойера" (1876, русск. пер. - 1886), "Приключения Гекльберри Финна" (1884, русск. пер. - 1885), роман "Принц и нищий" (1881, русск. пер. - 1884).

21 Леонид Пантелеев - псевдоним Алексея Ивановича Еремеева (р. 1908). "Часы" (1928) и "Пакет" (1932) - произведения, закрепившие успех молодого писателя, который в 1927 году в соавторстве с Г. Белых выступил с повестью "Республика Шкид". Рукопись книги попала к С. Я. Маршаку. По его настоянию она была отправлена на отзыв А. М. Горькому и принята к печати. Близкое знакомство с Маршаком сыграло большую роль в личной и творческой судьбе Л. Пантелеева. В своем очерке "Маршак в Ленинграде" писатель вспоминает: "Он открыл во мне какие-то способности, кое-какой талант и ухватился за меня, как ухватывался тогда за все мало-мальски яркое, самобытное, подающее надежды.

На мое счастье и к моей бесконечной радости, это увлечение с годами не остыло, а перешло в нечто большее - в дружбу.

А увлекался он - и тогда, и раньше, и позже - на каждом шагу, постоянно, и всегда был в поисках, всегда выискивал, высматривал, где бы и за кого ухватиться, кому бы подать руку помощи, кому бы пособить стать на ноги. Этот дар открывателя и воспитателя он унаследовал от своих учителей от В. В. Стасова и А. М. Горького. Очень и очень многих заметил, нашел, выискал, высмотрел Самуил Яковлевич среди тех бывалых людей, которым принадлежал и штурман дальнего плавания Житков, и натуралист Бианки, и пожарник Потулов, и водолаз Золотовский, и полярник Безбородое, и медсестра Будогоская, и физик Бронштейн; и политработница Васильева, и почтенный академик Ферсман, и безусый колхозник Шорин..." (Л. Пантелеев, Избранное, "Художественная литература", М. 1967, стр. 472).

22 Первые произведения Бориса Степановича Житкова (18821938) были напечатаны в детском журнале "Новый Робинзон", ведущую роль в котором играл С. Я. Маршак. По воспоминаниям К. И. Чуковского, С. Я. "встретил Житкова как долгожданного друга. Именно такого бывалого человека, "умельца", влюбленного в путешествия, в механику, в технику и сочетавшего эту любовь с талантом большого художника, не хватало детской литературе тогда" (К. Чуковский, Детство. - В кн.: "Жизнь и творчество В. С. Житкова", Детгиз, М. 1955, стр. 264).

23 Ко времени I Съезда ССП Кассиль Лев Абрамович (1905-" 1970) был известен как автор повестей "Кондуит" (1930) и "Швамбрания" (1933).

24 Евгений Львович Шварц (1896-1958) - автор известных пьес-сказок "Ундервуд" (1930), "Клад" (1933), "Голый король" (1934), "Снежная королева" (1938), "Тень" (1940) и др., многое сделал в детской литературе. Как и Житков, Шварц сотрудничал в журнале "Новый Робинзон". После того как было прекращено издание "Нового Робинзона", Шварц работал редактором в Ленинградском отделении Госиздата и в журнале "Еж" (1928-1935). Первым редактором и наставником Шварца был С. Я. Маршак, оказавший большое влияние на его творческую судьбу. В своих воспоминаниях Е. Шварц пишет: "Все немногое, что я сделал, - следствие встреч с Маршаком в 1924 году... И я, подумав, перебрав все пережитое с ним или из-за него, со всей беспощадностью утверждаю: встреча с Маршаком весной двадцать четвертого года была счастьем для мена" (Е. Шварц, Из дневника. См. сб. "Я думал, чувствовал, я жил...", "Советский писатель", М. 1971, стр. 119-122).

25 Шестаков Николай Яковлевич (р. 1894) - автор ряда стихотворных книг и пьес для профессионального театра юных зрителей.

26 Речь идет о книге Николая Григорьевича Смирнова (1890-1933) "Джек Восьмеркин - американец". 06 авторе и его незаслуженно забытых остросюжетных произведениях см. в книге И. Рахтанова "Рассказы по памяти", "Советский писатель", М. 1966.

27 Имеются в виду "Кара-Бугаз" (1932) Константина Георгиевича Паустовского и "Рассказ о великом плане" (1930) М. Ильина.

28 Брем Альфред Эдмунд (1829-1884) - немецкий зоолог, автор популярного труда "Жизнь животных" (1863-1869).

29 Скотт Роберт (1868-1912) - английский полярный исследователь.

30 Нансен Фритьоф (1861-1930) - норвежский океанограф, исследователь Арктики.

31 Пржевальский Николай Михайлович (1839-1888) - русский исследователь Центральной Азии.

32 Вольфовские подарочные томики. - Вольф Маврикий Осипович (1825-1883) - издатель и книгопродавец, основатель фирмы "Товарищество М. О. Вольф". Широко поставил издание детской литературы, основал ряд журналов для детей. Известно его подарочное издание "Золотая библиотека". Подчинял свою издательскую деятельность главным образом коммерческим соображениям.

33 Сытинские рыночные книжонки. - Сытин Иван Дмитриевич (1851-1934) русский издатель и книготорговец. Созданное им печатно-издательское предприятие выпускало самую разнообразную литературу, в том числе и низкосортную.

34 Асбьернсен Петер Кристен (1812-1885) - крупный норвежский фольклорист. Вместе с Иергеном Му издал "Норвежские народные сказки" (1841), затем - "Норвежские волшебные сказки и народные сказания" (1845-1848).

35 Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776-1822) - немецкий писатель-романтик. Для детей им написаны "Щелкунчик л мышиный король", "Чужое дитя" и др.

36 Гауф Вильгельм (1802-1827) - немецкий писатель-романтик, автор сказок, в которых использованы сюжеты и образы немецкого фольклора и мотивы восточных сказок.

37 Лабуле Эдуард-Рене (1811-1883) - французский публицист, ученый и общественный деятель, автор сказки-памфлета "Принц-собачка" и нескольких серий политических сказок.

38 Топпелиус Захарий (1818-1898) - шведско-финский поэт и прозаик, автор сказок для детей.

39 В круг детского чтения вошли следующие произведения Всеволода Михайловича Гаршина (1855-1888): "Лягушка-путешественница" (1887) и "Attalea princeps" (1880).

40 Кроме "Корейских сказок", из произведений Н. Гарина (псевдоним Михайловского Николая Георгиевича, 1852-1906) вошли в круг детского чтения повести "Детство Темы" (1892) и "Гимназисты" (1893).

41 "Тысяча и одна ночь" - арабские сказки, получившие мировую известность после появления французского перевода А. Галлана (начало XVIII в.). Специально для детей выпускается в России с середины XIX века ("Аладдин и волшебная лампа", "Алибаба и сорок разбойников", "Синдбад-мореход" и др.).

42 Перро Шарль (1628-1703) - французский писатель. Известен сборник "Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с моральными наставлениями" (1697), куда вошли сказки "Красная Шапочка", "Золушка" и др., созданные на основе фольклора.

43 Братья Гримм, Якоб (1785-1863) и Вильгельм (1786-1859) - немецкие ученые-филологи. Им принадлежит знаменитый сборник "Детских и семейных сказок" (2 тт., 1812-1814).

44 Киплинг Редьярд Джозеф (1865-1936) - английский писатель. Ему принадлежат сборник "Просто так сказки для маленьких детей" (1902) и "Книга джунглей" (1894-1895).

45 Ричард Львиное Сердце - положительный персонаж романа английского писателя В. Скотта "Айвенго".

46 Имеется в виду следующее высказывание К. Маркса из его работы "Теория прибавочной стоимости": "...Так как в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос? И вот взамен "Илиады" появляется "Генриада" ("К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве", т. I, "Искусство", М. 1967, стр. 175).

47 В 20-30-х годах группа критиков-вульгаризаторов под предлогом защиты детей от влияния буржуазной идеологии, от мистицизма и суеверия объявила вредным любое использование фантазии и вымысла в детских книгах. Была сделана попытка наложить запрет на произведения народного творчества, в частности, на сказку. Еще большее недоверие этим критикам внушала современная сказка, прежде всего, произведения Чуковского (см. об этом главу "Борьба за сказку" в книге К. И. Чуковского "От двух до пяти"). Эти же "теоретики" детского чтения выступали против игрового начала в литературе для детей, утверждая, что "с ребенком надо говорить всерьез". Статья под таким названием появилась в 1929 году на страницах "Литературной газеты" (э 37, 30 декабря). Ее автор, Е. Флерина - председатель комиссии по детской книге НКП РСФСР, поддерживала нападки на Маршака и Чуковского (Д. Кальм, Против халтуры в детской литературе. - " "Литературная газета", 1929, э 35, 16 декабря). Е. Флерина писала, в частности, что не стоило бы говорить о Чуковском и Маршаке, "если бы они не создавали направления, если бы объединение на их платформе вокруг журнала "Еж" и Ленгиза не было бы столь организованным и значительным по талантливости авторов данной группы. Мы далеки от того, чтобы ставить знак равенства между К. Чуковским и С. Маршаком, но в основе своих тенденций они солидаризируются. Тенденция позабавить ребенка, дурачество, анекдот, сенсация и трюки даже в серьезных общественно-политических темах - это есть не что иное, как _недоверие к теме и недоверие, неуважение к ребенку, с которым не хотят говорить всерьез о серьезных вещах"_. Против подобной трактовки деятельности С. Я. Маршака протестовали К. Федин, В. Каверин, Б. Пастернак и многие другие (см. "Литературная газета", 1929, э 37, 30 декабря). В защиту Ленинградской редакции и ее творческих принципов выступил А. М. Горький (см. статьи: "Человек, уши которого заткнуты ватой". - "Правда", 1930, э 19, 19 января, и "О безответственных людях и о детской книге наших дней". - "Правда", 1930, э 68, 10 марта).

Постановление ЦК ВКП(б) "О мероприятиях по улучшению детской и юношеской печати" (1928) и "Об издательстве "Молодая гвардия" (1931) указали на порочность идеологических позиций вульгаризаторской критики. В своем докладе на Первом съезде советских писателей А. М. Горький уделил особое место роли сказки в социальном воспитании.

48 Доде Альфонс (1840-1897) - французский писатель. Для детей и подростков издавалась "Прекрасная нивернезка" (1886), "Малыш" (1868), "Удивительные

приключения Тартарена из Тараскона" (1872).

49 Ожешко Элиза (1841-1910) - польская писательница. Некоторые ее рассказы о тяжелой жизни крестьян издавались для детей - "Добрая пани" (1883) и др.

50 Конопницкая Мария Юзефовна (1842-1910) - польская писательница. В России для детей издавались ее произведения: "История о гномах и о сиротке Марысе" (1895), "Мендель Гданьский" (1889) и др.

51 "Задушевное слово" (1877-1918) - детский журнал благонамеренного направления. Издавался для детей младшего и среднего возраста. Печатал статьи познавательного характера, оригинальные и переводные стихи, рассказы, повести. Значительное место на страницах журнала занимали рассказы и повести Л. Чарской. Более подробный отзыв Маршака об этом журнале см. в статье "О наследстве и наследственности" (т. 7 наст. изд.).

52 Донон - содержатель известного в свое время петербургского ресторана.

53 Фильдинг Генри (1707-1754) - английский писатель, автор романа "История Тома Джонса, Найденыша" (1749).

54 Речь идет о героине романа Чарлза Диккенса (1812-1870) "Домби и сын".

55 Ряд романов Чарлза Диккенса, принадлежащих к жанру "романа воспитания", стали излюбленным детским чтением: "Приключения Оливера Твиста" (1838, русск. пер. - 1841), "Домби и сын" (1848, русск. пер. - 1847-1848), "Дэвид Копперфильд" (1849, русск. пер. - 1849), "Большие ожидания" (1861, русск. пер. - 1861) и др.

56 Такие произведения Виктора Гюго (1802-1885), как "Ган Исландец" (1823, русск. пер. - 1833), "Бюг Жаргаль" (1826, русск. пер. - 1887), "Собор Парижской богоматери" (1831, русск. пер. - 1862), "Отверженные" (1862, русск. пер. - 1862), "Труженики моря" (1866, русск. пер. - 1866), "Человек, который смеется" (1869, русск. пер. - 1869), вошди в круг чтения детей всего мира.

57 Купер Джеймс Фенимор (1789-1851) - американский писатель. Среди подростков пользуются популярностью его романы, посвященные североамериканским индейцам ("Зверобой", "Следопыт", "Последний из могикан", "Кожаный чулок" и "Прерия") и морской теме ("Лоцман" и др.).

58 Льюис Кэрролл (псевдоним Чарлза Латуиджа Доджсона, 1832-1898) английский детский писатель, священник и математик, профессор Оксфордского университета, автор сказочной повести "Алиса в стране чудес" (1865) и ее продолжения - "В Зазеркалье" (1871).

59 Станюкович Константин Михайлович (1843-1903) - русский писатель. Его книги "Морские рассказы", "Вокруг света на "Коршуне" и повесть "Севастопольский мальчик" вошли в круг чтения детей и юношества.

60 Лукашевич Клавдия Владимировна (1859-1937) -детская писательница, выступавшая в разных жанрах (повести, рассказы, пьесы, биографии великих людей). В рассказах из народной жизни идеализировала крестьянский быт. См. более подробную характеристику ее творчества в статье Маршака "О наследстве и наследственности..." (т. 7 наст. изд.).

61 Повесть Александра Сергеевича Неверова (псевдоним Скобелева, 1886-1923) "Ташкент - город хлебный" (в переработке для детей - "Мишка Додонов", 1925) была одним из самых популярных произведений детской литературы 20-х годов.

62 Бляхин Павел Андреевич (1887-1961) - автор повести "Красные дьяволята", которая пользовалась большим успехом в 20-е годы. "С нею, в сущности, впервые в детскую книгу входила революционная героическая тема... Повесть Н. Бляхина являлась, с одной стороны, попыткой заменить бульварную, переводную приключенческую литературу, оживавшую в годы нэпа, и одновременно - вывести на страницы детской книги нового юного героя, воодушевленного идеалом современной революционной борьбы. В этом было значение этой повести, хотя исключительные ситуации в ней заслоняли характеры и мешали создать жизненный образ юного героя" (Л. И. Тимофеев, Введение. - В кн.: История русской советской литературы, т. I. Изд-во АН СССР, М. 1958, стр. 80).

63 Григорьев (псевдоним Сергея Тимофеевича Григорьева-Патрашкина, 1875-1953). Впервые выступил в детской литературе с рассказом "Красный бакен" (1923). Повести, упоминаемые Маршаком, разрабатывали историко-революционную тему в творчестве писателя. Григорьев был одним из зачинателей исторической повести для детей ("Берко-кантонист" - 1927, "Мальчий бунт" - 1925) и принял участие в создании научно-художественной и фантастической литературы ("Гибель Британии" -1926, "Радио на Маре-Сале", 1929).

64 Повесть Льва Евгеньевича Остроумова (1892-1955) "Макар-Следопыт" (кн. 1-3, 1925-1928) рассказывала о приключениях деревенского паренька, ставшего в годы гражданской войны разведчиком в Красной Армии, и пользовалась большой популярностью в детской аудитории.

65 "Родина" (1879-1917) - иллюстрированный журнал с большим количеством бесплатных приложений. Авторы, печатавшиеся в журнале, в стихах и прозе прославляли царствующий дом.

66 Кожевников Алексей Бенедиктович (р. 1891) в 20-30-х годах писал в основном для детей, был постоянным сотрудником пионерской периодической печати.

67 "Мир приключений" (1910-1930) - сначала ежемесячный иллюстрированный сборник, с 1914 года - журнал, печатавший романы, повести, рассказы.

68 "Всемирный следопыт" (1925-1931) - журнал, печатавший приключения, путешествия и краеведческие статьи.

69 Кервуд Джеймс Оливер (1878-1927) - канадский писатель, охотник, натуралист и путешественник, автор авантюрно-психологических романов и повестей о животных ("Казан" - 1914, "Гризли" - 1917 и др.).

70 Лоскутов Михаил Петрович (1906-1943) издал для детей две книги об освоении пустыни: "Тринадцатый караван. Записи о пустыне Кара-Кум", "Молодая гвардия", М. 1933, и "Рассказы о дорогах", Детгиз, М. 1935.

71 Речь идет о книге М. Ильина (псевдоним Ильи Яковлевича Маршака, 1896-1953) "Горы и люди (Рассказы о перестройке природы)".

72 Григорьев Николай Федорович (р. 1896) - детский писатель. В детской литературе начал работать с 1931 года при творческой поддержке С. Я. Маршака.

73 Имеется в виду книга Константина Дмитриевича Золотовского (р. 1904) "Подводные мастера (Повесть о водолазах)", "Молодая гвардия", Л. - М. 1933, над редактированием которой, по свидетельству В. Беляева, много поработал С. Я. Маршак (см. сб. "Я думал, чувствовал, я жил...", "Советский писатель", М. 1971).

74 Речь идет о романе Жюля Верна "Путешествия и приключения капитана Гаттераса" (1866).

75 Сетон-Томпсон Эрнест (1860-1946) - канадский писатель и художник-анималист. Его книги "Животные-герои", "Маленькие дикари", "Рольф в лесах" многократно издавались для детей.

76 Роберте Чарлз (1860-1943) - канадский писатель, последователь Сетон-Томпсона. Одно из лучших его произведений- "Рыжий лис" (русск. пер. 1905).

77 Лонг Вильям (1866-1952) - американский писатель, автор книг "Школа лесов" (русск. пер. - 1905-1907), "В царстве птиц" (русск. пер. - 1905), "Чаплаган" (русск. пер. - 1904).

78 Пришвин Михаил Михайлович (1873-1954)русский писатель. Для детей им созданы: "Матрешка в картошке" (1925), "Ярик" (1927), "Еж" (1928), "Рассказы егеря Михал Михалыча" (1928) и др. Итог работы писателя для ребят - сборник "Золотой луч" (1955).

79 Маршак имеет в виду такие книги Б. С. Житкова, как "Про слона" (1926), "Беспризорная кошка" (1927), "Про обезьянку" (1928), "Про волка" (1930) и др.

80 Бианки Виталий Валентинович (1894-1959) начал писать для детей в журнале "Новый Робинзон". В одном из первых его номеров была напечатана сказка Бианки - "Путешествие красноголового воробья". В 1924 году вышли книги Бианки: "Кто чем поет", "Лесные домишки", "Первая охота". Для более старших были написаны повести "Мурзук" (1925) и "Аскыр" (1927). "Лесная газета" выросла из "газетного отдела" "Нового Робинзона", где Бианки из номера в номер вел фенологический календарь природы. Отдельной книгой "Лесная газета" впервые вышла в 1928 году. Большую роль в становлении В. В. Бианки - детского писателя сыграл С. Я. Маршак. В. В. Бианки впервые пришел к С. Я. Маршаку со стихами. "Это были, - говорит Лидия Чуковская, - стихи в прозе - длинные, туманные, символические. Они Маршаку не понравились. Но автора упустить он не хотел. Он знал, что В. Бианки - охотник, что отец его - орнитолог. И он предложил молодому литератору поделиться с детьми своим зоолого-охотничьим опытом. В ответ на это предложение В. Бианки написал свои первые книги: "Чей нос лучше", "Кто чем поет", "Лесные домишки" (Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, стр. 264).

81 Чарушин Евгений Иванович (1901-1965) - работал иллюстратором книг о животных и природе в детском отделе Госиздата в Ленинграде. Первыми книгами, иллюстрированными Чарушиным, были "Мурзук" В. Бианки и "Волк" Лесника (см. ниже). С 1931 года начал писать для детей рассказы о животных. "Появлением на свет писателя Е. Чарушина литература тоже обязана редакторской проницательности Маршака. Художник Е. Чарушин все просил в редакции, чтобы ему подобрали автора для подписей к рисункам - к его медвежатам, олежкам, рысятам, волчатам. Зная Е. И. Чарушина как отличного рассказчика, Маршак настоял, чтобы он попробовал писать сам. И не ошибся" (Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, стр. 264).

82 Лесник (псевдоним Евгения Васильевича Дубровского, 1870-1941) автор ряда очерков и рассказов о природе, написанных для детей: "Волк", "Первый снег" и др.

83 Перовская Ольга Васильевна (1902-1961) - автор рассказов о животных. Наибольшую известность получила ее книга "Ребята и зверята" (1925).

84 Речь идет о пьесах-хрониках В. Шекспира "Генрих IV", "Ричард III", "Ричард II", "Король Джон" и др.

85 Скотт Вальтер (1771-1832) - английский писатель, создатель жанра исторического романа. Начиная с 40-х годов XIX века романы Вальтера Скотта постоянно выпускаются для детей: "Айвенго" (1820, русск. пер. - 1826), "Квентин Дорвард" (1823, русск. пер. - 1827), "Роб Рой" (1818, русск. пер. 1829) и др.

86 Дюма Александр (1802-1870) - французский писатель, автор приключенческих романов на историческую тему: "Три мушкетера" (1844), "Двадцать лет спустя" (1845), "Граф МонтеКристо" (1845-1846) и др.

87 Речь идет о книге немецкого писателя К. Оппеля "Чудеса древней страны пирамид" (русск. пер. - 1867).

88 Имеется в виду книга В. Лукьянской "Три тысячи лет тому назад (Книга о войнах и о мирной жизни греческого народа. Рассказы из истории Греции)", изд. "Посредник", М. 1901.

89 Речь идет об историческом романе французского автора Альфреда Рамбо (1842-1905) - "Печать Цезаря (Из воспоминаний галльского солдата)".

80 Речь идет о книге Николая Петровича Аксакова "Дети-крестоносцы. Историческая повесть для юношества", М. 1894.

91 "Под громом пушек. Из времен войны 1870 г." - произведение немецкого автора К. Клейна.

92 "Кто были паши предки славяне и как они жили" - книга из серии В. П. Алексеева "Русская история в рассказах для школ и народа", тип. т-ва И. Д. Сытина, М. 1900-1905.

93 Авенариус Василий Петрович (1839-1923) - русский писатель, начал свою деятельность в 60-е годы антинигилистическим романом "Бродящие силы", а затем подвизался на поприще исторических романов для юношества. Трилогия "За царевича" - наиболее известное из его произведений.

94 Речь идет о "Сравнительных жизнеописаниях" древнегреческого писателя Плутарха (ок. 46 - ок. 126).

95 "Песни скальдов" - сборник произведений скандинавского героического эпоса.

96 Ливии Тит - римский историк (59 до н. э.-17 н. э.) - Извлечение из его произведений входили до революции в круг школьного чтения и изучения.

97 "Жизнь Бенвенуто Чел лини" - автобиография знаменитого итальянского скульптора и ювелира XVI века (1500-. 1571). С. Я. Маршак высоко ценил русский перевод этой книги, сделанный М. Л. Лозинским.

98 Лэм Чарлз (1775-1834) - английский писатель, автор известных русскому читателю "Рассказов из Шекспира" (1807, русск. пер. - 1869).

99 Фернейский отшельник - так принято называть Вольтера, который последние двадцать лет своей жизни (1758-1778) провел в имении Ферне, на границе Франции и Швейцарии.

100 Речь идет об опере композитора А. Серова (1820-1871) "Рогнеда" (1865).

101 Имеется в виду картина художника Маковского Константина Егоровича (1839-1915).

102 О Татьяне Александровне Богданович (1873-1942), о ее вступлении в детскую литературу и о той помощи, которую оказал ей в работе С. Я. Маршак, см. "Дом, увенчанный глобусом"), а также главу "Маршак-редактор" в книге Лидии Чуковской "В лаборатории редактора", "Советский писатель", М. 1960, Стр. 265.

103 Дань к о Елена Яковлевна (1898-1942) - автор таких исторических книг для детей, как "Китайский секрет" (1929), "Деревянные актеры" (1931), "Иоганн Гуттенберг" (1925) и др. "Многие годы писала стихи талантливая художница Е. Данько, но вошла Она в литературу, то есть в память читателя, пе этими стихами, а детской книжкой "Китайский секрет". Маршаку было известно, что Е. Данько работает в качестве художницы на заводе имени Ломоносова, и он сумел увлечь ее задачей написать для ребят историю открытия фарфора вместе с историей одного из стариннейших и славнейших ленинградских заводов" (Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, стр. 265).

104 Шторм Георгий Петрович (р. 1898) - впервые выступил с историческими очерками для детей на страницах журнала "Еж". В 1929 году вышла его первая книга - рассказ о восстании крепостных крестьян во главе с И. Болотниковым. Работает в историческом жанре ("На поле Куликовом" - 1938, "Полтава" -1939, "Подвиги Святослава" - 1947, "Потаенный Радищев" - 1965 и др.).

105 Слонимский Александр Леонидович (18841964) - начал писать для детей на страницах "Нового Робинзона". Создал повесть о декабристах - "Черниговцы" (1828), а также "Рассказы о лицейской жизни Пушкина" (1937) и др.

106 Повесть Степана Павловича Злобина (1903-1965) "Салават Юлаев" (1930), как и "Повесть о Болотникове" Г. Шторма, завоевала признание не только юного, но и взрослого читателя 30-х годов.

Публикуется по машинописному автографу 1957 года с авторской правкой.

Дело Геринга о поджоге. - Впервые в газете "Известия", 1934, э 291, 14 декабря, под названием "Окончательный приговор"; позднее, в переработанном виде - в журнале "Звезда", М. 1935, э 2.

Статья написана на основе писем советских ребят по поводу героического поведения Г. Димитрова на Лейпцигском процессе. Лейпцигский процесс (1933) был инсценирован немецкими фашистами. В ночь на 28 февраля 1933 года гитлеровцы подожгли здание рейхстага, обвинив в этом коммунистов и развернув затем массовый террор. Болгарский коммунист Георгий Михайлович Димитров (1882-1949) был в числе обвиняемых. Он использовал трибуну судебного заседания для разоблачения фашизма. Чудовищная фашистская провокация вызвала волну протеста во всем мире.

В своих статьях, заметках, рецензиях С. Я. Маршак неоднократно обращался к изучению детских писем, сочинений, творческих работ, на основании которых можно было бы составить представление о мировосприятии ребенка. Сходные изыскания несколько раньше начал вести К. И. Чуковский, создавший книгу о детской психологии, детском словотворчестве, о формировании у ребенка представлений о действительности ("Маленькие дети", 1928, впоследствии - под названием "От двух до пяти"). Но если К. И. Чуковский в первую очередь стремился уловить некоторые общие закономерности детского восприятия действительности и детского творчества, то С. Я. Маршак проводил своего рода социологическое исследование того влияния, которое оказывает на формирование духовного облика ребенка советская действительность. Он исследовал мировосприятие советского ребенка. Кроме "Дела Геринга о поджоге", С. Я. Маршаку принадлежат статьи "Дети о будущем" (см. т. 6 наст, изд.), "Дети - поэты" (см. т. 6 наст, изд.), "Дети отвечают Горькому" (см. т. 7 наст, изд.) и др. Письма и стихи ребят интересны С. Я. Маршаку тем, что они дают возможность понять со всей ясностью и убедительностью, чем живет, о чем думает, чем интересуется сегодняшняя детвора. Оказывается, дети посвящают стихи полярным перелетам, подвигам наших пограничников, борьбе в Испании, Чапаеву, Ломоносову, смерти Ленина... "Бедным "вундеркиндам" доброго старого времени, - пишет С. Маршак, - даже и не снились те ответственные темы, за которые так смело берутся сейчас наши школьники. И это не потому, что они слишком самоуверенный народ. Нет, все эти большие и важные темы окружают наших ребят с первых дней их существования. История не кажется им отвлеченным предметом" (Предисловие к сб. "Стихи детей", Детиздат, Л. 1936, стр. 8).

1 "Последний из могикан" - персонаж одноименного романа Фенимора Купера.

2 Бюнгер - председатель суда в Лейпциге, тенденциозно руководивший процессом.

3 Тельман Эрнст (1886-1944) - выдающийся деятель германского и международного рабочего движения. После установления фашистской диктатуры в Германии стал одной из первых жертв фашистского террора. Был арестован в 1933 году и все время находился в условиях строжайшей изоляции. 18 августа 1944 года был убит фашистами в концентрационном лагере Бухенвальд.

Печатается по машинописному тексту с авторской правкой, датированной секретарем С. Я. Маршака 25 апреля 1958 г.

Повесть об одном открытии. - Впервые в книге "Год восемнадцатый", Альманах э 8, Гослитиздат, М. 1935.

Статья предваряла в альманахе очерк крупного советского физика-теоретика, сотрудника института Иоффе Матвея Петровича Бронштейна (1906-1938). С. Я. Маршак привлек ученого к созданию нового типа книг о науке. М. П. Бронштейн написал для детей еще два научно-художественных произведения: "Лучи Икс" (Детиздат, М. - Л. 1937) и "Изобретение радиотелеграфа" ("Костер", 1936, э 4 и 5). С. Я. Маршак редактировал все работы Бронштейна для детей.

В своей статье С. Я. Маршак обосновывает необходимость создания нового - научно-художественного жанра в детской литературе.

1 Имеется в виду книга: "Тарас Бульба. Повесть из казачьей жизни запорожцев". В. М. Дорошевич, изд. И. А. Морозова, М. 1908.

2 Герштеккер Фридрих (1816-1872) - немецкий писатель и путешественник, автор путевых очерков, романов и рассказов, насыщенных этнографическим материалом.

3 Книга М. Бронштейна вышла отдельным изданием в 1936 году и переиздана в 1959 году с послесловием академика Л. Д. Ландау.

4 Из статьи А. М. Горького "Литературу - детям" ("Правда", 1933, э 159, 11 июня).

Печатается по тексту альманаха.

Дети о будущем. - Впервые в газете "Правда", 1935, э 196, 18 июля.

Печатается по газетной публикации с учетом авторской правки 50-х годов.

За большую детскую литературу. - Впервые в газете "Комсомольская правда", 1936, э 18, 22 января, и в журнале "Детская литература", 1936, э 1, январь.

Сокращенная и обработанная стенограмма доклада на Первом совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ.

Совещание происходило 15-17 января 1936 года.

1 Речь идет о библиографическом справочнике: Старцев И. И., Детская литература. Библиография. 1918-1931, "Молодая гвардия", М. 1933. - ,

2 Маршак имеет в виду гонение на сказку, организованное в 20-30-е годы критиками-вульгаризаторами. См. примечания к статье "О большой литературе для маленьких".

3 Критические суждения о лжеэкспериментаторстве в пореволюционной школе более подробно развиты в статье С. Маршака "Растущий счет" (газ. "Литературный Ленинград", 1935, э -18, 20 апреля), написанной в связи с годовщиной постановления о ликвидации РАППа {РАПП - Российская Ассоциация Пролетарских писателей (1923-1932), была распущена постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.}. Школа, говорится в этой статье, в 20-е годы "служила чем-то вроде опытного поля для всевозможных псевдометодов. Эти "человеки в футляре" забыли в азарте отвлеченного прожектерства самые главные задачи воспитания, забывали и самого ребенка. На диспутах о детской книжке схоласты с пеной у рта предавали проклятию всякий намек на сказку, всякий даже самый скромный поэтический образ, всякую попытку игры.

На детской книжке сказались все недостатки школы того времени, да вдобавок еще и все ошибки литературы последних лет РАППа.

Если старая литература для детей (я говорю об основной ее массе) пыталась надолго удержать ребенка в игрушечном, кукольном мире, - то книга, которой требовали от писателя наши педагоги-рационализаторы, шла мимо ребенка, не давая ему никакой радости воображения... Мы, детские писатели, кроме 23 апреля, отмечаем в своем календаре еще две даты - 5 сентября 1931 года и 25 августа 1932 года {Речь идет о постановлениях ЦК ВКП(б) "О начальной и средней школе" (1931) и "Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе" (1932)}. В эти дни партия определила для социалистической школы настоящий путь так же, как в апреле 1932 года она проложила просторную дорогу нашей литературе.

Детская книга сразу же это почувствовала. Мы вспомнили о ребенке, о его живых, насущных интересах, о его праве на игру и воображение, на Андерсена в одном возрасте и наЖюля Верна в другом..." (газета "Литературный Ленинград", 1935, э 18, 20 апреля).

4 Речь идет о повести итальянского писателя Эдмондо Де Амичиса (1846-1908) "Сердце" (1886), в русском переводе - "Записки школьника" (1892), принесшей автору мировую известность. С. Я. Маршак отрицательно относился к этой книге. В заметке "Я побывал в трех странах", в частности, говорится "Помню мой жестокий спор с одним серьезным и вдумчивым итальянским врачом-педагогом. Я имел неосторожность обругать "Дневник школьника" так же откровенно, как ругал его в Ленинграде. Обругал за дидактичность, за слащавость и фальшивую моралистику, за скучную и неубедительную сентиментальность" (газета "Литературный Ленинград", 1933, э 10, 5 октября).

5 Бернет Фрэнсис Элиза (1849-1924) - американская детская писательница. В России издавались ее книги: "Маленький лорд Фаунтлерой", "Сарра Кру", "Маленькая подвижница" и др.

6 Олькотт Луиза (1832-1888) - американская детская писательница. Автор популярных книг: "Маленькие мужчины" и "Маленькие женщины".

7 Будогоская Лидия Анатольевна (р. 1898) - автор "Повести о рыжей девочке" (1929), "Повести о фонаре" (1936). См. о ней в статье "Дом, увенчанный глобусом") (т. 7 наст, изд.), а также в статье Лидии Чуковской "О книгах забытых или незамеченных" (Журнал "Вопросы литературы", 1958, э 2).

8 Квитко Лев Моисеевич . (1890-1952) - еврейский поэт. Творчество Квитко для

детей наиболее полно представлено на русском языке книгой стихов "Моим друзьям", вышедшей в 1957 году в Детгизе. Стихи Квитко переводили С. Маршак, М. Светлов, С. Михалков и др.

9 Забила Наталья Львовна (р. 1903) - украинская детская писательница, выступила в литературе для детей в 20-е годы с прозаическими произведениями на историческую тему. В 30-е годы известность приобрели стихи Забилы (считалки, сказки, лирические стихотворения).

10 Копыленко Александр Иванович (1900-1958) - украинский писатель. Его повесть из школьной жизни "Очень хорошо" была довольно популярна в 30-е годы. Об этой повести см. "Истоки чувств" (т. 7 наст. изд.). О другой повести Копыленко - "Солнце", см. "О жизни и литературе" (т. 6 наст. изд.).

11 Петро Панч (псевдоним Петра Иосифовича Панченко, р. 1891) украинский писатель. Автор книг для детей: "Будем летать" (1935), "Сын Таращанского полка" (1937), "Эрик ищет счастья" (1950) и др.

12 Микола Трублаини (псевдоним Николая Петровича Трублаевского, 1907-1941) - украинский писатель. Первая книга для детей "Володька-рыболов" (1933). Большинство произведений написано в приключенческом жанре ("Лахтак" (1936), "Шхуна Колумб" (1951) и др.).

13 Иваненко Оксана Дмитриевна (р. 1906) - украинская детская писательница. С 1925 года начала печататься в детском журнале "Красные цветы". В 30-е годы работала преимущественно в жанре сказки. В 1939 году написала книгу о детстве Шевченко - "Тарасова доля" (впоследствии в переработке - "Шляхи Тараса").

Печатается по тексту журнальной публикации.

Гордитесь правом писать для детей. - Впервые в газете "Комсомольская правда", 1937, э 7, 9 января, и в журнале "Детская литература", 1937, э 2, январь.

Выступление на Втором совещании по вопросам детской литературы при ЦК ВЛКСМ, которое состоялось 27-30 декабря 1936 года.

Выступавшие отмечали огромный сдвиг в переиздании книг для детей. Дети получили произведения классиков, лучших писателей русской и мировой литературы, произведения фольклора. Одним из главных вопросов Второго совещания стал вопрос о книге на современную тему.

1 Тиль Уленшпигель - герой народного эпоса, персонаж романа бельгийского писателя Шарля Де Костера (1827-1879) "Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных и достославных деяниях во Фландрии и в других краях" (1867).

2 Фальстаф - действующее лицо исторической хроники В. Шекспира "Генрих IV" и его же комедии "Виндзорские насмешницы".

3 Косарев Александр Васильевич (1903-1939) - деятель коммунистического движения молодежи. С 1929 по 1939 -" ген. секр. ЦК ВЛКСМ.

Печатается по тексту журнальной публикации.

"Волшебное перышко". - Впервые в газете "Правда", 1937, э 214, 5 августа.

Печатается по тексту газетной публикации.

О детских календарях. - Впервые в газете "Правда", 1938, э 56, 26 февраля.

Рецензия на детский календарь 1938 года, выпущенный Соцэкгизом.

1 Речь идет об извлечениях из книги немецкого философа Фридриха Ницше (1844-1900) "Так говорил Заратустра".

2 Водопьянов Михаил Васильевич (р. 1899) - полярный летчик; один из первых героев Советского Союза; участвовал в спасении пассажиров и экипажа парохода "Челюскин", погибшего во льдах Чукотского моря. Автор ряда очерков и рассказов о полярной авиации ("Полюс", Детиздат, М. 1939; "Полярный летчик", Детиздат, М. -

Л. 1952, и др.).

3 Богоров Вениамин Григорьевич (р. 1904) - советский океанолог.

4 Визе Владимир Юльевич (1886-1954) - советский ученый, полярный исследователь.

Печатается по автографу, содержащему ряд мест, опущенных при публикации в газете.

Герои - детям. - Впервые в журнале "Литературный критик", 1939, э 1, январь. Частично (3 и 4, 5 главки) - в газете "Правда", 1938, э 350, 21 декабря, под названием "Книги о героизме".

1 Артюхова Нина Михайловна (р. 1901) - детская писательница.

2 Речь идет о герое романа Жюля Верна "Робюр-Завоеватель".

3 Чкалов Валерий Павлович (1904-1938) - советский летчик-испытатель. Вместе с Г. Ф. Байдуковым и А. В. Беляковым совершил беспосадочные перелеты Москва - о. Удд (1936) и Москва - Ванкувер (США) через Северный Полюс (1937).

4 Челюскинцы - участники экспедиции на пароходе "Челюскин" (1933-1934 гг., руководитель - О. Ю. Шмидт). Целью плавания было пройти из Мурманска во Владивосток за одну навигацию. В Беринговом проливе "Челюскин" был затерт льдами, а затем вынесен в Чукотское море и в 1934 году раздавлен льдами. Участники плавания высадились на льдину, откуда были спасены советскими летчиками.

Печатается по тексту журнальной публикации.

О планах, книгах и авторах. - Впервые в "Литературной газете", 1939, э 6, 30 января.

Сокращенная и обработанная стенограмма выступления С. Я. Маршака на совещании при ЦК ВЛКСМ 28 декабря 1938 года, где обсуждался план Детиздата на 1939 год. С незначительными изменениями под названием "О планах, темах и авторах" была опубликована в журнале "Детская литература", 1939, э 2, февраль.

1 Водовозова Елизавета Николаевна (1844-1923) - педагог, детская писательница, мемуаристка, автор популярной в свое время книги "Жизнь европейских народов" (т. 1-3, 1875-1883).

2 Речь идет о книгах: П. Г. Головин, Как я стал летчиком, Детнздат, М. 1938, и К. Кайтанов, Мои прыжки, Детиздат, М. 1938.

Печатается по тексту газетной публикации.

Будущим героям. - Впервые в газете "Правда", 1939, э 140, 22 мая.

Печатается по тексту газетной публикации.

Уважаемые дети. - Впервые в "Литературной газете", 1939, э 33, 15 июня, и в газете "Комсомольская правда", 1939, э135, 15 июня.

1 Речь идет о фельетоне "Между прочим", напечатанном А. М. Горьким в "Самарской газете" (1895, сентябрь, э 201) под псевдонимом Иегудиил Хламида (см. М. Горький (Иегудиил Хламида), Между прочим. Фельетоны 1895-1896 гг., Куйбышев, 1941),

2 Речь идет о статьях: "Человек, уши которого заткнуты ватой", "О безответственных людях и о детской книге наших дней", "Литературу - детям", "О темах".

3 Из статьи А. М. Горького "О старом и новом" ("Известия", 1927, э 250, 30 октября).

4 А. М. Горький, "Школе шалунов", конец декабря 1909-начало января 1910 года, Капри. - См. Собр. соч. в 30-ти тт., т. 29, ГИХЛ, М. 1954, стр. 105-106.

5 Из того же письма.

6 Из письма М. А. Пешкову от 26 января (18 февраля) 1907 года, Капри. См. Собр. соч., т. 29, стр. 7.

7 Из письма М. А. Пешкову, около 18(31) марта 1906 года, Глион, Швейцария. - См. Собр. соч., т. 28, стр. 413.

8 "База курносых. Пионеры о себе" - книга, написанная учащимися 6-й средней школы г. Иркутска, издана в 1934 году Восточно-Сибирским краевым издательством. Известно письмо Горького "Пионерскому кружку 6 ФЗД, школы в Иркутске". - См. Собр. соч., т. 27, стр. 204.

9 Из письма А. М. Горького "Двум тысячам пионеров заполярного города Игарки". - См. Собр. соч., т. 30, стр. 421-424. Книга "Мы из Игарки" была издана Детиздатом в 1938 году при участии С. Я. Маршака под "редакцией Т. Г. Габбе. Об этой книге см. заметки С. Я. Маршака в газетах "Известия" (1937, э 103, 1 мая), "Правда" (1939, э 86, 28 марта), "Пионерская правда" (1937, э 45, 2 апреля).

10 Из письма "Пензенским пионерам" (1935, октябрь, Тессели). - См. Собр. соч., т. 30, стр. 403.

11 Письмо А. М. Горького М. и Д. Пешковым от 29 сентября 1935 года (Архив Горького; частично опубликовано в газете "Пионерская правда", 1938, э 43, 28 марта).

Печатается по машинописному тексту 50-х годов.

Жизнь побеждает смерть. - Впервые в журнале "Октябрь", 1942, э 8, август.

В годы Великой Отечественной войны С. Я. Маршак вел напряженную публицистическую работу. О том, до какой степени она поглощала писателя, дает представление заметка "Моему читателю": "Мой шестилетний корреспондент спрашивает меня, почему я, которого дети считают своим собственным писателем, изменил им и в последний год писал только для больших - в газетах, на плакатах, в журналах, - почему мои последние книжки изданы не для детей, а для взрослых.

Я хотел бы ответить шестилетнему художнику и другим моим читателям так.

Я по-прежнему верен детям, для которых всю жизнь писал сказки, песни, смешные книжки. По-прежнему я очень много думаю о них.

Думать о детях - это значит думать о будущем.

И вот, думая о будущем, я не могу не отдавать себя целиком простой и скромной службе писателя военного времени.

И я буду писать для взрослых, которые воюют на фронте и в тылу, - до тех пор, пока счастье наших детей не будет обеспечено победой" (газ. "Литература и искусство", 1943, э 1, 1 января).

Печатается по тексту журнальной публикации.

О нашей сатире. - Впервые в газете "Литература и искусство", 1943, э 29, 17 июля.

1 Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881-1925) - сотрудник, а затем редактор журнала "Сатирикон" (1908-1914), позднее редактор "Нового сатирикона" (1913-1918), автор юмористических рассказов.

2 Ответное письмо защитников Ханко барону Маннергейму. - В октябре 1941 года, в один из напряженнейших моментов Великой Отечественной войны, героические защитники полуострова Ханко в ответ на листовки, сброшенные им по приказу главнокомандующего финляндской армией барона Маннергейма (Карл Густав Эмиль, 1867-1951), послали ему письмо, опубликованное в корреспонденции Р. Июльского "Хатко смеется над вами, барон!" ("Комсомольская правда", 1941, э 268, 14 ноября),

3 Лукиановский диалог. - Древнегреческий писатель Лукиан (ок. 117-ок. 190) прославился своими сатирическими диалогами ("Гермотим", "Пир", "Продажа жизней" я др.), направленными против религии, философского догматизма, пороков рабовладельческого класса периода кризиса Римской империи.

4 Эпиграмма поэта Лукиллия (I в. н. э.) в переводе Л. В. Блуменау ("Греческие эпиграммы", Academia, М.-Л. 1935, стр. 187). Цитируется неточно. У Блуменау:

Раз довелось увидать Антиоху тюфяк Лисимаха

И не видал тюфячка после того Лисимах.

Печатается по тексту газетной публикации с учетом авторской правки конца 50-х годов.

О жизни и литературе. - Впервые в "Литературной газете", 1945, э 24, 2 июня.

1 Произведения для детей занимают значительное место в творчестве Алексея Николаевича Толстого (1883-1945). В 1909-1912 годах он печатался в журнале "Тропинка". В 1911 году им написана сказка "Жар-птица". В 1918 году в горьковском сборнике "Елка" напечатана сказка "Фофка". В эмиграции была создана автобиографическая повесть для детей "Детство Никиты". В 20-е годы написал ряд сказок и рассказов. В 30-е годы по мотивам сказки итальянского писателя К. Коллоди "Пиноккио, или Похождения деревянной куклы" А. Толстой создал оригинальную повесть "Золотой ключик, или Приключения Вуратино".

"Когда Алексей Николаевич принес в редакцию свой перевод "Пиноккио" Карло Коллоди, - рассказывает Лидия Чуковская, - Маршак сказал ему, что он хотел бы видеть не Толстого-переводчика, а Толстого-рассказчика; редактор предложил Алексею Николаевичу заново рассказать итальянскую сказку, вспомнив, как он воспринимал ее, когда ее читали ему в детстве" (Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, стр. 266).

В авторской переработке издавались для детей "Аэлита", "Гиперболоид инженера Гарина", "Петр Первый". Толстой подготовил I том свода русских народных сказок для детского чтения.

2 "Отцом своей прозы назвал Маршака на юбилейном чествовании поэт Н. С. Тихонов: заметив, сколько географического, исторического материала, сколько наблюдений, сделанных во время путешествий, остается за бортом его стихов, Маршак убедил Н. С. Тихонова попробовать свои силы в прозе для подростков, и поэт написал для ребят повести "От моря до моря", "Вамбери", рассказ "Симон-большевик" и целый цикл рассказов "Военные кони" (Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, стр. 267).

3 Федин Константин Александрович (р. 1892) написал для детей сказку "Еж" (1923), рассказ "Бочки" (1925), "Абхазские рассказы" (1926), сборник рассказов "Мальчики" (1944).

4 Нехода Иван Иванович (р. 1910) - украинский поэт, автор стихов и сказок для детей.

5 "Мальчик из Ленинграда" (1945) - первая детекая книга Нины Евгеньевны Раковской (р. 1905).

Печатается по тексту газетной публикации.

Почта военная. - Впервые в "Литературной газете", 1952, э 66, 31 мая.

В период Великой Отечественной войны С. Я. Маршак трижды выезжал на фронт. В архиве хранится удостоверение, выданное Политическим отделом 7-й Стрелковой дивизии: "Поэт С. Я. Маршак находился в 7-й Стрелковой дивизии Действующей Армии с 20 сентября по 24 сентября 1941 г.

После проведения политработы в частях и подразделениях тов. Маршак возвращается в город Москву.

Нач. политотдела 7 СД батальонный комиссар Н. Охапкин.

Секретарь политотдела Жданов".

О второй поездке, состоявшейся в июльские дни 1942 года, рассказывает генерал П. Ф. Иванов: "По просьбе Самуила Яковлевича мы собрали солдат, выполняющих на передовой обязанности письмоносцев. С. Я. Маршак внимательно и подробно расспрашивал их, как доставляются письма, просил вспомнить различные боевые эпизоды, рассказать о чувствах бойцов, получающих вести от родных и любимых" (П. Ф. Иванов, В Пятой Армии. - Архив С. Я. Маршака). О третьей поездке, во время которой, очевидно, окончательно оформился замысел "Почты военной, см. письмо С. Я. Маршака С. М. Маршак и Я. С. Маршаку от 19 февраля 1943 года (Комментарий к I т. наст, изд., стр. 534).

Печатается по тексту газетной публикации.

Почему я перевел Джанни Родари. - Впервые в "Литературной газете", 1952, э 141, 22 ноября.

Написано по случаю публикации "Литературной газетой" стихов Д. Родари в переводах С. Я. Маршака.

Печатается по тексту газетной публикации с учетом позднейшей правки.

О тех, кто пишет на полях. - Впервые в "Литературной газете", 1955, э 21, 17 февраля.

Суждения С. Я. Маршака о творчестве редактора обобщают и его собственный редакторский опыт, прежде всего ту работу, которую он вел в 1924-1937 годах, в Ленинградской редакции детского отдела Госиздата (впоследствии Детиздата, "Молодой гвардии", Детгиза). "Редакторская работа Маршака это не только одна из славных страниц истории советской литературы для детей. Нет, это страница из ненаписанной теории редакторского искусства..." - пишет Лидия Чуковская (Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, стр. 273). Сотрудниками Маршака в Ленинградской редакции были Б. С. Житков, Е. Л. Шварц, Н. М. Олейников, Т. Г. Габбе, З. М. Задунайская, А. И. Любарская, Л. К. Чуковская, художник В. Лебедев и др. "Редакция, возглавляемая Маршаком, - вспоминает Лидия Чуковская, - благодаря его увлеченности (мало сказать: увлеченности! - одержимости) никогда не твердила задов. Чуть не каждая книга была экспериментом, поиском, риском. Увлечение заразительно. Маршаку было во имя чего увлекать, организовывать, вербовать людей, он чувствовал себя главой определенного течения в советском искусстве, деятелем родной литературы, он сел за редакторский стол не с пустой душой и не с пустыми руками. У него было "накопленное": он знал читателя и знал литературу. Он искал новых для литературы методов воздействия на душу читателя" ("В лаборатории редактора", стр. 233-234). Поэтому Ленинградская редакция понимала "свою деятельность как творческую, созидательную деятельность в литературе, а не как труд контролера, задача у которого одна: ставить препоны идейным и стилистическим заблуждениям автора" (там же, стр. 216-217).

Печатается по тексту газетной публикации.

О поисках своеобразия. - Впервые в журнале "Молодая гвардия", 1956, э 1, июль - август.

1 Из стихотворения Е. А. Баратынского "Муза".

2 С. Я. Маршак цитирует монолог Фамусова из комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума". У Грибоедова: "Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой..."

Печатается по машинописному автографу, содержащему более позднюю редакцию. На рукописи рукой секретаря С. Я. Маршака проставлена дата 5.5.58.

Образ города. - Впервые в "Литературной газете", 1957, э 75, 22 июня.

Заметка написана в связи с 250-летием со дня основания Ленинграда.

1 Из стихотворения Н. А. Некрасова "Секрет (Опыт современной баллады)".

2 Из поэмы А. С. Пушкина "Медный всадник".

3 Из цикла Н. А. Некрасова "О погоде" ("До сумерек").

4 Стихотворение А. С. Пушкина "Город пышный, город бедный...".

5 Из стихотворения А. А. Блока "На островах".

6 Из стихотворения А. А. Блока "Петроградское небо мутилось дождем...".

7 Из поэмы А. А. Блока "Двенадцать".

8 Из поэмы В. В. Маяковского "Владимир Ильич Ленин". Печатается по тексту газетной публикации.

Роберту Бернсу 200 лет. - Впервые в журнале "Культура и жизнь", 1959, э 1, январь.

1 Из стихотворения "Зачем терпеть в расцвете сил ярмо порабощенья?".

2 Из стихотворения "Строчки о войне и любви".

3 Д. Д. Шостакович, Г. В. Свиридов, Д. Б. Кабалевский и Т. Н. Хренников в песнях и романсах на слова Р. Бернса использовали главным образом переводы С. Я. Маршака.

4 Фаворский Владимир Андреевич (1886-1964) - русский советский художник, мастер книжной гравюры на дереве.

Печатается по тексту журнальной публикации.

Бессмертной памяти. - Впервые в "Литературной газете", 1959, э 25, 26 февраля.

1 "К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта".

2 Из "Послания к собрату-поэту".

8 "Заздравный тост".

4 Из стихотворения "Девушки из Тарболтона".

6 Из стихотворения "Подруга угольщика".

6 Из стихотворения "Скалистые горы, где спят облака...".

7 Оттуда же.

8 Из поэмы "Две собаки".

9 Из стихотворения "Девушки из Тарболтона".

10 "Строчки о войне и любви".

11 Из "Маленькой баллады".

12 Из стихотворения "Дерево свободы".

13 Из стихотворения "Честная бедность".

Печатается по тексту газетной публикации.

Почерк века, почерк поколения. - Впервые в "Литературной газете", 1959, э 41, 4 апреля, в разделе "Предсъездовская трибуна".

Написано в связи с подготовкой к III Всесоюзному съезду писателей. В более раннем автографе статья называлась "Право на чин". Имеется еще несколько абзацев, относящихся к дискуссии в печати о приеме переводчиков в Союз писателей.

1 Гнедич Николай Иванович (1784-1833) - поэт, создатель первого полного перевода "Илиады" Гомера на русский язык (1829). Этот труд, занявший 20 лет его жизни, - выдающееся явление русской национальной культуры, сохраняет свое значение и в наши дни.

2 Жуковский Василий Андреевич (1783-1852) - русский поэт-романтик, крупнейший поэт-переводчик XIX века. Полный перевод "Одиссеи" (1849) Гомера - последний большой переводческий труд Жуковского.

3 "Горные вершины" - вольный перевод стихотворения Гете "Uber allen Gipfeln". "На севере диком" ("Сосна") - перевод стихотворения Гейне "Ein Fichtenbaum steht einsem".

4 Толстой Алексей Константинович (18171875) - поэт, драматург и прозаик. "Коринфская невеста" и "Бог и баядера" - переводы баллад Гете.

5 "Не бил барабан перед смутным полком..." - стихотворение И. И. Козлова (1779-1840) "На погребение генерала сира Джона Мура", являющееся вольным переводом одноименных стансов ирландского поэта Чарлза Вульфа (1791-1823).

6 Михайлов Михаил Ларионович (1829-1865) - поэт, прозаик, переводчик-профессионал. "Во Францию два гренадера..." - перевод стихотворения Гейне "Die Grenadiere".

7 Бунин Иван Алексеевич (1870-1953) - русский писатель. "Песнь о Гайавате" Генри Лонгфелло (1807-1882) в переводе Бунина вышла в 1896 году (2 изд. - 1898).

8 Курочкин Василий Степанович (1831-1875) - поэт-сатирик, редактор передового сатирического журнала 1860-х годов "Искра", завоевал популярность как переводчик П. - Ж. Беранже (1780-1857).

9 Речь идет о стихотворении П. Беранже "Как яблочко румян..." (перевод В. С. Курочкина).

10 Фицджеральд Эдуард (1809-1883) - английский писатель. Его перевод произведений выдающегося таджикско-персидского поэта Омара Хайяма (1040-1123) считается классическим в английской литературе.

11 Тхоржевский Иван Иванович (псевдоним Иван-да-Марья) - выдающийся русский переводчик начала XX века.

12 Блуменау Леонид Васильевич (1862-1931) - видный русский ученый-невропатолог.

13 Переводы Л. В. Блуменау составили основу сборника "Греческая эпиграмма", ГИХЛ, М. 1960.

14 По Эдгар Аллам (1809-1849) - американский писатель, поэт, критик. На русский язык его произведения начали переводить Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, В, Я. Брюсов,

15 Бодлер Шарль (1822-1867) - французский поэт-лирик, зачинатель символизма. Первыми переводчиками Бодлера в России были Эллис (псевдоним Л. Л. Кобылянского), Ф. Сологуб (псевдоним Ф. К. Тетерникова), Вяч. Иванов.

16 Костомаров Всеволод Дмитриевич (18371865) - литератор, поэт-переводчик, сыграл предательскую роль в деле поэта-революционера М. Л. Михайлова.

Печатается по тексту газетной публикации.

Высокая трибуна. - Впервые в "Литературной газете", 1960, э 145, 8 декабря.

1 С. Я. Маршак цитирует рецензию В. Г. Белинского на "Детские сказки дедушки Иринея" В. Ф. Одоевского ("Про всякого из таких у нас на Руси говорят: "Это детский праздник". Вот таких-то "детских праздников" нужно и для детской литературы").

Печатается по тексту газетной публикации.

Замечательный художник. - Впервые в газете "Литература и жизнь", 1961, э 63, 28 мая.

Написано по случаю семидесятилетия со дня рождения выдающегося советского графика и живописца Владимира Васильевича Лебедева (1891-1967).

1 О творческих взаимоотношениях С. Я. Маршака и В. В. Лебедева см. в книге Ст. Б. Рассадина "Так начинают жить стихом" ("Детская литература", М. 1967) и предисловии И. Л. Андроникова в книге: С. Маршак - В. Лебедев, Детям ("Детская литература", М. 1967) и в сб. "Я думал, чувствовал, я жил", стр. 69.

Ст. Рассадин, определяя место В. В. Лебедева в истории советской детской книги, в частности, в творчестве С. Я. Маршака, пишет: "Настоящее содружество стиха и рисунка возможно тогда, когда они и друзья и соперники, и связаны друг с другом и самостоятельны. Так было в замечательных книжках-картинках, созданных в 20-е годы... Маршаком и Лебедевым. Недаром на обложках этих книжек и авторство обозначалось равноправно - например, так: "С. Маршак, В. Лебедев. Багаж" ("Так начинают жить стихом", стр. 171).

2 Из стихотворения В. В. Маяковского "Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому",

3 Речь идет о письме А. М. Горького С. Я. Маршаку от 21 марта 1927 года, Сорренто. - Опубликовано в "Литературной газете", 1966, э 98, 20 августа.

Печатается по тексту газетной публикации.

Щедрый талант. - Впервые в "Литературной газете", 1962, э 56, 12 мая.

Написано в связи с выставкой работ известного советского графика и живописца Владимира Михайловича Конашевича (1888-1963).

1 "Мир искусства" - объединение художников-модернистов, возникшее в 1899 году. Его участникам удалось создать новый тип художественной книги, в частности, книги для детей - как правило, большого формата, с крупными цветными рисунками.

2 Чехонин Сергей Васильевич (1878-1937) - представитель младшего поколения "мирискусников", русский график, художник театра. Иллюстрировал ряд произведений Маршака и Чуковского. В конце 20-х годов эмигрировал.

3 Добужинский Мстислав Валерьянович (1875-1957) - русский график, живописец, художник театра. С 1926 года жил за границей. Наиболее известны иллюстрации к сказкам "Свинопас" Андерсена и "Три толстяка" Олеши.

4 Бенуа Александр Николаевич (1870-1960) - русский художник, историк искусства и художественный критик. Много сделал для развития книжной графики. Широко известна его "Азбука в картинах" (1904).

Печатается по тексту газетной публикации.

Помнить надо! - Впервые в газете "Советская культура", 1962, э 59, 17 мая.

Письмо С. Я. Маршака, зачитанное на вечере, посвященном памяти выдающегося советского шекспироведа Михаила Михайловича Морозова (1897-1952).

1 Речь идет о высказывании героя горьковского рассказа "Кладбище" (сб. "По Руси").

Печатается по тексту газетной публикации.

Поэзия перевода. - Впервые в "Литературной газете", 1962, э 64, 31 мая.

Письмо С. Я. Маршака обращено к участникам проходившего в мае 1962 года в Москве совещания, посвященного проблемам перевода.

1 Борису Леонидовичу Пастернаку (1890-1960) принадлежат переводы из Гете, Шекспира, Шелли, Китса, Верлена, Петефи, Ганса Сакса, Клейста, Бен Джонсона, а также многих грузинских поэтов.

2 Анне Андреевне Ахматовой (1889-1966) принадлежат переводы из восточной, западноевропейской, латышской, еврейской, славянской поэзии.

3 Потапова Вера Аркадьевна (наст, фамилия - Длигач, 1910) - советская поэтесса, переводчик. Ей принадлежит, в частности, перевод травестированной поэмы "Энеида", автором которой является украинский писатель Иван Петрович Котляревский (1769-1838).

Печатается по тексту газетной публикации.

Книга для детей должна быть произведением высокого искусства. - Впервые в "Литературной газете", 1963, э 150, 17 декабря.

Письмо С. Я. Маршака собранию, посвященному тридцатилетию издательства "Детская литература".

1 Из обращения А. М. Горького "Пионерам".

2 Из стихотворения А. С. Пушкина "19 октября" ("Роняет лес багряный свой убор...").

3 Савельев Л. (псевдоним Липавского Леонида Савельевича, 1904-1941) - в детской литературе впервые выступил в середине двадцатых годов. Работал редактором в Ленинградском отделении Госиздата. Наиболее известные произведения: "Часы и карта Октября", "Ночь съезда Советов", "Штурм Зимнего", "На земле, на воде, в воздухе", "Следы на камне".

Печатается по тексту газетной публикации.

"Недралитет". - Публикуется впервые.

1 Из поэмы А. С. Пушкина "Евгений Онегин".

2 Из стихотворения Н. А. Некрасова "Школьник".

Печатается по машинописному автографу, условно датируемому второй половиной 30-х годов.

О Пушкине, о детях и о детской литературе. - Публикуется впервые.

В основе статьи лежит выступление С. Я. Маршака 22 февраля 1937 года в Москве на праздновании юбилея Пушкина. В архиве Маршака хранится черновой автограф, относящийся, видимо, к 1937 году. На нем - более поздняя правка и добавления. Этот вариант перепечатан, машинопись не содержит авторских пометок.

Печатается по машинописи, со сверкой по черновому автографу.

1 Шаховской Александр Александрович (1777,1846) - русский драматург, представитель классицизма.

2 Имеется в виду отрицательный отзыв о "Полтаве", который был помещен в "Северной пчеле". "Северная пчела" (1825-1864) - журнал, основанный Ф. В. Булгариным. После декабрьских событий 1825 года вел травлю прогрессивной литературы.

3 Имеется в виду статья А. С. Пушкина "Джон Теннер" (опубликованная в журнале "Современник", 1936, кн. 3).

4 "Table-talk" - сборник анекдотов и размышлений, записанных Пушкиным.

Дети-поэты. - Полностью публикуется впервые.

Главка 3 (в первоначальной редакции) входила в статью "Замечательное явление", напечатанную в газете "Правда", 1934, э 120, 1 мая, главки 2 и 3 в статью "Единая поэтическая школа", напечатанную в журнале "Резец", 1934, э 10, май. В переработанном и дополненном виде статья была подготовлена в феврале 1935 года для предполагавшегося к изданию сборника, посвященного детскому творчеству.

Позднее С. Я. Маршак написал книгу "Дети и искусство СССР", изданную в Москве на английском языке в 1939 году ("Children and Art in the USSR" by S. Marshak, Moscow, 1939). В архиве С. Маршака хранится его письмо к редактору книги.

Детскому творчеству С. Я. уделял много времени и сил. В 1934 году по его инициативе и при поддержке С. М. Кирова в Ленинграде был проведен конкурс детского творчества и открыт клуб-студия под названием "Дом детской литературы" - ДДЛ. С литературно одаренными ребятами, кроме С. Я. Маршака, вели занятия Т. Г. Габбе, З. М. Задунайская, А. И. Любарская. Маршак привозил к ребятам "бывалых людей", выдающихся ученых, литераторов, политических деятелей, стремился дать одаренным ребятам как можно более широкие представления о мире. "И, может быть, этим своим неистощимым любопытством ко всем проявлениям человеческой деятельности Маршак, вспоминает один из воспитанников ДДЛ А. Гольдберг, - давал нам самый главный пример того, как надо учиться жизни и воспринимать жизнь" (А. Гольдберг, Дом на Исаакиевской площади. - Журнал "Нева", 1967, э 12, стр. 175).

Печатается по машинописному автографу с авторской правкой.

Шут короля Лира. - Публикуется впервые.

Переводы песенок шута из "Короля Лира" предшествовали работе С. Я. Маршака над "Сонетами" Шекспира.

Печатается по машинописному автографу с авторской правкой, условно датируемому 1940-1941 годами (на основании упоминания о премьере "Короля Лира" в Ленинградском Большом драматическом театре имени Горького, состоявшейся в 1941 г.).

Любовь и ненависть. - Публикуется впервые.

Печатается по машинописи, сверенной с черновым автографом. Условно датируется августом 1942 года.

. - Публикуется впервые.

Вступительная речь на собрании комиссии по детской литературе Союза писателей СССР (27.IX.1948).

В архиве С. Я. Маршака хранится: рукописный автограф с первым вариантом выступления; машинопись, воспроизводящая черновой вариант с авторской правкой; последний вариант (машинопись с новой правкой, включающая рукописную вставку).

1 Из Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года "О журналах "Звезда" и "Ленинград".

2 Халтурин Иван Игнатьевич (1902-1969) - прозаик, очеркист, критик; работал в области детской литературы (редактор изд-в "Молодая гвардия" и "Детгиз", журналов "Пионер" и "Мурзилка", консультант по детской литературе Союза писателей СССР).

3 Здесь и далее С. Я. Маршак цитирует рецензию В. Г. Белинского на книгу В. Ф. Одоевского. "Детские сказки дедушки Иринея". Цитируется неточно. У Белинского: "Чем обыкновенно отличаются, например, повести для детей? Дурно склеенным рассказом, пересыпанным моральными сентенциями".

Печатается по последнему машинописному автографу.

. - Посмертно опубликовано в газете "Комсомольская правда", 1970, э 8, 11 января, под названием "Когда дети растут".

Печатается по автографу. Дата написания статьи определяется условно, по упоминанию г. Аксая, где С. Я. Маршак побывал в 1952 году.

. - Публикуется впервые.

В июле 1955 года С. Я. Маршак принял участие в Международной конференции по истории театра, происходившей в Лондоне. Окончательный текст выступления был отредактирован автором на английском языке (в архиве хранится машинопись на

английском языке с авторской правкой). Здесь приводится перевод этого текста, сделанный И. С. Маршаком, при выполнении которого была использована русская черновая редакция.

1 В наброске предисловия к "Борису Годунову" (1827) А. С. Пушкин писал: "...я расположил свою трагедию ("Борис Годунов") по системе отца нашего Шекспира..." (см. "Русские писатели о литературе" в 3 тт., т. 1, "Сов. писатель", Л. 1939, стр. 123).

2 О первых переводах сонетов Шекспира см. комментарий к т. 3 наст, изд., стр. 752.

3 Речь идет о письме, которое А. М. Горький написал Р. Роллану в конце декабря 1916 - в начале января 1917 года. В письме, в частности, говорилось: "Мне хотелось бы при участии лучших современных писателей создать целую серию книг для детей, содержащих биографии великих умов человечества (см. Собр. соч., т. 29, стр. 374).

4 С. Я. Маршак имеет в виду "Речь перед открытием Художественного Общедоступного театра" 14 июня 1898 года.

О чтецах и декламаторах. - Публикуется впервые.

1 Из стихотворения М. Ю. Лермонтова "К ***" ("Я не унижусь пред тобою...").

Печатается по машинописному автографу.

. Публикуется впервые.

Конференция была организована университетами Бирмингема и Манчестера, Институтом Шекспира, Шекспировским мемориальным театром и Британским советом 1-6 сентября 1957 года.

Русского текста выступления не сохранилось, а может быть, и не существовало. В архиве С. Я. Маршака хранится ксерокопия на английском языке. Здесь приводится перевод этого текста, сделанный сыном поэта, И. С. Маршаком.

. - Публикуется впервые.

1 Велимир (наст. имя - Виктор) Владимирович Хлебников (1885-1922) поэт-футурист, представитель экспериментальной линии в развитии русской поэзии.

2 См., например, поэмы "Война в мышеловке" (1916), "Невольничий берег" (1916), где Хлебников предсказывает и приветствует будущее освобождение народов. Однако сам Хлебников осознавал свое социальное бунтарство как анархическое: "...Черное знамя безволода поднято рукой человека и уже подхвачено рукой вселенной" ("Воззвание председателей земного шара", 1917).

3 В 1918-1922 годах Хлебников написал 13 больших поэм: "Ночь в окопе" (1918, напечат. в 1921), "Уструг Разина" (1922, опубл. посмертно), "Ночь перед Советами" (1921, опубл. посмертно) и др., а также десятки стихов, статей, заметок, отразив стихийное начало в Октябрьской революции.

4 См., например, статью Маяковского "В. В. Хлебников" (1922).

5 Здесь и далее С. Я. Маршак ссылается на издание: Велимир Хлебников, стихи, М. 1923, которое он считал наиболее удачным.

6 Татлин Владимир Евграфович (1885-1953) - советский художник-конструктивист.

Печатается по машинописному автографу.

О Марии Павловне Чеховой. - Опубликовано посмертно в кн.: "Хозяйка чеховского дома", Симферополь, "Крым", 1965.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://marshaksamuil.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Статьи, выступления, заметки, воспоминания. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!